
ИСТОРИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ КРУПНОГО АРМЯНСКОГО КУПЕЧЕСТВА С РОССИЕЙ В НАЧАЛЕ XVIII в.

В жизни армянского народа богатая бурными политическими событиями история первой трети XVIII века в значительной степени определялась активизацией ближневосточной политики России и, в частности, русско-армянских отношений.

Экономические основы политики русского государства в отношении армян нашли отражение еще в заключенном московским правительством в 1667 г. и с некоторыми ограничениями возобновленном в 1673 г. договоре с так называемой испаганской (или джюльфинской) армянской торговой компанией.

История заключения этого договора и развернувшихся на его основе торговых связей России с крупным армянским купечеством столицы Персии в последние три десятилетия XVII века в достаточной степени освещена в документах предыдущего тома настоящего сборника.

Торговая политика России в отношении Персии и испаганского крупного армянского купечества с момента заключения упомянутого договора и в течение первых двух десятилетий XVIII века была направлена на осуществление зафиксированного в нем основного условия, обязывавшего армянскую торговую компанию отказаться от транзитных путей Турции и перевести весь свой вывоз в Европу на каспийско-волжский путь¹.

Некоторые удобства и преимущества, предоставленные торговым договором 1667—1673 гг. армянским купцам, побудили последних значительно увеличить переброску персидских товаров и прежде всего шелка-сырца в западную Европу через Архангельск и Новгород. Однако и после заключения договора с армянской торговой компанией вывоз персидских товаров за границу, как и прежде, производился, главным образом, через сухопутные магистрали Турции.

¹) См. «Армяно-русские отношения в XVII в.», т. I, Ереван, 1953, стр. 48, 110 и след.

По подсчетам представителя испаганской армянской торговой компании Гр. Лусикова, ежегодный вывоз персидского шелка в Европу исчислялся приблизительно в 8000 тюков (тюк — 6 пудов), т. е. в общей сложности в 48 тысяч пудов², тогда как в течение последней четверти XVII в. через российские пути вывозилось лишь несколько тысяч пудов.

Публикуемые во втором томе нашего сборника материалы показывают, что положение с персидским вывозом не изменилось и в первые два десятилетия XVIII века. Более того, в начальный период войны России со шведами, до 1705 года включительно, вывоз шелка через российские гавани был прекращен и, видимо, поэтому в публикуемых материалах мы не встречаем ни одного документа этих лет. Относящиеся же к следующему пятилетию факты показывают, что общий объем персидского вывоза по всем видам товаров за это пятилетие не превышал в среднем 3000 пудов.

Есть, правда, основание полагать, что публикуемые нами документы не дают полного представления о действительном размере вывоза за эти годы. Так, например, в челобитной армянского купца Сафара Васильева говорится о том, что он в 1706 году дал русской казне около 30 тысяч рублей дохода³. Между тем, по данным нашего сборника, в 1706 году из Персии было вывезено 887 пудов товаров всего лишь на 21782 рубля, что при оплате казне установленной пошлины «по 10 денег с рубля и за провоз по рублю за пуд» не могло дать упомянутого Васильевым дохода.

Тем не менее столь же неоспоримо, что размеры персидского вывоза все же далеко не оправдывали ожиданий российского правительства. Если после заключения договора 1667 года осуществлению его помешало восстание Степана Разина, ставившее под угрозу безопасность судоходства по каспийско-волжскому пути, то столь же серьезным препятствием к разворачиванию персидского вывоза послужили ограничения, внесенные по настоянию российских купцов («гостей») в текст договора 1673 года. Эти ограничения давали армянским купцам право торговать с иностранцами лишь в г. Архангельске, то есть не вывозя товаров за рубежи Московского государства⁴. Однако, несмотря на то, что в 1679 г. армянам вновь было разрешено вывозить шелк-сырец через Россию и установить с Западной Европой⁵ прямые связи, преследуемая московским правительством цель — вывозить иранский шелк-сырец исключительно через Россию — так и не была достигнута.

²) См. там же, т. I, стр. 37, 71 и 158.

³) Общий ежегодный сбор пошлинных и провозных денег с экспортируемых из Персии в Астрахань товаров составлял в это время 100 тысяч рублей (В. П. Лыцов, Персидский поход Петра I, 1951, стр. 49).

⁴) См. «Армяно-русские отношения в XVII в.», т. I, стр. 129—143.

⁵) См. там же, стр. 157 и след.

Невыполнение договоров правительство Персии и экспортирующие купцы-армяне объясняли ненадежностью каспийско-волжского пути или же незаконными действиями российской администрации. В одной записи встречаем жалобы купцов на то, что «буса с товарами сгорела на море», что «воровские казаки бусу ж разграбили» или же, что «две бусы с русскими и персидскими товары на море волею божиею потопило». В той же записи имеется ссылка на убытки, причиненные в 1705—1707 годах в Астрахани заморским купцам «воровским бунтом» стрельцов — Булавинским восстанием. Существенна также ссылка на обременительность уплачиваемых в Астрахани пошлин за товары, ввозимые в Москву⁶.

В челобитной Сафара Васильева упоминаются убытки, понесенные армянскими купцами на пути из Персии в Европу и из Европы в Персию через Архангельский порт. По словам Васильева, в 1705—1706 годах товары этих купцов были «взяты» французами, в результате чего «учинилось их армянским компаниям разорение великое и великого государя казне... великий недобор»⁷. Ввиду этого Васильев считал, что персидские товары следует вывозить из России в Европу и из Европы в Россию не через Архангельск, а через Новгород и Ругодев. Жалобе Васильева было уделено должное внимание: правительство Петра I издало указ о пропуске ввозимых армянами товаров через Ругодев и С.-Петербург «морем на каких судах похотят», хотя бы и на шведских судах⁸.

Выдвинув задачу «персидский торг умножить и армян, как возможно, приласкать и облегчить, в чем пристойно, дабы тем подать охоту для большего их приезда», русское правительство указом Петра от 2 марта 1711 года предписывало строго блюсти установленные старыми договорами порядки, не допускать случаев незаконного сбора таможенных и провозных денег, прибывающих в Россию купцов обеспечивать подводами, приставами и провожатыми и постоянными дворами на путях следования, а в Москве — складами для продажи товаров и участками для постройки жилья. 14 мая 1711 года, вслед за указом, сенат принял особое постановление, в котором указывалось: «чтобы впредь с отпускных армянских товаров пошлины и провозные деньги взымались не в порубежных городах», а лишь в Москве, ввиду того, что, как писали в своих жалобах армянские купцы, «в Астрахани московских денег взять негде»; отсюда задержка в продаже товаров и в платеже пошлины,

⁶) См. док. № 9.

⁷) В водных пространствах Севера в это время вряд ли могли орудовать пираты французского происхождения. Говоря о «французах», армянин Сафар должно быть имел в виду «франков», в значении «европейцев», вернее — европейских пиратов, совершивших налеты на русские беломорские судна.

⁸) См. док. № 17.

в результате чего купцы «и в корабельный путь ко времени не успевают».

Указ Петра и постановление сената отражали стремление российского правительства способствовать развитию армяно-русских торговых отношений. В последующих документах мы уже не встречаем жалоб на упомянутые мероприятия российского правительства.

Несколько новый и важный момент в истории армяно-русских отношений связан с именем упомянутого нами Сафара Васильева, добившегося для себя и своего потомства привилегии на посадку недалеко от Терека шелковицы и поощрения шелководства в России. В этих целях в своем челобитье от 13 марта 1710 года Сафар просил предоставить в его распоряжение удобные места и рабочую силу «из вольных тамошних людей или из казаков или из русских», содействовать в переселении из Персии мастеров шелкового дела с челядью, владеющих «тайным обычаем» шелководства, а также выделить ему удобные места для производства риса и хлопчатой бумаги, чтобы было чем прокормить и одеть занятую шелководством рабочую силу⁹.

В ответ на это челобитье последовало повеление царя построить «к деланию шелку завод» и отвести Сафару нужных людей из местных жителей, а также разрешение привлечь мастеров из Персии и оказать им необходимое содействие¹⁰.

Оказанное правительством Сафару внимание объясняется тем, что наряду с поощрением ввоза в Россию персидского шелка, Петр I стремился к созданию в России через содействие армян шелководства, могущего покрыть спрос отечественной шелковой промышленности на шелк-сырец. Терский завод Сафара Васильева явился первенцем российских «шелковичных заводов»; и лишь в 1720 году появился подобный же завод в Астрахани¹¹.

Заботясь об увеличении ввоза персидского шелка-сырца и о создании в России шелковой промышленности, Петр не ограничился покровительством армянскому купечеству. В декабре 1716 года через российского резидента в Гамбурге — Беттигера, царь искал европейских пред-

⁹) См. док. № 23.

¹⁰) Следует упомянуть и о просьбе Сафара о предоставлении ему на его содержание нескольких способных («острых в учении») молодых людей из посадских или «какого нибудь чину из Московских охотников» для обучения их персидскому, арабскому и армянскому языкам. Он считал, что освоение этими молодыми людьми восточных языков окажется полезным русскому правительству, поскольку «тех языков перевотчиков на Москве нет» (там же, пункт 6).

Идея, выдвинутая Сафаром Васильевым, ровно через сто лет была горячо поддержана его соотечественниками Лазаревыми. Однако российское правительство не обратило внимания на скромную просьбу армянского купца, — вывод, не противоречащий тому факту, что в 1716 году вышел Сенатский указ об отправке в Персию пяти юношей из так называемых латинских школ для изучения восточных языков. См. ПСЗ, т. V, № 2978.

¹¹) Ср. В. П. Лысов, стр. 29.

принимателей, которые бы «купечество завели шелку-сырцу из Персиды вывозить и тем в России торговать, из чего в Москве или в Петербурге камки, тафты и др., шелковые штофы сделаны быть могут, а когда от таких капиталистов, которые купечество в Персиду завести хотят, в состоянии приведено (будет), то потом надлежит стараться таких фабрикантов получить, которые оные товары делать могут»¹².

Известно также, что Петр снабдил посольство А. П. Волюнского в Персию (1715 г.) подробной инструкцией, в которой с особой настойчивостью вновь указывалось на необходимость склонить правительство шаха к выполнению обязательства испаганской торговой компании в отношении персидского вывоза. Волюнскому поручалось добиться запрета вывоза персидских товаров через Турцию, учинить препятствие «смирнскому и алепскому торгам», действуя при этом не только угрозами и поощрениями, но и, в случае нужды, подкупом падких на соблазны шахских вельмож¹³. Заметим кстати, что в данном случае российское правительство руководствовалось не только экономическими, но и финансовыми соображениями. Интересно, что еще в 1717 году датский резидент Георг Грунт, основываясь на заявлении Петра, ставил свое правительство в известность, что царь рассматривает богатую шелком персидскую провинцию Гилян как обильный источник доходов, который сможет с избытком покрыть все затраты на войну против шведов¹⁴.

В переговорах с Персией Волюнский прикладывал все силы к тому, чтобы шах повелел армянской компании «весь свой торг обратить в Российское государство»¹⁵. Однако в полученном от имени шаха ответе указывалось на то, что правительство не может принудить армянских купцов перевести вывоз товаров на волжский путь. «Понеже — говорилось в ответе — купцам есть воля их как хотят, так и торгуют и ежели оной компании насильство будет в том, чтобы от иных стран свое купечество отставить и в Россию возвратить, то будет, что им уже и не торговать, и такое повеление есть непристойное»¹⁶.

Уклончивый ответ, данный Волюнскому от имени шаха, по существу завуалировал действительное положение вещей. Члены армянской торговой компании в основном являлись лишь торговыми агентами господствующего в Персии класса феодалов во главе с самим шахом: многие из них выполняли роль посредников между этим классом (главным собственником вывозимого из страны шелка-сырца) и иностранными покупателями персидских товаров. Вывоз товаров из Персии каждый раз

12) В. А. Ульяницкий. Русское консульство за границей в XVIII в. М., 1899, ч. I, стр. 72.

13) См. док. № 36, пункт 7.

14) См. «Материалы по истории Грузии», вып. IV, стр. 249.

15) Док. № 44, пункт 3.

16) Док. № 47, пункт 3.

происходил по указу шахского правительства¹⁷. Армянские «ходжа» (негоцианты) не имели ни возможности, ни особого желания отказаться от старых путей вывоза и от старых сношений с иностранными контрагентами Ирана, с которыми они связывались через транзитные пути Турции и через персидскую гавань Бендер-Абаси. Правда, помимо шелка, принадлежавшего фиску или крупным феодалам, армянские купцы скупали и вывозили также шелк-сырец или шелковые изделия непосредственных производителей — крестьян или городских ремесленников¹⁸, но следует предположить, что эта часть вывоза не составляла главной его доли. Помимо этого необходимо учесть, что шахское правительство регулировало направление вывоза под давлением Турции и таких заморских держав, как Англия, Голландия и Франция, которые отстаивали в Персии интересы своих торговых компаний в силу заключенных с Персией договоров, предоставивших иностранцам различные права и привилегии и возлагавших на шахское правительство известные обязательства в отношении ввоза и вывоза иностранных товаров.

Англичане и голландцы занимали в персидском экспорте господствующее положение. В XVII веке персы делили с ними доходы гавани Бендер-Абаси. Вывозить персидские товары через океан для англичан и голландцев было выгоднее, чем через сухопутные магистрали Передней Азии, где приходилось выплачивать туркам огромные пошлины¹⁹. В 1665 г. армяне получили право на создание в Индии своих факторий и право свободной торговли, а в 1688 г. английский наместник и связанная с Индией Лондонская торговая компания заключили с проживающим в Сурате испаганским армянином — ходжа Фаносом Калантаром — договор, в силу которого армянским купцам Индии и Персии предоставлялось равное с англичанами право торговли²⁰. Взяв, вместе с тем, под свой контроль торговые операции армян, англичане поставили перед армянскими купцами задачу — добиться перевода персидско-европейской торговли с караванных путей Турции на морской путь в Индию; они же (армянские купцы) были обязаны обходить не только левантийские биржи, где преобладало влияние французских покупателей персидского шелка, но и каспийско-волжский путь, через который испаганская армянская компания осуществляла свои торговые связи со странами Севера — Россией, Швецией и Голландией. Нет сомнения в том,

¹⁷) См. «Армяно-русские отношения», I, стр. 44.

¹⁸) Там же, I, стр. 51.

¹⁹) См. Gouvea. Antoine de, Relation de grandes guerres et victoires obtenues par le roy de Perse Cha-Abbas contre les empereurs de Turquie Mahomet et Achmet son fils. Trad. de portugais, Rouen, 1646 p. 457. Herbert, Thomas, Relation du voyage de Perse et des Indes orientales, Paris, 1663, p. 190. Della Valle, Pietro, Peiss-Beschreibung in unterschiedlichen Theilen der Welt, Genf, 1674, II, p. 224. Du Mans, Raphael, Estat de la Perse en 1660, Paris, 1890, Introduction, XXVI и стр. 6 и след.

²⁰) См. M. Seth. Armenians in India, Calcutta 1937, p. 237 и след.

что выполнению заключенного с Россией испаганской армянской торговой компанией договора английские и голландские контрагенты Персии и связанные с ними круги в Персии и Индии должны были оказывать решительное противодействие.

Заключенный с армянами договор англичан приобрел особенно большое практическое значение после 1689 года, когда англичане присоединились к антифранцузской коалиции европейских государств, и после 1693 года, когда французы потопили направлявшиеся в Турцию английские корабли. Одновременно англичане нанесли ущерб вывозу персидского шелка в Архангельске и Новгороде и тем самым учинили серьезное препятствие осуществлению заключенного в Москве в 1673 году договора с испаганской армянской торговой компанией. Выполнению этого договора противодействовали и голландцы: они подвергали его резкой критике, всячески настаивая на восстановлении права свободной торговли с армянскими и персидскими купцами на всей территории России: ведь русские «гости», как было упомянуто выше, не соглашались на предоставление армянам права вывозить иранские товары за рубежи Московского государства.

Направленная против России торговая политика голландцев и англичан причинила ущерб не только России, но и самой Персии. Она нанесла кустарной промышленности Персии сокрушительный удар, постепенно превратив эту страну в полуколонию заморского капитала и став одной из решающих причин ее экономической и политической деградации²¹.

Пагубное воздействие европейцев на докапиталистическую экономику Персии и, в частности, на позиции армянского торгового капитала в этой стране стало особенно очевидным с середины XVIII в., после вступления Англии на путь промышленной революции.

Ревниво оберегали свои экономические интересы в Персии также и французы. Во второй половине XVII и в начале XVIII века французские купцы и путешественники все охотнее навевывались в эту страну, а дипломаты и миссионеры Людовика XIV заверяли Сефевидов в верной дружбе «короля-солнца», добиваясь прав и преимуществ для развертывания в Персии торговли французских купцов. Одновременно французы заботились и об усилении своего влияния на армянских купцов Испагана, которым еще в 1629 г. они выдали особый патент на свободный доступ в Марсель²². Когда же в начале XVIII века среди армян возникла политическая тяга к России, французские дипломаты усмотрели в этом явную угрозу своим экономическим интересам в Персии и пустили в ход все средства, чтобы воспрепятствовать политическому сближению армян с Россией²³.

21) См. А. Г. Иоаннисян. Очерки истории армянской освободительной мысли, кн. II, Ереван, 1959, стр. 113 и след. (на арм. яз.).

22) См. Г. Алишан. Сисуан, стр. 456 (на арм. яз.).

23) См. А. Г. Иоаннисян, там же, стр. 579 и след.

Недовольное деятельностью испаганской торговой компании Российское правительство пыталось договориться с армянскими купцами, не связанными с этой компанией. Так, в бытность свою в Шемахе, Волынский оказал поддержку армянскому купцу из Карабаха — Манусову, который раньше торговал в Алеппо, а теперь решил искать счастья в России. Волынский приветствовал инициативу Манусова и пожелал, чтобы похвальному примеру последовали его соотечественники.

Еще в 1711 году Петр разрешил армянскому купцу Меркулу Агазарову переехать с семьей из Голландии в Москву. Посольскому приказу было дано указание «являть к нему всякую приязнь и протекцию и чтоб ему позволено было купечество отправлять против иных свободно»²⁴. В 1717 году российское правительство сделало попытку привлечь в Россию крупных армянских купцов Смирны, один из известных представителей которых, Петрос Абро, в бытность Петра I в Голландии, изъявил готовность вместе со своими братьями поехать в Персию для организации переброски персидских товаров через волжский путь в Москву и в С.-Петербург. Петр распространил на смирнских купцов все права и привилегии, ранее предоставленные испаганским армянским купцам²⁵. Однако все эти мероприятия российского правительства оказались безрезультатными.

В ходе переговоров с персидским правительством Волынский добивался, чтобы русским купцам, в отмену существовавшего в Персии запрета, было разрешено закупать шелк-сырец в Гиляне и Ширване, с признанием за ними преимущественного права такой закупки («прежде всех покупать шелк купцам российским, а другим не покупать»). Домогательств Волынского, явно направленных против армянской торговой компании, пользовавшейся преимущественным правом закупки и вывоза персидского шелка — правительство шаха не поддержало. Российским купцам было разрешено покупать в Гиляне и Ширване шелк-сырец и по уплате пошлин экспортировать его в Россию лишь на равных правах с иранско-подданными купцами²⁶.

Волынский вынес из своих переговоров в Персии твердое убеждение, что заключенный в 1717 г. русско-персидский договор не создаст прочной базы для дальнейшего развития русско-персидских отношений. Судя по его запискам, местные власти в Шемахе не признавали заключенного им с шахом договора и не удовлетворяли вытекавших из него требований²⁷. Что касается армянских купцов из Новой Джульфы, то и они в свою очередь действовали в обход заключенного Волынским до-

²⁴) Док. № 33. Ср. также док. № 30 и 46.

²⁵) См. док. № 42.

²⁶) См. ЦГАДА, ф. Сношения России с Персией, 1716—1718 гг., № 2, лл. 208, 233; № 3, л. 309, 310.

²⁷) См. там же, л. 411.

говора ²⁸. Вот почему Волынский добился от российского правительства аннулирования заключенных с армянской торговой компанией старых договоров московского правительства. Указ Петра от 6 июня 1719 года, отменивший эти договоры, был прямым результатом домогательств Волынского. Более того, вслед за изданием указа политика «обласкивания» армянских купцов и привлечения их к экономическому сотрудничеству с Россией должна была уступить свое место форсированию рекомендованного Волынским похода в Персию и захвату прикаспийских провинций Персии — родины персидского шелка.

Поводом к организации похода послужило сопротивление, оказанное ширванскими властями заключенному в 1717 году русско-персидскому договору. Сопротивление это особенно ярко выразилось в том, что в 1721 году лезгинские феодалы Дагестана и Ширвана во главе шеститысячного отряда горцев заняли Шемаху и разграбили в этом городе товары русских купцов стоимостью в полмиллиона рублей.

Враждебный по отношению к русскому купечеству акт лезгинских феодалов был совершен в угоду политике султанской Турции; руководители захватчиков явились ее прямыми агентами. По сведениям российского правительства, в ответ на посольство Волынского, Порты отправила в Исфаган посланника, который должен был потребовать, «чтобы персидское купечество все обратило через Турецкое государство» и отправило султану 1600 таев шелка в виде подарка²⁹. Раздраженный русско-персидским договором турки разговаривали с шахом Султаном-Гусейном языком наглых ультиматумов. В 1721 г. в осажденном афганцами Исфагане турецкий посол обратился к шаху с требованием не допускать европейских купцов в Персидский залив, и, по прекращении вывоза персидских товаров через Россию, весь гилианский шелк направлять в Европу по турецким магистралям. Одновременно он потребовал, чтобы Персия обеспечила себя собственными морскими судами и не давала воли российскому судоходству на Каспийском море³⁰.

Новый курс, взятый российским правительством в отношении армянского купечества, был изменен фактически лишь после оккупации русскими войсками Каспийского побережья. В указах от 5 июля 1723 года и 8 июля 1725 г. царь возобновил торговлю армян как в оккупированных русскими владениях Персии, так и в самой России ³¹.

Указы и инструкции, составленные в последние годы царствования Петра, свидетельствуют не только о восстановлении старых прав при-

²⁸) См. там же, л. 586—587.

²⁹) См. там же, л. 47.

³⁰) См. В. П. Лысов, стр. 68. У Лысова в соответствующем месте речь идет не о «европейской», а о «французской» торговле, что, конечно, является явным недоразумением. Речь, очевидно, шла о торговле не «французов», а «франков», т. е. «европейцев» вообще.

³¹) См. док. № 61 и 63.

бывавших из Персии армянских купцов, но и о стремлении основать в ряде областей и районов Кавказа и юга России купеческие колонии. Одновременно русское правительство ставило себе целью усилить политические связи с армянским народом, содействуя его освободительной борьбе против персидских захватчиков. Перед нами здесь встает вопрос, нуждающийся в особом освещении.

II

ПЕРЕГОВОРЫ АРМЯНСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ С РОССИЕЙ

Оживление торговых отношений армян с Россией в известной мере способствовало развитию русско-армянских политических связей. В дальнейшем эта взаимосвязь до некоторой степени содействовала тому, что в борьбе с персидскими и турецкими поработителями руководители освободительного движения армян могли возлагать надежду на покровительство и поддержку великой северной державы.

Было бы ошибочно искать реальную почву для возникновения политической ориентации армян на Россию лишь в усилении русско-армянских торговых связей. Выше нами было указано, что члены испаганской армянской торговой компании, будучи поставщиками иранского шелка-сырца, являлись в основном торговыми агентами шаха и феодальной верхушки Персии. Накапливая личное богатство далеко от родины и сохраняя лишь общие культурные и религиозные связи с ее населением, испаганские представители крупного армянского купечества в своей деятельности не отражали экономических и политических интересов Армении и ее народных масс. Лишь в относительно малой степени подвергаясь притеснениям со стороны господствовавшего в Персии или Турции деспотического режима, они не могли стать выразителями социальных и политических устремлений народных масс Армении и иметь прямое отношение к их освободительной борьбе.

На протяжении веков различные политические направления освободительных идей внутри Армении формировались главным образом под прямым воздействием феодально-церковной или народно-крестьянской среды. Представители армянского купечества принимали и могли принимать участие в освободительном движении армянского народа лишь там, где они, не имея материальных связей с господствующей в стране чужеземной верхушкой, сами испытывали воздействие тяготевшего над страной социального и политического гнета.

В армянских фольклорных и литературных источниках Московское государство начало фигурировать в роли покровителя освободительных движений народов христианского Востока еще с XV—XVI веков. Харак-

терно, однако, что оно рассматривалось в этих источниках как государство, которое должно было взять на себя миссию освобождения армянского народа наряду с другими странами христианского мира. Принимая активное участие в формировании идеи общеевропейского фронта борьбы с османскими завоевателями, руководители освободительного движения армян еще в XV—XVI веках отводили Московскому государству роль одного из участников и руководителей этой борьбы³².

В конце XVII и начале XVIII веков переживаемая Персией экономическая деградация и усиление гнета государственной власти Сефевидов вызвали среди подвластных ей народов сильное брожение. В различных окраинах страны, как и в Закавказье, поднялась волна освободительного движения. Победоносное завершение Северной войны и активизация к этому времени интереса России к берегам Каспийского моря ориентировали освободительное движение народов Закавказья почти исключительно на великую северную державу.

Как показывают материалы настоящего сборника, еще в начале XVIII века в роли идеолога русской ориентации армянского освободительного движения выступил представитель армянских меликов — Израел Ори.

Сведения о прошлом этого выдающегося деятеля армянского освободительного движения конца XVII — начала XVIII веков порою весьма противоречивы. Но критический анализ этих сведений все же дает возможность установить политическую биографию Ори.

В дошедших до нас документах³³ сообщается о состоявшемся в 1677 году, в Эчмиадзине или в Ереване, под руководством верховного католикоса армян, Акопа Джугаеци, тайном совещании с участием представителей духовных и светских армянских магнатов (в том числе и отца Израела Ори, одного из кафанских меликов). На совещании было принято решение установить связь с возглавлявшими в это время вооруженное восстание против шахского правительства картлинским царем Георгием XI и кахетинским царем Арчилем и вместе с ними обратиться за помощью как к Московскому государству, так и к римской курии и заинтересованным в восточных делах государствам Западной Европы.

По завершении переговоров в Грузии, намеченная для следования в Европу делегация, во главе с католикосом и с участием отца Ори, в 1680 прибыла в Константинополь. Однако вследствие скоропостижной кончины главы делегации и по ряду других причин члены делегации вынуждены были вернуться обратно. Лишь одно лицо, молодой Израел Ори, сопровождавший отца в Константинополь, продолжал путь в Евро-

³²) Подробнее об этом см. в нашей работе «Очерки истории армянской освободительной мысли», книга II, стр. 474 и след.

³³) См. Г. А. Эзов, Сношения Петра Великого с армянским народом, СПб, 1698, док. № 2, 5, 6, 7, 8 и 44. Последние четыре документа в нашем сборнике помещены под № 66, 67, 68 и 86.

пу. В Италии и во Франции он ввязался в различные торговые и интендантские предприятия, а в середине 90-х годов, очутившись в качестве городского комиссара по поставке товаров при дворе пфальцского курфюрста, встретил в лице курфюрста Иоанна-Вильгельма государственного деятеля, проявившего активный интерес к занимавшей его идее освобождения Армении и даже выразившего готовность возглавить будущее «Армянское царство». В 1699 году, получив через Ори соответствующие заверения за подписью собравшихся в селе Ангелакоте десяти меликов Кафана, курфюрст направил Ори во Флоренцию к своему тестю, великому князю Козьме III, затем в Рим, к папе Иннокентию XII, и в Вену, к императору Леопольду I, для ведения с ними переговоров по вопросу об освобождении Армении. Кроме письменной рекомендации курфюрста, в распоряжении Ори имелись составленные от имени собравшихся в Ангелакоте меликов обращения к европейским государствам, а также и к русскому царю, и доверительная грамота («carte blanche») на имя Ори и Минаса-вардапета — армянского архимандрита, в 1699 г. также участвовавшего на совещании в Ангелакоте и в дальнейшем сопровождавшего Ори во время его переговоров с упомянутыми европейскими государствами, а позже и с Россией.

Реальных результатов переговоры Ори на Западе не дали. Разразившаяся после заключения с Турцией Карловицкого мира война за Испанское наследство отвлекла внимание немецких государств, в том числе и пфальцского курфюрста, от восточных дел, и Ори был вынужден пересмотреть программу своих действий. В 1701 году Ори и Минас-вардапет с рекомендательными грамотами императора Леопольда³⁴ и пфальцского курфюрста³⁵ прибыли для ведения дальнейших переговоров в Москву. Здесь они передали по назначению составленное от имени кафанских меликов обращение к Петру I от 29 апреля 1699 года³⁶. Описав положение армян, изнывавших под игом Персии, мелики Кафана обращаются к Петру I с просьбой оказать армянам покровительство и помочь им избавиться от «вавилонского пленения». «Не имеем иной надежды,— читаем в обращении меликов к царю,— токмо в Бозе монарха небесного [и] Вашего Величества на земли государя». Авторы послания сообщают далее, что они дали Израелу Ори, родом среди них старейшему, свое согласие и закрепленную подписями и печатями доверительную грамоту, уполномочив его договориться с российским ца-

³⁴) См. док. № 71.

³⁵) См. док. № 69.

³⁶) Анализ представленного царю варианта обращения показывает, что в действительности оно было составлено несколько позднее, в связи с переменой политической ситуации в Европе — в самый канун московских переговоров Ори и Минас-вардапета. См. наши работы: «К вопросу о начале ориентации армян на Россию». Эчмиадзин, 1921 (на арм. яз.) и «Очерки истории армянской освободительной мысли», книга II, стр. 341.

рем об условиях и путях их освобождения. «Наше намерение есть, дабы мы и все народы наши, великие и малые, поддались бы власти и государствованию величеству вашему, якоже толикие принцыпы и бояре, которые суть под властью вашего величества»³⁷. По смыслу этого обращения, в отличие от планов Ори до его приезда в Россию, военные меры, необходимые для освобождения Армении, должны быть предприняты по инициативе и под руководством России. Армяне, разъяряет Ори, просят царя взять в свои руки инициативу по их освобождению. В случае нужды другие государства Европы могут принять в этом деле участие, предоставив в распоряжение царя вспомогательные силы³⁸.

В соответствии с текстом обращения Ори разработал и представил в Посольский приказ детальные соображения о перспективах всего этого дела. Осуществление своей идеи он связывал с организуемым царем персидским походом. Военная помощь курфюрста и его союзников, полагал Ори, понадобится разве только в том случае, если турки не примирятся с идеей освобождения персидско-подданных армян и объявят России войну; но и в этом случае вспомогательные силы курфюрста «проходить будут чрез земли его царского величества... под крышкою и именем его царского величества»³⁹.

Для занятия Закавказья (Кавказского побережья Каспийского моря, Тифлиса, Еревана и Нахичевана) навстречу 25-тысячному русскому войску (15-тысячной казацкой коннице и 10-тысячной пехоте), — писал Ори, — выйдут грузинские и армянские повстанцы. В случае сопротивления со стороны центральной Персии, армия освободителей, форсировав реку Аракс, доберется до Тавриза и главной базы производства персидского шелка-сырца — Гиляна⁴⁰.

В своих записках Ори неоднократно ссылается на свидетельство бывшего имеретинского царя Арчила, — руководителя освободительного движения в Грузии, в свое время поднявшего знамя восстания против персидских и турецких захватчиков Закавказья и под конец обретшего приют в Москве, — который вместе с Ори не переставал надеяться на освобождение родины с помощью России⁴¹. Ряд документов, включенных в настоящий сборник, свидетельствует о московских встречах Ори с Арчилом и об участии последнего в разработке представленных в Посольский приказ планов российского похода в Закавказье.

В интересах обеспечения деятельного участия Арчила в будущем походе Ори считал необходимым, чтобы русское правительство ходатайствовало перед шахом о восстановлении Арчила в правах. Ори пола-

³⁷) Док. № 68, ср. также армянский текст и латинский перевод док. № 66 и 67.

³⁸) См. док. № 79 и 80.

³⁹) Г. А. Эзов. Док. № 83, (§ 1 и 2), ср. док. № 110.

⁴⁰) См. там же, док. № 85.

⁴¹) См. «Переписка на иностранных языках грузинских царей с российскими государями от 1639—1770 гг.», СПб, 1861, стр. XXV.

гал также, что в момент вступления русских войск в Персию он и Арчил закроют переход через реку Аракс и тем самым не дадут персам последовать примеру отступающих армий шах-Аббаса — опустошить, разорить Армению и лишить русские войска продовольственных баз⁴².

Ори ссылается на Арчила, как на человека, хорошо знавшего его родителей должно быть еще со времени пребывания в Грузии упомянутой нами делегации католикоса Акопа Джугаеци. В одном из своих писем, отправленных из Москвы пфальцскому курфюрсту, Ори сообщал: «Грузинский князь знает моих родителей давно и относится ко мне благосклонно и с любовью, доверяя мне во всем и уверяя меня в том, что солидарен со всеми моими действиями. Арчил желает заключить прочный союз с (германским) императором... и уверен, что сможет склонить в сторону императора не только грузин, но и тюркменов (азербайджанцев.—А. И.), курдов, абхазцев и других, которые начнут войну против турков, в случае, если они объявят его величеству войну»⁴³. Эти строки — неоспоримое свидетельство общности политических позиций Ори и Арчила.

Политическое единомыслие Ори и Арчила нашло свое яркое выражение не только в их расчетах на военную интервенцию России в Закавказье, но и в их плане союза царя с цесарем и общей их установке на развертывание восстания угнетенных народов Закавказья и Турции против персидских и турецких захватчиков.

Ори знал, что освободительное движение армянского народа не ограничится борьбой Закавказья с персидскими поработителями. Он понимал, что как экономические задачи Петра, так и его поход в Персию, в конечном счете, приведут к конфликту с Турцией и одновременно откроют перед народами Закавказья перспективу вооруженного столкновения с турками. В 1703 году, представив в Посольский приказ географическую карту Армении⁴⁴, Ори обращал внимание Петра на то обстоятельство, что в персидском Закавказье иной крепости, кроме ереванской, нет. Мало крепостей также и в Восточной Анатолии,— писал он,— притом населена она главным образом армянами и греками. Турки поймут, что вторжение царя в Закавказье открывает перед Россией путь в Константинополь и, если попытаются воспрепятствовать вторжению России в Персию, то русским придется искать союза с непримиримым врагом турок, с цесарем (т. е. Австрией⁴⁵). Ори выдвигал не только план союза царя с цесарем, но и план развертывания внутри Турции освободительного движения угнетенных ею народностей. В политических

⁴²) См. док. № 110 в Г. А. Эзов. № 141 и 145.

⁴³) Док. № 110. Цитируем в современном переводе с французского.

⁴⁴) См. карту, приложенную к настоящей части сборника.

⁴⁵) См. док. № 107.

перспективах Ори, кроме армян, грузин и греков, в качестве участников этого движения фигурируют даже курды, арабы и сирийцы⁴⁶.

Пожелания армянских меликов, сформулированные Израелом Ори, обратили на себя благосклонное внимание царя, поскольку мелики шли навстречу его политическим перспективам в отношении освоения юго-западного побережья Каспийского моря.

До нас дошли послания кафанских меликов, доставленные в 1703 году в Посольский приказ в ответ на извещение Ори о склонности царя взять в свои руки дело об освобождении Армении⁴⁷.

Критическое изучение этих посланий нас привело к отрицанию их аутентичности⁴⁸. Нами было высказано соображение, что Ори и Минасвардапет, воспользовавшись полученными ими в свое время от армянских меликов полномочиями и чистыми листами для ведения переговоров с европейскими державами, по существу вкладывали в эти послания лишь собственные взгляды и пожелания и обрисовывали в них положение дел в Армении по информации частных лиц. Тем не менее, поскольку в Посольском приказе эти документы были восприняты как обращения, исходящие от лиц, чьи имена стояли под ними, они содействовали дальнейшему ведению переговоров.

Готовясь к персидскому походу, Петр считал необходимым изучить будущий театр военных действий, а также выяснить настроение стран и народов, с которыми придется иметь дело. Для этой цели он полагал отправить в Персию «посылщика своего чином купеческим»⁴⁹. В своих обращениях к Посольскому приказу Ори заверял, что неизвестный армянам, случайный «посылщик» не сможет получить доступ в укрепленные пункты страны, и считал целесообразным отправить в Персию «посылку гонецкую». При этом он выразил желание самому присоединиться к этой посылке, чтобы облегчить гонцу встречу с армянскими меликами⁵⁰. Эта мысль в Посольском приказе получила, по-видимому, положительную оценку — с той лишь оговоркой, что было признано нужным функцию гонца возложить на самого Ори. Было также признано целесообразным использовать связи Ори с немецкими государями с тем, чтобы получить для него верительные грамоты: это завуалировало бы посылку и притупило бы бдительность шаха, сильно обеспокоенного приготовлениями русских на Волге. Заодно Ори смог бы получить от своих немецких покровителей обещанных ими офицеров, инженеров и мастеров, необходимых для сопровождения его в Персию и

⁴⁶) См. док. № 98 и 100.

⁴⁷) Док. № 97, 98, 99, 100, 101, 103 и 104.

⁴⁸) Ср. А. Иоаннисян. К вопросу о начале ориентации армян на Россию, Эчмиадин, 1921 (на арм. яз.) и его же «Очерки истории освободительной мысли», кн. II, стр. 523—534.

⁴⁹) Док. № 91, пункт 4.

⁵⁰) См. там же. № 91, пункт 4.

для сформирования в Астрахани полка карабинеров, могущего принять участие в будущем походе⁵¹.

В соответствии с планом Посольского приказа, готовясь выехать на Запад, Ори в своих обращениях в Посольский приказ, к канцлеру Ф. А. Головину и к самому царю просил пожаловать ему ранг полковника карабинеров. Это, разъяснял он, поможет ему завербовать в Германии офицеров, инженеров и оружейных мастеров, могущих быть использованными в России «сообразно с помыслами царя»⁵². Ранг полковника, полагал он, облегчит ему получение в Германии верительных грамот, а по возвращении из Персии даст возможность перебросить в Астрахань одну, две и более тысяч людей и коней, с тем, чтобы «своими проторами» (если нельзя иначе) организовать полк карабинеров. Создание такого полка не только послужит на пользу будущего похода в Персию, но и, укрепив надежду армян на обещанную царем помощь делу их освобождения, поможет рассеять среди армян сомнение всех «инакомыслящих»⁵³.

Просьба Ори о пожаловании ему звания полковника была удовлетворена самим царем⁵⁴. Тем самым по существу был одобрен и весь план его посылки в Персию. Для получения верительных грамот к шаху в 1704 году Ори с рекомендательными письмами Петра на имя императора и курфюрста прибыл в Германию. Однако в условиях вторжения шведов в Россию немецкие покровители Ори сочли, что для них безопаснее выхлопотать ему грамоту папы. Пфальцский курфюрст через своего исповедника передал Ори для вручения шаху письмо папы от 15 июля 1705 года, в котором Клемент XI заступает за армян, подвергаемых правительством властелина Персии религиозным преследованиям.

Несмотря на все эти предосторожности, Ори, прибывший в 1708 году в Персию, все же был встречен недружелюбно: он был принят как прикрытый грамотой папы посланец русского царя. При этом наиболее враждебно к нему отнеслись как раз аккредитованные в Персии папские миссионеры и посланник католической Франции.

Особое усердие перед персидским двором проявили миссионеры-французы. Они распространили слух о том, что Ори, полковник русской службы и потомок древних царей Армении, прибыл с намерением восстановить с помощью русского царя древнее царство армян и что он сам претендует на пустующий престол этого царства как его правомочный, законный наследник. В доказательство указывалось, что даже в самом имя Израел Ори включается анограмма: «il sera гоу» — «он будет царем»⁵⁵.

51) См. док. № 91, пункт 2—3 и 94, пункт 1—2.

52) См. Г. А. Эзов. Док. № 106—111 и 116. Наст. сборник, док. № 107 и 108.

53) См. Г. А. Эзов. Док. № 110 и 144 и наст. сборн., док. № 110.

54) См. док. № 108.

55) J. Th. Krusinski. *Tragica vertentis belli persici historia*, Leopoli. 1740, § 268.

Муссируя подобные слухи, враждебные к России элементы надеялись воспрепятствовать выдаче разрешения на въезд Ори в столицу Персии, но они только нагнали страх на суеверного Султана-Гуссейна, и шах, из опасения вызвать гнев царя, решил, наоборот, санкционировать и ускорить прибытие «посланца папы» Ори из Шемахи в Испаган.

Результаты дипломатических переговоров Ори с правительством Персии, как не трудно заключить из послания шаха к Петру⁵⁶, были незначительными. Зато более чем двухлетнее пребывание Ори в Персии и Закавказье содействовало укреплению политической ориентации армян на Россию. Блестящее посольство полковника русской службы произвело должное впечатление на высшие слои его соотечественников, прежде всего на армянское духовенство, меликов и купечество, и способствовало переориентации их на Россию. По пути в Испаган и по возвращении из Исфагана Ори имел встречи с верховным патриархом армян католиком Александром. В письме к царю последний засвидетельствовал, что своим посольством в Персию Ори «вызвал всеобщее восхищение», что его самого он привел к «великой радости и ликованиям» своими рассказами о совершенной любви русского царя к народу армянскому⁵⁷. Однако осторожный пастырь армянской церкви в этом письме воздержался от выражения «своих политических симпатий» к России и своего отношения к идее распространения российского протектората на армян Закавказья. Такая осторожная и выжидательная по существу позиция была характерна и для ряда последующих католиков Эчмиадзина. Так, в 1716 году, преемник Александра, католик Аствацатур, при переговорах в Эчмиадзине со сподвижником Ори Миной-вардапетом, отделался лишь словесным заявлением, «что то дело, о котором мыслят и он вардапет объявил, зело добро и он в том деле его царскому величеству служить и вспомогать желает». Как поясняет Минас, католик все же отказался высказать это в письменном виде, опасаясь шаха, «понеже то дело великое и чтоб всем им в разорении не быть»⁵⁸.

На обратном пути в Россию состоялась встреча Ори с католиком Гандзасара — Есаи Гасан Джалаляном. Будучи отпрыском рода армянских меликов Хачена, католик Есаи выражал интересы не только высшего армянского духовенства Карабаха, но и известных кругов мелкой армянской знати этой области. Область эта, имевшая в то время экономические связи с побережьем Каспийского моря и со славящимся шелководством Ширванским ханством, с одной стороны, и грузинскими княжествами, с другой, испытывала, как и эти земли, экономическое и политическое тяготение к России. В частности, католик Гандзасара

⁵⁶) См. док. № 124.

⁵⁷) См. А. Г. Иоаннисян. К вопросу о начале ориентации армян на Россию, приложение № 5.

⁵⁸) Док. № 154.

стремился распространить свою церковную компетенцию на армянские поселения Москвы, Астрахани и всего юга России. Не было случайностью, что католикос Есаи одним из первых воспринял политическую ориентацию на Россию и в дальнейшем явился убежденным сторонником московской программы Ори и одним из организаторов и руководителей борьбы за ее осуществление.

Вполне вероятно, что, по возвращении из Испагана, Ори побывал в Гяндже, столице Карабахского ханства, где он, должно быть, имел встречу и с другими армянскими руководителями Карабаха. Об этом может свидетельствовать составленное десять лет спустя — 1 апреля 1721 г. — письмо ряда духовных и светских представителей армян этой области, адресованное Петру I. Авторы письма, приветствуя царя как «освободителя» угнетенных христианских народов, в частности сообщают, что об их «помыслах» (т. е. об их ориентации на царя. — А. И.) в свое время осведомлялся посол Израил Ори, «когда прибыл в этот край и узнал обо всех входах и выходах на море и на суше, о войсках как пеших, так и конных и о прочих делах». Далее в письме говорится, что во время своего пребывания в Карабахском ханстве Ори изучил имеющиеся там пути сообщения, месторождения шелковицы и завербовал специалистов по шелководству с намерением перевезти их в Россию. Кроме католикоса Есаи и настоятелей четырех крупнейших армянских монастырей, под этим письмом подписались мелик Чараберда, Есаи сын Ахаджана и трое горожан, являвшихся, по-видимому, представителями армянского купечества Гянджи⁵⁹. В другом, более раннем обращении к царю, написанном в 1716 году, католикос Есаи писал: «...пред сим и ныне, как в. в. изволили посылать в сию землю Израиля Ория посланника, и он, прибыв к нам в Армянскую землю и быв здесь, о в. в. силе добродетелях великих донес нам, и мы о том зело радовались и Бога благодарили, а о которых он Израиль Орий в. в. полезных делех донес, и мы тому всему, я и мои верныя епископы и причетники, верили. И для того дела меня Израил Ори брал до Астарахани, чтоб меня привести и поставить пред в. в.»⁶⁰.

В своих докладных записках, присланных из Персии, Ори вновь возвращался к вопросу о возможном военном столкновении России с Турцией. Заслуживают внимания собранные им сведения о Турции и его соображения о том, что продвигаться к Константинополю целесообразнее через сухопутные подступы Малой Азии. Очевидно, ему было хорошо известно стремление Петра утвердиться на развалинах Турции, стремление, от которого пришлось отказаться, по всей вероятности, лишь после неудачного Прутского похода. Еще более Ори был озабочен вопросом об устранении препятствий, которые Турция может учинить

⁵⁹) См. док. № 161.

⁶⁰) Док. № 149 и 150.

России во время будущего похода царя в Персию. Учитывая, что продвижению русских в Персию политические агенты Турции на Кавказе — лезгинские феодалы Дагестана — могут оказать сопротивление, Ори искал встречи и сближения с влиятельными азербайджанскими руководителями Ширвана. Он подружился с кубинским ханом и приложил усилия, чтобы склонить его на сторону России⁶¹. Недалеко от пристани Низовой, сообщал впоследствии Минас-вардапет, он перекинул через три речки мосты и водрузил на них российский герб. Более того, Ори избрал между двух рек удобное место для будущего города: «и оной кубинской хан, — уверял Минас-вардапет, — в том не воспрещал, по союзу двух монархов»⁶². Эти слова Минаса-вардапета дают основание предположить, что, предвидя возможность турецкой агрессии в Закавказье, Ори ориентировал кубинского хана на перспективу совместного сопротивления России и Персии туркам. Узрев в позиции лезгин признаки антирусских происков Турции, Ори и католикос, согласно разъяснению Минаса-вардапета, делали все «для союза двух монархов» (т. е. царя и шаха. — А. И.), с тем, чтобы парализовать в будущем враждебные действия турок и их подручных из числа местных лезгинских феодалов⁶³.

В этих дальновидных заботах Ори не трудно видеть стремление вывести освободительную борьбу армян из тупика ее национальной ограниченности; в 20-х годах XVIII века его политическая линия должна была найти блестящее подтверждение в действиях армянских и союзных с ними грузинских и азербайджанских руководителей освободительного движения народов Закавказья.

Еще в период разработки своей предыдущей, пфальцской, программы Ори с большим сочувствием отозвался о «храбром турчанине» Сулеймане-баба, в конце XVII века поднявшем во главе пяти тысяч своих бойцов знамя восстания против шаха и поставившем под угрозу столицу южного Азербайджана — Тавриз⁶⁴. Во время своего пребывания в Персии Ори нашел нужным лично переговорить с этим «храбрым турчанином», очевидно, рассчитывая использовать столь популярного среди народных масс Азербайджана политического деятеля в качестве союзника в освободительной борьбе закавказских народов против их персидских и турецких угнетателей⁶⁵.

В своих записках, посланных в Москву из Персии, Ори не изложил подробностей собранных им о Персии и Закавказье сведений. Он пола-

⁶¹) Док. № 134, § 11.

⁶²) Док. № 380, пункт 2—3.

⁶³) См. док. № 134, § 3.

⁶⁴) См. Г. А. Эзов. Док. № 9 (стр. 38). Ср. также наст. сборн. док. № 97. В соответствующем месте последний документ, по-видимому, несколько искажает смысл не дошедшего до нас армянского подлинника.

⁶⁵) См. док. № 134.

гал, что доложит о них по возвращении в Москву. Однако скоростигшая смерть, постигшая Ори в Астрахани (сентябрь 1711 г.), лишила его этой возможности.

Смерть Ори не положила конец делу, которому он служил. Его начинания были продолжены Минасом-вардапетом и в особенности наставником и руководителем армянских меликов в Карабахе—католикосом Есаи. Представленные в настоящем сборнике документы показывают, что до 1724 года именно Есаи являлся выразителем освободительных идей армян Карабаха, ставившим себе целью объединить разрозненные боевые силы меликов и военачальников и ориентировать их на идею осуществления освободительных устремлений армян с помощью России. Еще в 1716 году, в одном из писем к Петру, ссылаясь на свое единомыслие с Израелом Ори и Минасом-вардапетом, католикос Есаи писал, что «вместе со всеми меликами, начальствующими и подчиненными людьми своей провинции» готов служить царю, как только последний во главе своих войск вступит в пределы Закавказья⁶⁶. Несколько позднее, в 1718 году, в письме к Минасу-вардапету он уже выражал не только свои личные помыслы, но и настроения свободолюбивых людей своей страны: «О, дабы исполнилось оное дело по желанию и намерению нашему, чтоб свободился бедный наш народ от рук тираиских! А вы, вернолюбезный, елико можете, по всей своей силе (о чем сам известен), старайтесь всячески в действо произвести, чтоб мы при животе нашем своими очами сподобились увидеть, ибо все, как малые, так и большие, упавшаго народа христиане армянские желают свободы, о которых мы здесь попечение имеем, а оных сколько есть силы, все в готовности обретаются и ожидают видеть тот день, в которой бы новую издавна желаемую свободу от всего сердца получить»⁶⁷.

III

МЕЖДУНАРОДНАЯ ОБСТАНОВКА И РОССИЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В ПЕРИОД ПЕРСИДСКОГО ПОХОДА ПЕТРА I

Глубокий военно-политический кризис, переживаемый Персией в конце XVII и начале XVIII века, привел в этой стране, раздираемой межфеодальными противоречиями и недовольством обнищавших крестьянских масс, к усилению повстанческих движений, подчас возглавлявшихся феодальными верхами. В середине десятых годов, в бытность свою в Персии, Волынский писал, что персы «не только от неприятелей, и от своих будущих бунтовщиков оборониться не могут и уже мало мест осталось, где бы не было бунта».

⁶⁶) См. док. № 149 и 150.

⁶⁷) Док. № 155.

Еще во время пребывания Волынского в Персии, восставшие против власти Сефевидов предводители афганских племен шаг за шагом продвигались к центру страны, полные решимости захватить ее столицу и низвергнуть господствующую династию. А в 1719 году с запада хлынули курдские племена. Опустошив лежащие вокруг Хамадана районы, они распространили свои набеги вплоть до подступов Испагана. Такие же опустошения производили узбеки, совершавшие налеты на северные районы Хорасана, и, наконец, — лезгинские феодалы, двигавшиеся со стороны Дагестана к Ширвану; своими периодически повторявшимися набегами последние стремились к захвату столицы этой области — Шемахи. Возглавлявшиеся феодалами повстанческие движения лезгинских племен поощряла султанская Турция; она использовала их в качестве орудия против торгового договора, заключенного между Персией и царским правительством, представленным Волынским.

Борьбу лезгин против режима Сефевидов подогреваемый султанской Турцией суннизм изолировал не только от освободительного движения христианских народов Закавказья, но и от шиитов Азербайджана. Религиозный фанатизм ориентировал лезгинских предводителей на политическое покровительство и всенную поддержку единоверной Турции, встречая решительный отпор со стороны тяготевших к России народов Закавказья.

Вернувшись из Персии, Волынский убеждал Петра в том, что уже настало время, когда не только возможна, но и необходима оккупация персидского побережья Каспийского моря и его «заселение войсками российскими»⁶⁸. Если налеты лезгинских феодалов послужили поводом для военного выступления России, то создавшаяся в начале 20-х годов общеполитическая ситуация в Персии поставила перед Петром неотложную задачу — присоединить к владениям России богатые и доходные прикаспийские провинции Персии, могущие стать добычей Турции. Оживлению агрессивных намерений турок в отношении Ирана содействовало, помимо всего прочего, и то обстоятельство, что, заключив в 1718 г. в Пассаровицах мирный договор с Австрией и подписав в 1720 г. «вечный мир» с Россией, Турция получила возможность начать военные действия на Востоке и компенсировать здесь то, что в течение последних десятилетий было утеряно ею на Западе. Подобные настроения агрессивных кругов Турции особенно поощрялись английской дипломатией.

«Можно сказать, что со времен появления Ченслера и начала русско-английских торговых отношений при Иване Грозном, — писал в своей последней работе Е. В. Тарле, — англичане стремились препятствовать активному участию русского купечества в морской торговле.

⁶⁸) П. Г. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг., СПб, 1869, 1, 6.

И чем решительнее проявлялось стремление России закрепиться на балтийских берегах, тем враждебнее делалась позиция англичан»⁶⁹.

Завоевание берегов Балтийского моря существенно укрепило политическое и экономическое положение России в ее соперничестве с Англией. Но именно это обстоятельство и должно было усилить враждебность последней к России и, в частности, побудить ее противопоставить домогательствам России на Востоке вооруженные силы турецких янычаров. Английский посол в Константинополе, Абрахам Станьян, подбивал Турцию на захват Закавказья, иначе де западные области могут стать добычей России и нарушить целостность султанской империи. Одновременно он внушал туркам мысль, что, поскольку короли Англии, Дании и Польши заключили против России альянс и тем вынудили ее сосредоточить свои силы на Балтийском море, царь не в состоянии проявить активность в Персии или выставить против Турции более или менее крупные войска⁷⁰. По данным российских источников, наряду с представителями Англии и Венеции, резидент Австрии в Константинополе также старался внушить султану, что поход русского царя в Персию приведет к завоеванию Армении и Грузии, что повлечет за собою развал Османской империи⁷¹. «Послы английский, венецианский и резидент австрийский разглашали, что русский государь вступил в Персию с 100 000 войсками, а когда возьмет провинцию Ширванскую, Эриванскую и часть Грузии, тогда турецкие подданные, грузины и армяне, сами вступят под русское покровительство, а оттуда близко и к Трапезунту, отчего со временем может быть Турецкой империи крайнее разорение»⁷².

Данные русских источников полностью совпадают со свидетельствами английских источников и могут быть подтверждены выводами английской буржуазной историографии. По словам В. Саммера, Георг I, который с 1698 г. состоял курфюрстом в Ганновере, а с 1714 г. был королем Великобритании, понимал, что победами Петра сильно поколеблено политическое равновесие на Балтике и ущемлены интересы английской короны. Английский король считал, что если Турция была бы втянута в войну с Россией, это могло бы отвлечь внимание Петра от Германии и улучшить на Балтике положение дел Англии и связанного с нею Ганновера⁷³. В соответствии с позицией английского короля и действовал Станьян, его посол в Константинополе, когда он в письме к агенту Ост-Индской компании в Испагане силился «вызвать тревогу его

⁶⁹) Е. В. Тарле. Северная война, 1958, стр. 20.

⁷⁰) См. док. № 254 и 270.

⁷¹) См. С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, изд. 2-е, книга четвертая, том XVI—XX, стр. 691.

⁷²) Там же.

⁷³) См. В. Summer. Peter the Great and the Emergence of Russia. London, 1950, стр. 94.

и персидского двора планами царя относительно Каспийского моря и которые по всей вероятности имеют единственную цель заполучить персидскую торговлю шелком из Турции в Московию»⁷⁴. Станьян исходил из уверенности в том, что мирная развязка русско-турецкого конфликта нанесет интересам англо-персидской торговли большой ущерб, так как Россия приберет к рукам торговлю шелком с Персией⁷⁵.

«Я воспользуюсь любым предложением,— обещал своему правительству Станьян,— чтобы подстрекнуть визиря, мотивируя тем возможным ущербом, который нанесут нашей торговле новые завоевания русских, и под знаком дружбы к Порте по возможности постараюсь намекнуть ему на опасность, которой империя подвергается с их стороны»⁷⁶.

Согласно указанию своего правительства, 4/15 января 1724 г. английский посол имел интервью с визирем, склонным к мирному разрешению спорных вопросов в отношении Персии и Закавказья. Станьян представил ему опасность, могущую возникнуть в результате договоренности России с шахом Тахмаспом относительно присоединения Прикаспия, а также вследствие прекращения торговли между Турцией и Персией. «Я,— докладывал своему правительству Станьян,— не упустил ни одного намека, чтобы вызвать у него тревогу и разжечь его и, хотя он согласился со мною, я все же придерживаюсь того мнения, что, если война разразится, это будет против его воли и должна быть разрешена Великим советом»⁷⁷.

В 1724 году, со времен константинопольских переговоров с русскими, турецкий визирь не скрывал соображений английского посла об опасностях, угрожавших персидскому транзиту. Как заявлял турецкий визирь, Англия внушала Турции, «что русский государь хочет овладеть не только персидскою, но и всею восточною торговлею, вследствие чего товары, шедшие прежде в Европу через турецкие владения, пойдут через Россию, тогда англичане и другие европейцы выедут из Турции, к великому ущербу короны турецкой. Поэтому Порта оружием должна остановить усилия русских на Востоке; и если Порта объявит России войну, то получит денежное вспоможение не только от короля, но и от всего народа английского»⁷⁸.

Захватив в 1721 г. Шемаху и готовясь завладеть Ширваном, лезгинские вожди объявили себя вассалами султана и признали протекторат Турции. Вторгаясь в 1722 г. в Персию, Петр, со своей стороны, предполагал занять Ширван и Гилян, будучи уверенным в том, что, если он

⁷⁴) L. Lockhart. The fall of the Saefavi Dynasty and the afghan occupation of Persia. Cambridge, 1958, p. 218.

⁷⁵) См. там же, стр. 236.

⁷⁶) Там же, стр. 223.

⁷⁷) Там же, стр. 229.

⁷⁸) Соловьев, стр. 700.

не предупредит открытое выступление турок, то богатые месторождения персидской шелковицы станут добычей последних.

Петру стало также известно, что главари лезгинских племен, разграбившие в Шемахе имущество русских купцов, тесно связаны с Портой и действовали по ее указке. Еще в 1697 г. русский посол обратил внимание на деятельную помощь, оказанную Турцией во время осады Азова некоторыми из горных племен Кавказа и, в первую очередь, лезгинами⁷⁹.

Если, однако, интересы господствующих классов России поставили Петра перед необходимостью подготовить завоевательный поход в Персию и положение дел в Персии значительно облегчало решение этой задачи, то общеполитическая обстановка в Европе и на Ближнем Востоке, да и в самой России, диктовала ему сугубую осторожность в отношении Турции.

Лишь недавно вышедшая из тяжелой войны со Швецией и с трудом справившаяся с Булавинским восстанием в Астрахани, страна не была еще готова к новой войне. Опыт похода в Персию, трудности, связанные с переброской войск, аммуниции и продовольственных запасов по Каспийскому морю, а также неблагоприятные климатические условия на его болотистом побережье свидетельствовали о рискованности подобной войны, и царь прилагал все силы к тому, чтобы заменить военное столкновение с турками договоренностью с ними относительно присоединения персидских территорий.

Весть о вторжении русской армии в Персию турки встретили крайне враждебно. Возможность проникновения русских в Ширван и Гилян сильно взволновала их; они были убеждены в том, что благополучие Турции несовместимо с утверждением на берегах Каспийского или Черного морей какой-либо другой державы⁸⁰. Турки считали, что, поддерживая повстанцев Дагестана, в условиях ладения династии Сефевидов они могли бы восстановить свои «исконные суверенные права» на наследственное обладание Закавказьем и Северной Персией: имелся в виду захват этих территорий турками в 1578 г. В этих именно видах летом 1722 года они удостоили в Константинополе торжественного приема посланцев лезгин Дагестана и Ширвана — Хаджи Давуд-хана и Сурхай-хана; Хаджи Давуд-хан принял турецкое подданство и был назначен правителем Ширвана и Дагестана, в связи с чем Турция потребовала вывода из его владений российских войск.

После занятия Дербента (август 1722 г.), получив сведения о том,

⁷⁹) См. «Relation d'une Mission faite nouvellement par monseigneur d'archevesque d'Ansyre à Ispahan en Perse pour la reunion d'Armeniens à l'Eglise Catholique, Paris, 1702, стр. 21 и след.

⁸⁰) См. Hammer. Histoire de l'empire Ottoman depuis son origine jusqu'à nos jours, Paris, 1842, tome III, стр. 396.

что англичане и венецианцы в правящих кругах Турции распространяют тревожные слухи о мобилизации и отправке в Персию большого количества российских войск и о намерении царя взять провинции Ширван, Ереван и Грузию, Петр направил в сентябре 1722 года константинопольскому резиденту Неплюеву успокоительный рескрипт. Здесь сообщалось, что войска царя прибыли в Персию лишь для «получения сатисфакции» за убытки, понесенные в Шемахе российскими купцами, и для защиты российских границ от персидских «ребелянтов». Указывалось на то, что российские войска «к турецким границам в Жоржию и Армению не будут приближатца и ни в горы (имеется, очевидно, в виду Армянское нагорье.— А. И.) итти,— токмо подле берегов Каспийского моря маршировать имеют»⁸¹. Неплюеву была дана инструкция — дать понять туркам, что если они присоединят к своим владениям кое-какие персидские территории, то царю «по имеющей с Портою дружбе противно то не будет», однако в таком случае и России «также потребно будет для безопасности своих границ некоторые провинции удержать». В своем рескрипте царь подчеркивал, что «ис провинцей персидских, которые близ границ турецких лежат, отнюд не желаем себе присовокупить, а кроме тех, которые обретаются по Каспийскому морю за собою удержать не хотим»⁸².

Несколько позднее через своего консула в Персии, Семена Аврамова, царь изъявил готовность помочь шаху освободиться от всех его притеснителей, т. е. восставших против шаха «ребелянтов», с тем, однако, чтобы в ответ на услугу шах уступил ему прикаспийские области. И 12-го сентября 1723 года через полномочного персидского посла Измаилбека был заключен договор, в котором царь обязался оказать шаху военную помощь, за что Персия согласилась уступить России города Дербент и Баку с прилегающими землями, а также провинции Гилян, Мазандаран и Астрабад. Оба государства заключили также военный союз для защиты персидских земель от возможной агрессии Турции⁸³.

Поддерживаемая через испаганских армян торговля с Персией способствовала активизации политики царизма в странах Ближнего Востока, в том числе в Армении и Закавказье. Стремясь перевести вывоз персидского шелка с турецких путей на водные пути России, Петр шел навстречу основной задаче ближневосточной политики царизма XVI—XVII веков — положить предел военно-политической экспансии Турции к Каспийскому морю наперерез русско-персидской торговой магистрали. Для достижения этой цели царь полагал создать военно-политический буфер, армяно-грузинское царство, могущее обеспечить со стороны Турции неуязвимость Закавказья и российских владений Прикаспия.

⁸¹) Док. № 260.

⁸²) Док. № 258.

⁸³) См. П. Г. Бутков, I, 54 и В. П. Лысцов, стр. 188.

Для успешного решения задачи — присоединения Каспийского побережья и организации защиты его от посягательств Турции, Петр нуждался в тесном контакте с народами Закавказья. Исходя из этого он поддерживал освободительное движение народов Закавказья, в частности заявлял о том, что приветствовал бы отказ Персии и Турции от их прав и претензий на территории Закавказья, населенные армянами и грузинами. Петр рассматривал Восточную Армению и Восточную Грузию как страны, с помощью которых Россия сможет упрочить свои позиции на западном и южном побережьях Каспийского моря. В связи с этим он планировал создание под скипетром России объединенного армяно-грузинского государства, во главе с грузинским царем Вахтангом VI⁸⁴. Еще накануне похода, 2 июля 1722 г. в письме к грузинскому царю Вахтангу Петр писал: «Надлежит вам, чтоб протчие ваших народов христиан, которые под турецкою властью ныне никакого б движения не чинили, дабы тем непривлечена была оная держава напрасно к затруднению сего от Бога благословенного дела»⁸⁵.

При всем том царь допускал даже возможность вступления русских в военный конфликт с Турцией из-за Армении и Грузии. Он обещал Вахтангу оказать грузинам и армянам военную помощь, но только после того, как русская армия укрепитя на Кавказском побережье: полагал, по взятии Баку, направить к ним свои войска, даже «несмотря на то, что хотя бы у нас от того дошло и до войны с турками»⁸⁶. Петр предвидел при этом военное столкновение не с Персией, а только с Турцией, что, конечно, не являлось случайностью. Не следует забывать, что персидский поход был предпринят без объявления войны Персии и осуществлен под видом оказания помощи шаху против «бунтовщиков». Избегая конфликта с Персией, царь находил, что вопрос о предоставлении закавказским христианам самостоятельности разрешится путем дипломатических переговоров с шахом и что инициатором этих переговоров должен быть сам Вахтанг. Он считал даже, что взамен предоставленного им протектората закавказские христиане должны взять на себя обязательство помочь шаху усмирить восставших против него в Закавказье и Персии «бунтовщиков»⁸⁷. В одном из своих писем Вахтангу, написанных в это время, Петр ставил его в известность, что, по поступившим из Константинополя сведениям, турки хотят завладеть Ереваном, и в связи с этим предлагал сохранить Ереван, пока он, Петр, «овладеет Шемахою и протчими местами на берегу Каспийского моря и тогда он (Вахтанг.— А. И.) под обороною е. и. в. легко себе может получить и оным (т. е. Ереваном.— А. И.) — овладеть»⁸⁸.

84) См. В. П. Лысов, стр. 190 и след., 216 и след.

85) Док. № 165.

86) В. П. Лысов, стр. 224—225.

87) См. док. № 165.

88) ЦГАДА, Грузинские дела № 1, 1700—1741, л. 17. О намерении турок занять Ереван Вахтанг был поставлен в известность еще в 1722 году самими же тур-
XXX

В ответ на это 4 октября 1722 года Вахтанг известил царя, что, согласно его приказу, он действует против лезгин в Карабахе и предполагает встретиться с русскими войсками в Ширване. «Если Государю, — писал Вахтанг, — по причине тамошних дел не будет досужено и если они будут задержаны оттого, чтобы прибыть сюда, пусть они соизволят по крайней мере приказать своему войску идти в Ширван; мы выступим отсюда, соединимся, а после все дело устроится с Божою помощью. Мы овладеем всеми землями до Эрвана и постараемся взять самый Эрван»⁸⁹.

Эта переписка между Петром и Вахтангом дает вполне ясное представление как о планах создания, так и о политическом статусе будущего армяно-грузинского государства.

Связанные с Вахтангом армянские деятели были осведомлены о планах Петра и полностью разделяли их. Также как и Петр, осуществление этих планов они обуславливали взятием ереванской крепости. В датированном 22 декабря 1722 года письме архиепископа Минаса Первазяна, начальника тифлисской (ахпатской) армянской епархии, к Минасу-вардапету, читаем: «Тебе известно, что Эриван яко замокъ Персицкой земле, и наше намерение токмо, чтоб нам взять Эриван, а как оной в наши руки достанетца, тогда ни турки ни персияне ничего нам сделать не могут»⁹⁰.

С этой мыслью, перекликавшейся со стратегическим планом Ори, был полностью согласен Минас-вардапет — сподвижник Ори. В одной из своих записок он писал, что от границы Турции к Каспийскому морю ведут двое ворот, стражем одних является грузинский царь Вахтанг, стражем других — руководители армянских сыпнахов Карабаха, и что Грузия и Армения это те ключи, посредством которых Россия сможет стать хозяином положения во всем Закавказье⁹¹.

Выясняется, таким образом, что общность интересов и дружба народов Закавказья с Россией создавалась и выковывалась не на почве стремления России присоединить к своим владениям населенные грузинами и армянами области этого края, а благодаря той политической и военной помощи, которую Россия оказывала или обещала этим народам в их борьбе за политическую самостоятельность, за освобождение от гнета Персии и Турции.

ками. В случае, если Вахтанг выступит против персов и присоединится к туркам, они обещали отдать ему в награду «всех тех христиан во владенье, кои есть под властью турецкою в Грузии и в Иверии». Вахтанг отвергнул предложение турок (см. док. № 165). Более того, чтобы приостановить продвижение турок к Еревану, в ноябре того же года Вахтанг предложил царю высадить десант в Баку. В помощь этому десанту, писал Вахтанг, «придут генжинские армяне до самой реки Куры».

⁸⁹) «Переписка на иностранных языках грузинских царей», стр. 142 и след.

⁹⁰) Док. № 170.

⁹¹) См. док. № 380, § 12. ср. также док. № 279.

Неудачный оборот похода в Персию помешал Петру выполнить данные им армянам и грузинам обещания. Как известно, еще в конце августа — начале сентября русская флотилия, потерпев крушение, лишила армию продовольствия, морских судов и артиллерии; вдобавок начался падеж лошадей, а среди солдат распространились эпидемические заболевания. И все это резко ослабило боеготовность конницы и пехоты.

Последовавшие в 1723 году события: захват турками Тифлиса и отстранение от власти Вахтанга, не дождавшегося помощи российских войск, которые месяца через два после этого заняли Баку, окончательно похоронили петровский план создания грузино-армянского царства.

Вооруженное вмешательство России во внутренние дела Закавказья могло привести к войне с Турцией, но к такой войне Россия не была готова, и, как видно из отношения канцлера Г. И. Головкина к константинопольскому резиденту Ивану Неплюеву, еще весной 1723 г. имела твердое решение попытаться найти выход из конфликта с Турцией дипломатическим путем. Обещание оказать Вахтангу военную помощь, при наличии неблагоприятных условий для ведения войны с Турцией, Петр не мог выполнить даже после занятия Баку (август 1723 г.). Попытки Петра в переговорах с турками добиться хотя бы согласия на нейтрализацию Грузии и контролируемого лезгинами города Шемахи⁹² успехом не увенчались, и он был вынужден не возражать против расширения границы Турции за счет оккупации Армении и Грузии, при условии признания турками прав России на побережье Каспийского моря, то есть на береговую полосу Ширвана и Гилян⁹³. Именно на этой основе 12 июня 1724 года в Константинополе был подписан мирный трактат России с Турцией.

Заклученный в Константинополе договор не только положил известный предел претензиям турок на «персидское наследство» в Закавказье и их продвижению к берегам Каспийского моря, но и обязывал Россию отказаться от помощи освободительному движению армян и грузин. Не пойти на подписание этого трактата или же после его подписания нарушить его — в ту пору для России значило бы вступить в неизбежную войну с Турцией, за спиной которой стояли сильнейшие державы Европы — Англия и Франция.

Став после заключения Константинопольского трактата почти единственным хозяином гилянского шелка-сырца, Петр полагал снабжать этим товаром также и заморских контрагентов Персии — англичан и голландцев. Одновременно он был готов заключить торговый договор с Францией⁹⁴, страной, наиболее заинтересованной в сохранении сухопут-

⁹²) Ср. В. П. Лыцов, стр. 136; Соловьев, т. 18, стр. 72, где наряду с нейтрализацией Грузии говорится и о нейтрализации Армении.

⁹³) См. док. № 269.

⁹⁴) См. Бутков, I, 146.

ных магистралей гилянского экспорта и, отчасти и поэтому, охотно взявшей на себя роль посредницы в деле мирного урегулирования взаимоотношений между Россией и Турцией.

Посредничество Франции стало возможным после того, как, завладев источником персидского шелка, царь должен был отказаться от идеи вывоза этого товара исключительно через каспийско-волжский путь. В рескрипте к Неплюеву Петр I указывал на необходимость рассеять опасение турок, что переход Каспийского побережья к русским повлечет за собой прекращение персидского экспорта в Смирну и Алеппо и лишит Турцию торговых доходов. Неплюеву была дана инструкция — объявить туркам, что, овладев Гиляном, «тому торгу никакого повреждения нечинитца, ибо мы позволяем чтоб оный торг попрежнему в те турецкия места из Гиляни отправлялся и в том никакого помешательства с нашей стороны учинено не будет и когда турки похотят, то о том с ними согласитца и конвенцию учинить...»⁹⁵.

Посредничество Франции в деле мирного урегулирования русско-турецкого конфликта в Персии и Закавказье имело также серьезную политическую причину.

На протяжении всего XVII в. французский абсолютизм боролся за усиление и сохранение своей гегемонии в Европе, направляя внимание Габсбургов на их борьбу с Турцией. Разжигание австро-турецкого антагонизма являлось испытанным орудием французской политики эпохи Генриха IV и Людовика XIV. Отвлечение Турции от Запада, в случае возникновения войны с Россией из-за дела «персидского наследства», могло лишь упрочить положение Австрии и тем самым нанести расшатанной в начале XVIII в. гегемонии Франции новый удар. Вот почему, вопреки данным Неплюева, французская дипломатия взяла на себя посредническую роль между Турцией и Россией. В то время как Австрия и ее союзница Венеция были заинтересованы в разжигании турецко-русского конфликта, Франция стремилась к мирному разрешению этого конфликта, поскольку лишь этим путем она могла способствовать укреплению Турции и получить возможность с успехом противодействовать своему главному врагу на европейском континенте — Австрии.

Еще до начала русско-турецкого кризиса французский посол в Турции, маркиз де Боннак, использовал свое влияние в Константинополе, чтобы ускорить заключение русско-турецкого договора 12 июля 1724 г. Тот же де Боннак после вторжения русских войск в Персию уверял российского резидента Неплюева в том, что, если царь займется исключительно каспийскими провинциями Персии, Турция не нарушит нейтралитета, и, со своей стороны, возможно ограничится лишь присоединением некоторых областей Закавказья и Северной Персии⁹⁶.

⁹⁵) Док. № 269.

⁹⁶) См. Lockhart, там же, стр. 220.

Подписанный на базе этих предложений русско-турецкий трактат явился победой французской дипломатии. Она достигла своей цели. Заключенный между Россией и Турцией мир давал ей возможность с помощью Турции контролировать Австрию. Согласно данным турецких источников, Франция в это время добивалась большего: заключения формального русско-турецко-французского договора против Австрии⁹⁷. В интересах изоляции державы Габсбургов французская дипломатия пошла на сделку с халифом «неверных» за счет угнетенных народов Закавказья — армян и грузин.

Во время переговоров 1724 года французский посол маркиз де Боннак заявлял российскому резиденту, что, если русские ограничатся присоединением Прикаспия, то есть не приблизятся через Армению и Грузию к турецким границам, то Турция охотно заключит на этой основе мирный договор с Россией⁹⁸. Своим посредничеством в переговорах де Боннак добивался признания Россией захвата турками Закавказских земель, населенных грузинами и армянами.

IV

ГРУЗИНО-АРМЯНСКИЕ БОЕВЫЕ СИЛЫ В ЗАКАВКАЗЬЕ И ЗАНИМАЕМАЯ ИМИ ОБОРОНИТЕЛЬНАЯ ПОЗИЦИЯ В ПЕРИОД ПЕРСИДСКОГО ПОХОДА

Еще до вступления в пределы Персии Петр I установил контакт с руководителями освободительного движения народов Закавказья.

По поручению царя А. П. Волынский в ноябре 1721 г. внушал картлинскому царю Вахтангу надежду «быть избавленным от несправедливого рабства, посредством обещанной и приготовляемой (Россией.— А. И.) заблаговременной помощи»⁹⁹. Отвечая Волынскому, Вахтанг писал: «Многие причины побуждают меня к отвержению несправедливо положенного на нас персидского ига, под которым предки наши находились и мы до сих пор находимся в самом бедственном состоянии. Хотя же в нынешнее время ослабление персиян и распадение могущества их позволяло бы нам самим предпринять дело, однако мы положили, что при опоре на сильнейшего Государя и непобедимого предводителя, мы можем действовать с большею безопасностью и ручательством за успех»¹⁰⁰.

Занятие лезгинскими феодалами Шемахи и районов Ширвана, их

⁹⁷) См. Jsmall Hami Danismend. Osmanlı tarihi kronologisi, 1955. celt. IV, стр. 14

⁹⁸) Соловьев, стр. 691.

⁹⁹) «Переписка на иностр. языках грузинских царей», стр. 221 и след.

¹⁰⁰) Там же, стр. 222 и след.

протурецкие настроения и связи и тем более их военно-грабительские набеги вызывали в правящих сферах Персии и среди населения Закавказья необычайную тревогу. Нет сомнения в том, что состоявшиеся еще весной и летом 1722 г. в Гяндже и Тбилиси неоднократные встречи католикоса Есаи с Вахтангом были посвящены обсуждению планов согласованных или совместных выступлений армянских и грузинских войск¹⁰¹.

Предпринимая со своей стороны меры по оказанию лезгинским феодалам сопротивления, в 1722 году шах передал командование персидскими войсками Азербайджана Вахтангу. Назначение Вахтанга совпало с полученными им от Петра извещениями о предстоящем походе в Персию и о начавшихся против лезгинских «бунтовщиков» военных действиях русской армии, кстати сказать, сильно воодушевивших пострадавшее от лезгин население.

Известие о походе Петра в Персию грузины и армяне приветствовали не только лишь в связи с перспективами обороны края от лезгин. Это была весть о наступлении эры освобождения народов Закавказья от чужеземных угнетателей. Вахтанг писал Петру, что он так ждет победы, как Адам ждал часа, когда Христос избавит его от мук. «Поэтому, — заключал он свое обращение к царю от имени всех христиан Закавказья, — мы все христиане, с землями нашими и войском покорились Вашему величеству, и готовы положить головы свои, чтобы отклонить от Вас несчастья»¹⁰².

Поставив Петра в известность, что ему (Вахтангу) шах передал командование войсками Азербайджана, он докладывал: «Мы созвали войска с помощью бога, 20-го августа подступили к Гяндже. Всех тамошних армян и татар мы присоединим к войску шаха и отсюда начнем военные действия против лезгин в ожидании ваших великих приказаний»¹⁰³.

Еще летом этого же года, в письме к Минасу-вардапету католикос Есаи заверял, «что де они, армяне, по христианству в приход е.и.в. войск в их край, к оным пристанут и всякое вспоможение чинить им будут»; и что «грузины и армяне ныне все в единодушном соединении пребывают и надежды ни на кого, кроме е.и.в. не имеют» и от него «избавления ожидают».

Выступив в поход, Петр отправил в Грузию князя П. А. Туркестанова с поручением убедить Вахтанга продвинуться со своими войсками к берегам Каспийского моря для встречи с русскими, где-то между Дербентом и Баку¹⁰⁴.

101) См. док. № 167 и Есаи Гасаи Джалалаян. История агванов, Шуша, 1839, стр. 55 и след. (на арм. яз.).

102) «Переписка на иностран. языках грузинских царей», стр. 139 и след.

103) Там же, стр. 140.

104) См. док. № 165.

Концентрация боевых сил грузин и армян происходила недалеко от Гянджи, и 22 сентября 1722 г. здесь состоялось торжественное соединение 30-тысячной армии Вахтанга с 8-тысячным войском армян Карзбаха во главе с католикосом Гандзасара Есаи Гасан Джалаляном¹⁰⁵. Вахтанг прибыл в Гянджу лишь к 20-му сентября и, по-видимому, дожидаясь извещения о следовании русских войск в сторону Ширвана, где он и католикос Есаи в начале октября¹⁰⁶ должны были встретиться с царем. Но неожиданное сообщение о прекращении похода и возвращении Петра в Астрахань заставило грузинские и армянские войска покинуть Гянджу и вернуться восвояси.

Среди участников и руководителей освободительного движения Армении и Грузии прекращение начатой в 1722 г. кампании вызвало замешательство. Однако вскоре были получены грамоты от Петра, внушившие им уверенность в том, что в 1723 году предстоит возобновление похода в Персию.

Решив возобновить поход, Петр рассчитывал занять и использовать город Баку в качестве плацдарма, построить у устья реки Куры крепость и развернуть, согласно упомянутому нами царскому предначертанию, военные действия в Закавказье в направлении Шемахи, Гянджи, Тбилиси и Еревана. Политической целью этих военных действий, как нами подчеркнуто выше, являлось освобождение Закавказья и, в частности, создание в Восточном Закавказье «грузино-армянского царства» под протекторатом России¹⁰⁷.

Известно, однако, что идея «грузино-армянского царства» не была осуществлена и после взятия Баку (август 1723 г.) и что еще до занятия Баку русскими Вахтанг вынужден был сдать ключи Тбилиси туркам и покинуть пределы Грузии.

Впоследствии императрица Екатерина I ставила Вахтангу в упрек, что, вопреки предписанию Петра, он осенью 1722 года воздержался от наступления на лезгин. Неудачи персидской кампании, в части, касавшейся Грузии и Армении, она объясняла этим упущением картлинского царя. «Намерение государя императора состояло в том, — писала Екатерина Вахтангу, — чтобы соединить свою армию с грузинским войском, освободить христиан, находящихся в Персидском государстве, и утвердить вашу светлость на престоле... Государь император и вашей светлости наказывал, и сам остерегался, чтобы из-за этого вмешательства его не произошла преждевременная война с турками, ибо план его заключался в том, чтобы овладеть нужным ему морским берегом и обезопасить путь к владениям вашей светлости. Если бы государь император завел сначала дело с турками, то турки, по близкому соседству своему,

¹⁰⁵) См. Есаи, стр. 58 и след., Эзов, стр. 342.

¹⁰⁶) Есаи, стр. 55.

¹⁰⁷) В. П. Лысцов, стр. 212, 216 и 218.

стали бы угнетать всех христиан, живущих в тех местах, а государь император не имел никакой власти и не находясь вблизи их, не был бы в состоянии подать помощь тем христианам»¹⁰⁸.

В другом месте императрица добавила: «С войском вашим вы стояли долгое время в Гяндже совершенно по пусту, Вам было нужно выступить и соединиться с государем императором; согласно вашему же собственному уверению Вам было легко поразить шахских мятежников; тогда войску государя императора пройти было бы не трудно. А не то, Вам было легко пойти на Шемаху, покорить все те места, и укрепиться в них, т. к. в тех местах никого не находилось, кроме мятежных изменников. О ту пору не было и слуха о приходе турков. Сверх того, проведая о действиях вашей светлости, все армяне приняли бы вашу сторону. Без сомнения, с вашим собственным войском и с помощью находящихся в тех местах армян, вы были бы в состоянии, очистив путь от неприятеля, соединиться с русской армией и не мало не опасаясь турков, расширить ваши владения, и возвеличить ваше имя»¹⁰⁹.

Однако, как у Вахтанга, так и у его армянских союзников были определенные причины, заставившие их воздержаться от активных действий и не брать на себя инициативу наступления на Ширван.

Доказательством того, что Россия, действительно, намерена преградить путь туркам в Закавказье, было бы, по их мнению, взятие Шемахи¹¹⁰. Лишь занятие русскими войсками Шемахи, — писали и в дальнейшем католикос Есаи и армянские военачальники, — даст возможность армянам и грузинам очистить двухдневный путь между Курой и Шемахой и с боями продвинуться вперед для встречи с русской армией¹¹¹. Разделяя это мнение, настоятель Мейсарского армянского монастыря Мартирос-вардапет писал, что взятие Шемахи явилось бы актом, равносильным освобождению армянских земель. Как только будет взята Шемаха, возможно будет свободно овладеть тамошними странами. И нам будет возможно добиться протектората государства, исповедующего христианскую веру¹¹². Только взятие Шемахи русскими, твердо указывалось во всех подобных обращениях, обезопасит армян и грузин от периодических нападений лезгинских феодалов, стремящихся проложить туркам путь к захвату закавказских земель.

Занятие Шемахи, как известно, входило в планы Петра, поскольку этот город превратился в военно-политический центр лезгинских «бунтовщиков», ликвидация которых и являлась первоначальной задачей Персидского похода. Однако от осуществления этого замысла Петр должен был впоследствии отказаться, так как изгнание «единоверных»

¹⁰⁸) «Переписка на иностр. языках грузинских царей», стр. 186.

¹⁰⁹) Там же, стр. 184 и след.

¹¹⁰) См. док. № 169 и 222.

¹¹¹) См. док. № 316 и 343.

¹¹²) См. док. № 333.

лезгин. еще в 1722 г. признавших протекторат Турции, неизбежно привело бы к военному столкновению с султаном. Вот почему и после занятия Баку и Гиляна, решение каспийской проблемы и присоединение к России всего юго-западного Прикаспия Петр неизменно связывал с заключением соответствующего договора с Турцией. В свете этих фактов выжидательная позиция грузинских и армянских военачальников после соединения их армий представляется нам не только объяснимой, но и вполне оправданной.

И в самом деле, без помощи со стороны российской армии разве могли бы грузины и армяне, не располагавшие необходимыми боевыми средствами, развернуть активные наступательные действия против поддерживаемых Турцией лезгин? Отсутствие политического единства в условиях феодальной раздробленности и обострившихся в результате развала персидского государства внутренних противоречий как в Грузии, так и в Армении, неполноценность вооружения грузинских и армянских феодалов, наконец, отсутствие путей сообщения, исключавшее возможность двигаться навстречу российским войскам, не рискуя столкнуться с лезгинами, — все это сковывало инициативу Вахтанга и его армянских соратников и обусловило их решение — не продвигаться в сторону Ширвана до тех пор, пока российские войска не придут в Шемаху.

Еще в 1721 году Вахтанг считал, что свое наступление в направлении Ширвана он начнет только после «препровождения (российских) войск в нашу иверскую страну», захвата Дербента и Шемахи и постройки крепости на реке Терек для поддержания военной связи с Грузией¹¹³.

По утверждению католикоса Есаи, наиболее надежными союзниками Вахтанга являлись подчиненные ему боевые отряды карабахских армян. Однако они были в состоянии обеспечить лишь оборону Карабаха, но вовсе не наступательные действия против лезгин.

Непрекращавшиеся нападения лезгинских феодалов и развал персидской власти поставили армянских меликов и юзбашей Карабаха и Кафана¹¹⁴ перед необходимостью усиления или создания местных органов обороны.

Согласно сообщению Минаса Первазяна, Вахтанг явился вдохновителем боевых выступлений армянских отрядов, руководители которых назначались им же¹¹⁵. Грузинский царь, по-видимому, имел также крепкие связи с армянскими гражданами и военными служащими Тифлиса. По

¹¹³) См. «Переписка на иностран. языках груз. царей», стр. 222; Лыцов, стр. 206.

¹¹⁴) Под Кафаном в документах XVII—XVIII вв. в основном имелась в виду территория современного Зангезура.

¹¹⁵) См. док. № 170.

словам католикоса Есаи, готовясь к встрече с российской армией, Вахтанг «собрал свои войска и особенно горожан, храбрых военнoслужаших армян, добровольно предоставивших в его распоряжение свои сердца, своих сыновей, свои имущества и свою жизнь»¹¹⁶.

Особенно усилилась военная и политическая мобилизация армян, когда дело обороны страны вылилось в широкое народно-освободительное движение, ставившее себе целью добиться с помощью России политической независимости страны, избавиться от персидского ига и турецких агрессоров.

Происходившие в Персии и Закавказье события убедили руководителей разрозненных военных отрядов Карабаха — юзбашей Авана, Ширвана, Шахни и Сарухана — в необходимости «объединения своих боевых сил в количестве 12 тысяч человек» и создания военной опоры для «восстановления власти армянской»¹¹⁷. Еще в начале 20-х годов армянские военачальники районов Барды и Чараберда превратили свои укрепления в опорные пункты защиты страны от лезгин и от войск персидских ханов. Особенно успешно действовали передовые отряды армянской молодежи этих районов, наносившие лезгинам большой урон и наконец заставившие их отступить из Карабаха на противоположный берег Куры¹¹⁸.

Упоминания об опорных пунктах карабахских армян встречаются весьма часто. В ту пору они назывались «сагнаками». Этот термин берет свое начало от азербайджанского слова «сыгнах», в значении — убежище, приют, и от соответствующего глагола — «сыгынмаг» — искать убежище или защиты. Такими «убежищами» или центрами защиты служили естественные укрепления. По числу пяти-шести крупных армянских магалов или меликств в 20-х годах XVIII в. в Карабахе образовалось соответствующее количество военно-политических центров или объединений армян. Поэтому, вероятно, в русских документах термин «сагнах» нередко употребляется также в значении «армянское собрание». Таким образом, слово «сагнах», видимо, применялось как в смысле «сборища людей», искавших убежища или защиты в укрепленных пунктах, так и для обозначения сосредоточенных в этих пунктах военно-политических объединений.

Следует признать установленным, что в период персидского похода в Карабахской области существовали следующие сыгнахи: 1) Чарабертский, в магалах Чараберт и Гюлистан, с центрами в крепости Гюлистан и в монастыре «Трех младенцев». 2) Варандинский, в части магала Варанды, с центром в Кочиз-Аветараноце. 3) Шошский, в другой части Варанды, с центром в укреплении Караглух. 4) Хаченский, в Хаченском магале, с центром в Гандзасарском монастыре. 5) Дизакский, в Дизакском магале, с центром в селении Дог.

¹¹⁶) Есаи, стр. 64.

¹¹⁷) Там же, стр. 57 и след.

¹¹⁸) Там же, стр. 47.

Существовали или постепенно возникали сыгнахи и в других магалах Карабаха и Зангезура, как, например, в Кафане, Сисиане, Келахуни, Колани, о чем в наших документах имеется прямое свидетельство¹¹⁹.

Известное затруднение вызывает уточнение встречающихся в документах обозначений «Большой сыгнах» и «Малый сыгнах». По мнению историка Лео, «Большой сыгнах» находился в горах Мрав. на реке Тертер, а «Малый сыгнах», по всей вероятности, в горах Кирс в Варанде. Военачальниками «Большого сыгнаха» были Есаи из Партавы (Барды) и Саркис из Чараберда, а «Малого сыгнаха» — Аван-юзбаши¹²⁰.

Интерпретация Лео не выдерживает критики. В дошедшей до нас записи о налете военачальников Чараберда Абраама и Саркиса на укрепление военачальника Дизака, Тархана-юзбаши, ясно говорится, что они «совершили ночное нападение на «Большой сыгнах»¹²¹. Из этой записи явствует, что «сагнахи» или «сыгнахи» упомянутых в записке военачальников Чараберда и Гюлистана непосредственно могли входить лишь в пределы Малого сыгнаха, на что было правильно указано последующими исследователями¹²². Нет во всяком случае оснований сомневаться в том, что во главе Большого сыгнаха стоял Аван-юзбаши, военачальник шошского сыгнаха, ставшего впоследствии главным штабом всего движения.

Следует иметь в виду не только территориальное и военно-политическое размежевание сфер влияния Большого и Малого сыгнахов в начале 20-х годов XVIII века, но и имевшую место эволюцию их взаимоотношений. Если до середины 1724 года под Большим и Малым сыгнахами подразумевались отличные друг от друга и зачастую враждовавшие друг с другом объединения карабахских сыгнахов, то впоследствии, в момент максимального напряжения борьбы Карабахских армян против турок, произошло объединение боевых сил всех, или почти всех сыгнахов этой области под общим руководством военачальника Аван-юзбаши. Вот почему в это время в наших документах полностью исчезают упоминания о Большом и Малом сыгнахах, и появляется обобщенное название «Сагнак» или «Сагнаки»¹²³.

¹¹⁹ «Ձի այս երկրներու... որ են Գանջայ, Ղարապաղն Ջ(6) մհալ, այլև Գեղարքունիք, Բալախի, Ղափան, Սիսիան և այլ երկրներ, այս ամէն մհալ Լ(30), Խ(40), Մ(50) փառազեղ է, և ամէն գեւղ ՋՃ(800) տուն, ԵՃ(500), ԴՃ(400), ԲՃ(200), մէկ Ճ(100) Մ (50) տուն, փոքր Լ(30), Խ(40) տուն են, և այս երկրներս սարով և տեղով ղառ ամուր են, և մեք այս խալղս աստքս ուր երկրումս սրղնազ սղնազ եմք արել ամուր տեղերն, և ամէքս մէկ սղնազին վերա նստած սլանում եմք»: См. док. № 315.

¹²⁰ См. Лео. История армян, Ереван, 1946, стр. 627 (на арм. яз.).

¹²¹ П. Т. Арутюнян. Освободительное движение армянского народа в первой четверти XVIII века. М., 1954, стр. 229.

¹²² А. Абрамян. Страница из истории народов Закавказья. Ереван, 1953, стр. 33 (на арм. яз.) и П. Т. Арутюнян, стр. 226 и 228.

¹²³ Ср. также у Эзова, док. №№ 237, 280, 290, 292, 295, 297, 299, 300, 304.

Нуждаются в разъяснении и некоторые другие, встречающиеся в наших документах выражения. Так, в своем донесении от 1 февраля 1724 г. Иван Карпет пишет, что «Вахтангов сын своих людей 30 человек (послал) к Большим Армянам»¹²⁴. Поскольку в данном случае речь идет об отправке в Кафан группы армянских военачальников во главе с Давид-беком, нужно полагать, что, говоря о «Больших Армянах», Иван Карпет имел в виду не «Великую Армению», а большое армянское собрание, которое в наших документах называется «Большим сыгнахом». Следовательно, в «Большой сыгнах» включались и сыгнахи Кафана.

В ряде писем под названием «Հայրնք պիշխի», в переводе на русский язык означавшим «Армянское собрание», подразумевалось не то или иное укрепление или боевое объединение различных групп сыгнахов, а страна сыгнахов, или объединение сыгнахов в целом¹²⁵. Характерно, что Аван-юзбаша считался представителем всего «Армянского сагнага, содержителя армянского войска»¹²⁶.

В одном из наших документов встречаются названия «Верхний сагнах» и «Нижний сагнах». Из сличений материалов нашего сборника не трудно заключить, что в противоположность Верхнему сыгнаху, который был расположен в деревне Туг, центр Нижнего сыгнаха находился неподалеку от селения Шош, где на вершине небольшого плато в сыгнахе или укреплении помещался военный штаб главнокомандующего боевыми силами сыгнахов,— Авана-юзбаша. В издаваемых нами документах эта местность называется «Շոշի պիշի» («Укрепление Шоша»), или «Գիր» («Кар») в значении «Скала» или «Բարիսի գիր» в значении — «Наскальная».

«Оная деревня Шоша,— читаем мы в одном из документов,— окружена каменными горами»¹²⁷. Эти «каменные горы», то есть неприступное в те времена каменистое плато, окруженное с трех сторон отвесными скалами, служили естественным укреплением или крепостью для защиты от врагов. Позднее, в середине XVIII века, Панах-хан Дживаншир возвел здесь с четвертой стороны плато высокую стену, чтобы на вершине плоскогорья поселение городского типа было бы защищено со всех четырех сторон. Между тем издаваемые нами документы дают полное основание утверждать, что фундамент этой крепостной стены, построенной в местности, ставшей при Панах-хане цитаделью и резиденцией Карабахского ханства, начал закладывать еще в 1724 году, если не раньше, Аван-юзбаша. О том, что Аван был занят здесь возведением кре-

¹²⁴) Док. № 204 и 205. Ср. также № 277.

¹²⁵) См. док. № 301, 324, 353, 373. Ср. соответственно и значение русского выражения «Сагнах» или «Сагнак» у Эзова, стр. 365, 368, 435—439, 441—446, 452—454 и 459.

¹²⁶) Док. № 373.

¹²⁷) Док. № 325.

постной стены, сообщал также генерал Матюшкин в письме, написанном им 19 декабря 1725 г.¹²⁸.

В одном из писем Ивана Карапета упоминается «новая крепость, построенная на вершине скалы» («Քարաշարժի ի սր շրջոց զալան») ¹²⁹. В другом письме Иван Карапет сообщает, что он «пребывает в сыгнахе, расположенном на вершине скалы («Քարաշարժի սղխալան»), и пользуется гостеприимством юзбашей Тархана и Баги»¹³⁰.

В подтверждение того, что здесь речь идет именно «об укреплении Шоша», на основе которого впоследствии возник город Шуша, можно указать на тот факт, что у подножья этой скалы-крепости расположена армянская деревушка «Карин-так» — «Կարին տակ», по азербайджански — «Даш-алты» («Подскальная»), сохранившая в своем названии следы старого названия укрепления — «Кар» или «Карин-глух» («Наскальная»). В 20-х годах эта крепость являлась главным укрепленным пунктом сыгнахцев. Вот почему, как писал Иван Карапет, основная задача турок в это время заключалась в овладении этим укрепленным пунктом сыгнахцев и уничтожении его «главных»¹³¹.

В числе первых организаторов и руководителей боевых отрядов сыгнахцев упоминаются также мобилизованные из городов и сел Закавказья. Однако в условиях господствовавшего здесь натурального хозяйства, в самом Карабахе не было городских центров и сколько-нибудь значительного промышленного и торгового населения. Поэтому не может быть сомнения в том, что первоначальное ядро сыгнахского воинства составляли мелкие вооруженные отряды армянских меликов, существовавшие здесь для поддержания порядка в подвластных этим меликам деревнях и несшие у персидских властей военную службу.

В ряде мест Закавказья и особенно в городских центрах (в Тифлисе и Ереване, в Гяндже и Шемахе, а также при обороне Решта в Гиляне) в мобилизации отрядов и руководстве ими участвовали выходцы из среды армянского купечества. Так, организатором и военачальником армянского эскадрона в Реште и одновременно переводчиком был купец Петрос ди Саркис Гиланенц. Выходцем из купеческой среды был так-

¹²⁸) Ср. А. Абрамян, стр. 121.—Захватив эту крепость, Панах-хан, видимо, лишь достроил возведенную Аван-ханом крепостную стену. В «Описании городам и местам, ближним к Грузии (sic) и Кахети», составленном в 1789 году Ираклием II, в главе об армянских «воеводствах» Карабаха, обозначившихся в совокупности также арабским словом «Хамс» и «Хамсы», встречаем упоминание о том, что среди этих воеводств находилась «старинная крепость», впоследствии захваченная пришедшим во время персидского междуцарствия дживанширским узурпатором — Панах-ханом. См. А. А. Цагарели. Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии, СПб, 1891, 1, стр. 434—435.

¹²⁹) Док. № 278.

¹³⁰) Док. № 277. В одном из донесений Ивана Карапета, написанном на русском языке, название «Քարաշարժի սղխալան» до неузнаваемости искажено. Иван Карапет пишет: «а ныне я живу в Каракулах горах в крепком месте»... Док. № 289.

¹³¹) См. док. № 312.

же Степанос Шаумян, военачальник одного из отрядов Давид-бека, вождя армянского восстания в Кафане.

Если не из представителей городской купеческой среды, то во всяком случае из числа прочих слоев горожан и, главным образом, из армян, служивших в персидских армиях Закавказья, вышли наиболее выдающиеся руководители народно-освободительного движения армян Закавказья первой трети XVIII в.

В деле организации и руководства боевыми действиями армянских сыгнахов Карабаха крупную роль сыграли армяне-военнослужащие, прибывшие из Ширвана. Сведения об армянах, служивших в ханской армии Ширвана, встречаются еще в первой половине XVII века. Шемахинский хан, писал Адам Олеарий, выставил за городом (Шемахой) «более 2000 человек пехоты, большею частью армянских христиан»¹³². В начале 20-х годов XVIII в., после поражения ханских войск под Шемахой, большая группа армянских бойцов перебралась из Ширвана в Карабах и приняла самое деятельное участие в обороне сыгнахов. Возглавлял этих бойцов упомянутый нами Аван-юзбаши, видимо, прибывший в Карабах еще до разгрома ханских войск в Ширване. В одной из армянских хроник этого времени имеется справка о том, что «Аван-юзбаши, прибыв и укрепившись в скале Шоша, прославился. Это имело место в 1717 году»¹³³.

Аван упоминается как один из главных военачальников сыгнахов с самого же начала их выступлений. Впоследствии он стал главнокомандующим объединенных сил сыгнахцев. Правой его рукой, как бы начальником его штаба, был его брат Тархан-юзбаши.

Вслед за появлением первых отрядов в Шоше, в 1719—1721 годах сформировались отряды в долинах реки Тертера и Куры — в магалах Гюлистана и Чараберта. Этими отрядами руководили юзбаши Есаи и его брат юзбаши Саркис. Вскоре к ним присоединились образовавшиеся в верховьях реки Гянджинки отряды предводителя армян города Гянджи — мелик Иосифа. Когда в 1721 году лезгины, возглавляемые Али Султаном, ворвались в Гянджу, жители города проявили необыкновенную стойкость, — около 1200 лезгин перерезали, остальных вынудили к позорному отступлению¹³⁴. Весною 1722 г. лезгины снова напали на Гянджу. Чтобы спасти город, представители состоятельных и богатых горожан обратились к Вахтангу, «другу и любимцу шаха», с просьбой о помощи. Однако жители города, еще до прибытия помощи Вахтанга¹³⁵, оказали лезгинам героическое сопротивление.

Весной 1723 года, описывая начавшиеся в 1712 г. набеги лезгин и

¹³²) А. Олеарий. Описание путешествия, М., 1870, стр. 526.

¹³³) Каталог рукописей Хачик-вардапета Дадян, Эчмиадзин, 1898, вып. 1, стр. 35 (на арм. яз.).

¹³⁴) См. Есаи, стр. 30.

¹³⁵) Там же, стр. 48 и след.

усиливавшийся произвол ханских властей, в своем обращении к царю Петру юзбаши Есаи из Барды и его соратники сообщали: «И тако мы видя разорение посоветовав между собою я Исай Бардагинской, я Ширван и Сергей Чарапертукские и Ганжицкой армянской начальник Осип, з двенатцатью тысячами воинскими людьми совокупились и начали противитися лязгинам и авганским бесурманам и тако щастием в.и.в. и надеясь на ваше милосердие множество неверных побили и выгнали, и теперь мы стали безглавны... Також и хан тифлинской (=Вахтанг) пришед к нам учинил неописанное нам вопоможение»¹³⁶.

Ряд армянских военачальников — в том числе и прославленный в истории освободительного движения армянского народа Давид-бек, были направлены царем Вахтангом и его сыном Бакаром в Армению и сыграли выдающуюся роль в деле организации и руководства восстанием армян в Кафане. После смерти Давид-бека во главе восстания кафанцев встал храбрый военачальник Мхитар-бек, прибывший в Кафан из города Гянджи. Повествуя о начальной стадии этого восстания, соратник Давид-бека Степанос Шаумян пишет: «Как только Давид-бек покинул пределы Грузии, вокруг него собралось около 400 бойцов Кафана, люди, носившие тяготы и службы и испытавшие все невзгоды чужеземного ига, и посветили себя делу освобождения... Каждый из них в отдельности был способен одолеть сотню противников, а объединившись могли противостоятъ тысячам»¹³⁷. Впоследствии под знаменем Давид-бека собралось несколько тысяч крестьянской молодежи, стойких поборников идеи освобождения Кафана.

То обстоятельство, что освободительное движение армянского народа развернулось в нагорных районах Карабаха и Кафана, не являлось случайностью.

Известно, что экономические и политические центры древнеармянских царств находились в равнинной части Армении. Однако известно также, что врывавшиеся в Армению иноземные захватчики и завоеватели растапывали именно эту равнинную ее часть, разрушая на своем пути города и села, уничтожая или уводя в плен их обитателей. Составлявшие некогда культурную и политическую сердцевину Армении, плодородные долины Арарата и Арагаца вновь были превращены в этнический центр страны, а позднее — в базу ее национальной государственности, лишь после присоединения Армении к России. Именно поэтому, оставляя в стороне ряд других исторически привходящих мо-

¹³⁶) Док. № 177 и 178. Упоминаемых здесь мелик Иосифа из Гянджи и юзбаши Есаи из Чараберта мы склонны отождествить с «сыном мелик Ахиджана мелик Есаи из Чараберта», а гражданина Иосифа из Гянджи считать сыном вардапета Есаи и внуком родовитого хана мелик Иосифа; эти личности в свое время были связаны с Израелем Ори. См. док. № 161.

¹³⁷) «Ընտիր ցամառներն Դաւիթ Բէգին և ցաներգոյց Հայոցն իսկաններ», изд. А. Гуламирянц, 1871, Вагаршапат, стр. 6, далее, „История Давид-бека“.

ментов, следует отметить, что в XVIII веке наиболее активную силу освободительного движения армян составляли крестьянские массы Карабахского и Кафанского (Зангезурского) нагорья.

В 1724 году в одной из своих докладных записок, адресованных российскому правительству, представители сыгнахов писали, что в составе армянского населения Карабаха насчитывается 100 тысяч дворов, а в другой провинции нагорной Армении, в Кафана (Зангезуре), армяк еще больше. Они заявляли, что в Араратской провинции армян «несравненно меньше», чем в Карабахе или Кафана¹³⁸.

Годом позже старшины армянских деревень Карабаха докладывали, что население нагорных районов Восточной Армении насчитывает «тысячу тысяч» душ, что означало один миллион¹³⁹.

Если даже предположить, что эти показатели были значительно завышены, факт количественного превосходства в XVIII веке армянского населения Карабаха и Кафана над населением равнинной Армении, тем не менее, бесспорен.

Какую же боевую силу объединяли в своих отрядах армянские сыгнахи Карабаха и Кафана в 20-х годах XVIII века?

По данным издаваемых документов, общее количество бойцов, объединенных этими отрядами, достигало нескольких десятков тысяч. В своем донесении от 22 сентября 1722 г. Минас-вардапет сообщал: «Ныне де армян в готовности военных людей с 40 000, а впредь, когда они увидят милость и обнадеживание е.и.в. то и еще может их собратца с 40 000»¹⁴⁰.

В декабре 1722 г., ссылаясь на сведения, полученные из Тбилиси, Минас-вардапет писал: «Нашего армянского войска напред сего было 20 тысяч, а нынече в собрании 30 тысяч есть»¹⁴¹. В это число не включены мобилизованные вне сыгнахов. О них тот же вардапет доносил: «Арарат, Кохтан, Кавар, Капан, и в тех местех стоят оне в готовности»¹⁴².

В письме того же Минаса-вардапета от 26 августа 1723 г. со слов прибывших «вестовщиков» сообщается: «Армяне [числом] 50 000 людей [человек] конных опритчь пеших, [которых] боли [больше] того (чем) 50 000»¹⁴³. Наконец, 19 апреля 1723 г. тот же источник дает ряд новых конкретных сведений: «собралось де армян 24 000 и пошли под местечко Нахчиван и осадя взяли, и содержат тем местечком оные армяне. Армянской же патриарх Исай между Генжи и Хапан в 12.000 с вой-

138) См. док. № 291, пункт 5.

139) См. док. № 315.

140) Док. № 167.

141) Док. № 168.

142) Там же.

143) Эзов, № 231.

ским стоит и ожидает приходу войск в.в.»¹⁴⁴. Те же данные о количестве войск встречаем и в послании четырех карабахских меликов Петру¹⁴⁵.

5 ноября 1724 г. посланные в Россию от армянского воинства поп Антон из Шемахинской области и Кевха Челеби из Карабаха подтверждали данные о том, что боевые силы, мобилизованные под главенством патриарха Есаи, не превышают 12 тысяч человек и что позднее «собралось из той же Карабахской провинции войска армянского всего до 40 000 человек, из которых 30 000 конницы и 10 000 пехоты, над которыми всеми главные управители помянутой патриарх Исай и 2 юзбаши Аван и Мирза»¹⁴⁶.

Поскольку о количестве войск наши источники склонны давать завышенные сведения, сообщения попа Антона и Кевха Челеби нам представляются более близкими к действительному положению вещей, чем вышеприведенные цифры Минаса-вардапета. Следует, впрочем, заметить, что расхождение в цифровых данных можно объяснить и текучестью состава мобилизованных: войска собирались на сборные пункты, должно быть, лишь в зависимости от ситуации. Представляется также вероятным, что завышенные сведения относятся к численности не войск, фактически несших военную службу, а контингента лиц, которые могли быть в случае необходимости мобилизованы.

Имеются у нас ценные сведения и о состоянии вооружения сыгнахцев.

«Ружье (оружие) у того всего войска,— сообщали посланцы армян,— есть фузей и сабли, и сверх того у конницы пистолеты, також пороху и свинцу у них довольно, и оное ружье и порох и свинец делают они, армяне сами, понеже у них таких руд довольно. А пушек при них ничего нет, понеже хотя у них руда медная и железная есть, но мастеров пушечных нет»¹⁴⁷. Позднее, юзбаши Тархан писал то же самое: «ружье имеют они при себе, которое делают сами обретающимися при них военными людьми: пищали, сабли, тесаки, кинжалы, пистолеты... у них же имеютца руды железная, медная, свинцовая и серебряная, из которых из железной делают обретающиеся при них люди не токмо железо, но и ружье, також свинец и порох»¹⁴⁸.

Католикос Есаи жаловался на отсутствие у сыгнахов «наступательного» оружия и на слабую военную подготовку мобилизованных. В одном из своих писем Иван Карапет, посланный Петром в Карабах, сообщил, что на вопрос о количестве бойцов католикос Есаи ответил: «около 40 тысяч человек, частью с оружием, частью без оружия»¹⁴⁹.

¹⁴⁴) Док. № 180.

¹⁴⁵) См. док. № 178. Ср. док. № 175.

¹⁴⁶) Док. № 291, пункт 1.

¹⁴⁷) Там же.

¹⁴⁸) Док. № 375, пункт 2—3.

¹⁴⁹) Док. № 210 и 211.

Вот почему, стало быть, в своем повествовании об истории Агванов этого времени, также как и в своих официальных сообщениях в Россию «об отборных и вооруженных бойцах сыгнахцев», Есаи называл лишь цифру 10—12 тысяч.

Упомянутые в наших донесениях десятки тысяч армянских воинов крайне нуждались в оружии. Так, например, в одном документе этого же времени, относящемся к борьбе сыгнахцев, приводится цифра — двадцать тысяч, однако тут же добавляется «токмо половина без ружья»¹⁵⁰. В сыгнахе Шош в войске Авана-юзбати в 1724 году вооруженных было 500 человек, без оружия 6400 человек¹⁵¹, а Иван Карапет писал, что в армянских собраниях, где он был, имеется 20 тысяч бойцов, «токмо де оскудение имеют в провианте»¹⁵². И наконец, в письме к русскому двору, написанном руководителями Гюлистанского, Чарбертского и Хаченского сыгнахов в марте 1724 г., сказано, что они располагают 20-тысячным войском, наполовину «наличными (т. е. с оружием), а остальные, в «кредит»¹⁵³. Это означало, что добрая половина мобилизованных не была обеспечена оружием.

Хотя в стране имелись богатые запасы ископаемых, однако не было мастеров по изготовлению оружия и литью пушек. В своих письмах и донесениях сыгнахцы жалуются также на нехватку сырья для пороха.

В условиях феодальной раздробленности и обособленности, отсутствия удобных путей передвижения между магалами и постоянной нужды в аммуниции и боеприпасах, было трудно создавать регулярные воинские подразделения, вести точный учет боевых сил или организовывать централизованные и активные военные действия. «Сейчас мы не смогли определить общее число наших боевых сил, — читаем мы в одном из документов, — так как они крайне разбросаны здесь и там; мы не в состоянии выяснить их количество»¹⁵⁴.

По мере увеличения потребности в мобилизации и организации войск и накопления практического боевого опыта боееспособность сыгнахцев все более повышалась. В августе 1725 года в докладной записке к канцлеру Головкину Иван Карапет писал: «Здесь войско так изрядно, что я такого во всей Персии не видал, 12 тысяч конных с огненным ружьем, а пехоты с ружьем же огненным множество. И ружья еще здесь в прибавку делается по 10 фузей на день, також есть заводы медные и свинцовые, токмо мастеров мало...»¹⁵⁵. Выполняя поручение российского правительства, Иван Карапет живо интересовался природными ресурсами армянских земель и состоянием их обработки¹⁵⁶.

150) Док. № 284.

151) См. док. № 199, 231 и 284.

152) Док. № 284.

153) Док. № 220 и 222.

154) Док. № 208 и А. Абрамян, док. № 16.

155) Док. № 319.

156) Ср. док. № 207, 210, 211, 318.

По всей вероятности этот интерес посланца Петра Великого был вызван не только общеполитическими видами царской России, но и практической задачей обеспечения обороны сыгнахов производством боеприпасов из местного сырья.

В упомянутой нами докладной записке Иван Карапет отмечал исключительную воинственность сыгнахцев: «Таких воинственных ребят как здешние, нигде больше не имеется в стране жизилбашцев»¹⁵⁷. Высокую их боеспособность он связывал с природными условиями страны. «Осмалцы встретят в стране большое затруднение, так как каждое селение представляет из себя крепость, дороги трудно проходимые, горы и леса всюду заграждают дороги. Есть места, где пятеро ружьеносцев смогут устоять против пяти тысяч. Имеется лишь одна аробная дорога, ведущая по равнине из Куры в Гянджу, иных аробных дорог не имеется»¹⁵⁸. Позднее, в 1729 г. то же самое констатировал и юзбаш Таухан: «Живут они армяны в крепких местах, в горах, и... надеются, что никто их, по крепости местоположения и по силе их, взять и оными местами овладеть не может»¹⁵⁹.

Наряду с этим следует учесть также отдаленность Карабаха от берегов Каспийского моря и отсутствие удобных путей и средств сообщения между ними. Согласно реляции Минаса-вардапета «от пристани Низовой до города Шемахи ходу вьюками на лошадях четыре дни, а на верблюдах осмь дней; от Шемахи до монастыря Канзасара... сухим путем ходу вьюками на лошадях шесть дней, а на верблюдах, добрым ведряным путем, осмь дней»¹⁶⁰.

Выясняется, таким образом, что сыгнахцы, способные, благодаря природным условиям, обеспечивать оборону страны, не имели сплоченного войска и воинских подразделений, а также пушек и достаточного количества ружей для наступательных действий против вооруженных до зубов лезгин и, тем более, против регулярных турецких армий.

В значительной мере в таком же положении находилась и грузинская армия того времени. Еще в 1703 году в письме к Петру I, царь Арчил, говоря об организации обороны Грузии от Турции, жаловался на то, что огнестрельного оружия у грузин мало и применяется оно весьма редко. За неимением каменных укреплений (т. е. крепостей.—А. И.), писал он, народ Грузии обороняется лишь в естественных укреплениях, превращая их в своего рода крепости, тем более сейчас, когда он опасается турок¹⁶¹. Подобно сыгнахцам, грузинское население также не могло вести в ту пору победоносные бои против регулярных армий, когда оно не рассчитывало на помощь из России. «Служилые люди,

¹⁵⁷) Док. № 318, ср. док. № 319.

¹⁵⁸) Док. № 277.

¹⁵⁹) Док. № 375, пункт 1.

¹⁶⁰) Док. № 154.

¹⁶¹) См. ЦГАДА. Дела грузинские по реестру II, лл. 1 и 2.

торговцы, ремесленники снабжены оружием и, в случае войны, выходят логоловно, тысячь до ста и более; города и крепости, построенные от Кавказских гор по берегам Каспийского моря, пользуются крепким местоположением; каменных стен хотя и нет, однако всякое семейство имеет род крепости, особенно же теперь, из опасения нападения турок»¹⁶². Поэтому, писал царь Арчил, если бы только он и его соотечественники могли получить из России хоть какую-нибудь помощь, то до последней капли крови сражались бы за веру и отчизну против султана и шаха¹⁶³.

Положение дел в Грузии не изменилось и при Вахтанге. Как и войско сыгнахцев, грузинская армия не могла выступить против подерживаемых Турцией лезгин, если она не могла твердо рассчитывать на боевую помощь российской армии. В своих обращениях к Петру Вахтанг неоднократно изъявлял готовность служить ему верой и правдой, — покорить лезгин, если только Петр исполнит то, чем он обнадежил грузин и армян — прибудет со своими войсками к ним или «соизволит по крайней мере приказать своему войску итти к Ширвану»¹⁶⁴.

V

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ АРМЯН ПРОТИВ ЛЕЗГИН И ПЕРСИДСКИХ ФЕОДАЛОВ ЗАКАВКАЗЬЯ

К концу второго десятилетия XVIII века лезгинские набеги на области, населенные армянами и грузинами, приобрели характер грозной войны. «Антиперсидское» направление возглавляемого феодалами лезгинского движения все более и более обнаруживало свою протурецкую ориентацию. Используя горцев в борьбе против персов, феодалы руководители этого движения стремились расширить территориальные границы своего господства и заодно увеличить свои богатства за счет грабежей и превращения военнопленных в рабов¹⁶⁵. В ряде мест они не останавливались перед тем, чтобы принудить поработенное христианское население к принятию ислама¹⁶⁶. Если борьбе с персидским господством предводители лезгин придавали характер священной войны суннитского «правоверия» против «ереси» шиитов, то борьбе с армянскими и грузинскими союзниками России они старались придать характер религиозного похода против «изменников» — христиан. По-

¹⁶²) «Переписка на иностр. языках груз. царей», стр. XXV.

¹⁶³) Там же.

¹⁶⁴) Там же, стр. 143.

¹⁶⁵) См. док. № 169 и 170.

¹⁶⁶) См. док. № 291.

добная практика лезгинских феодалов по-видимому поощрялась турками, видевшими в христианских «гяурах» Закавказья естественных союзников русских войск, продвигающихся к прикаспийским рубежам Персии¹⁶⁷.

Еще в 1709 году, возвращаясь из Испагана в Шемаху, Израел Ори стал очевидцем нападений лезгин на Ширван. «Шамахинцы же — писал он — пребывают еще в смятении с персианами и у них многие за несколько время деревни пожгли и пограбили»¹⁶⁸. Нападение лезгин на Шемаху имело место и во время правления Гусейн-хана в 1712 году¹⁶⁹. Объединенные силы южного Дагестана повторили нападение на Шемаху также и в 1719 году. Ханские войска во главе с Гасан-Али-ханом оказали последним упорное сопротивление, кончившееся, однако, поражением и гибелью хана¹⁷⁰.

Летом 1720 года, идя навстречу просьбам представителей гянджинцев, царь Вахтанг мобилизовал и двинул на зарвавшихся лезгин большую армию. Однако дело до сражения не дошло: узнав о приближении грузинских войск, лезгины отступили из-под стен Гянджи¹⁷¹.

В период Персидского похода Петра господствовавшая в закавказских ханствах феодальная верхушка шиитов занимала проперсидскую позицию. Когда 15 августа 1721 года лезгины под предводительством Сурхай-хана Казикумукского вновь осадили Шемаху, суннитская часть населения города открыла перед ними городские ворота. Ворвавшись в город, лезгины вырезали 4—5 тысяч жителей и в их числе правителя города Гусейн-хана и его сына¹⁷². Одновременно они разграбили товарные склады русских купцов. Последнее обстоятельство и послужило поводом к походу Петра в Персию. В районе Шамхора в это время против лезгин выступили Огурлу-хан и текинский владетель Кичи-хан¹⁷³. Для борьбы с лезгинами мобилизовал свое войско и хан ереванский. Однако войска ханов, в которых насчитывалось до 30 тыс. человек, не устояли перед натиском лезгин и в беспорядке отступили в направлении Карабаха¹⁷⁴.

Преследуя разбитые ханские войска, осенью 1721 г. и весной 1722 г. лезгины дважды вторглись в азербайджанские и армянские магалы Карабаха и проникли в бассейны рек Куры, Аракса, Тертера, Хачена

167) См. док. № 308.

168) Док. № 123.

169) Ср. А. К. Бакиханов. Гюлистан—Ирам, Баку, 1926, 1926, стр. 102.

170) См. Есая, стр. 31, Lockhart, стр. 127.

171) См. Есая, стр. 48 и след., Lockhart, стр. 125—127.

172) Ср. Lockhart, стр. 127.

173) См. Есая, стр. 31; А. К. Бакиханов, стр. 102.

174) См. Есая, стр. 30 и след., 43 и след. По данным турецких источников, перейдя реку Куру, лезгины разбили четырехтысячную армию ереванского хана. См. Johann Chr. Fried. Schulz, Geschichte des osmanischen Reiches, Frankfurt und Leipzig, 1770, II, 369 и след.

и Каркара. Они нещадно грабили жителей, убивали мужчин и угоняли в плен женщин и детей. По данным наших источников, лишь в некоторых местах (на берегах Куры, в магалах Барды и Чараберта, и в магале Дизак) население оказало им сопротивление¹⁷⁵. Описывая в своем обращении к царю Петру эти зверства лезгинцев, Есаи из Барды и его соратники сообщали, что «оных лязгинцов тысячь по 50 и по 60 в Ганжу и Барду и Дузагу (=Дизак)прихаживало неоднократно и все дома авганских (т. е. карабахских.— А. И.) жителей христиан разорили и некоторых побили и побрали мужеской и женской пол, старых и малолетних и отвезли в Дагистан и как те паши неприятели переезжали чрез реку Куру то немогши народу всего за собою перегнать многих топчили, иных рубили так, что оная река яко кипящая в крови стала...»¹⁷⁶.

Вторая осада Гянджи продолжалась 10—12 дней, однако лезгинцы вынуждены были наконец отойти, наткнувшись на упорное сопротивление азербайджанского и армянского населения города и узнав о приближавшихся к Гяндже войсках Вахтанга¹⁷⁷.

Объективным последствием сокрушительных ударов, нанесенных лезгинами ханской власти Закавказья, явилось крайнее ослабление ее господства в Карабахе и переход фактической власти в руки местных мелких правителей и мулкадаров—старшин и меликов, юзбашей и беков.

Перед лицом участвовавших массовых походов лезгин и нараставшей опасности турецкого вторжения местное население и представители местной власти целиком посвятили себя организации общей обороны.

В армянских магалах Карабаха и Кафана произошло сплочение боевых сил народно-освободительного воинства, осуществлявшего задачу обороны страны и развернувшего борьбу за восстановление своей независимости.

Организационная и политическая работа руководителей этого движения получила большой размах в связи с вступлением в пределы Персии войск Петра Великого. Если до этого момента выразителями идеи освобождения армян с помощью России являлись лишь передовые деятели, то теперь эта идея находила живой отклик в сознании широких масс армянского народа. Благодаря военному вмешательству России, приглушенная многовековым господством персов и турок освободительная борьба армянского народа, в условиях начавшегося развала власти Сефевидов и опасности восстановления в Закавказье старого, ненавистного хозяйничания османцев, приобрела характер общенародного движения.

Есть основание утверждать, что уже в 1722—1723 годах в ряде мест и в особенности в Карабахе и Кафане, армянское население пере-

175) См. Есаи, стр. 43 и след. Ср. также док. № 195.

176) Док. № 178 и 177.

177) См. Есаи, стр. 48 и след.

стало платить налоги и выполнять прочие государственные повинности, что привело к открытым столкновениям с персидскими властями. Объявив себя хозяевами Карабаха, турки в 1726 году потребовали у населения этой области уплаты налогов за пять предыдущих лет¹⁷⁸. В дошедшем до нас повествовании о начавшемся в 1722 году восстании армян в Кафанах мы встречаем интересное сообщение о том, что в 1726 году повстанцы захватили архив прибывшего в Кафан турецкого сборщика налогов и сожгли обнаруженные в нем 32 тысячи налоговых бумаг¹⁷⁹.

По сведениям некоторых европейских историков XVIII века крайне обременительные налоги, установленные последним Сефевидом — шахом Тахмаспом II, и явились причиной вспыхнувшего здесь восстания армян¹⁸⁰. Имеются, однако, данные о том, что в ряде мест армянское население Карабаха отказывалось платить налоги еще задолго до воцарения Тахмаспа. В вышеприведенном обращении к царю Петру юзбаша Есаи и его соратники писали: «И уже тому одиннадцать лет как сию нашу провинцию лезгинцы разоряют, а и персидские бесурманы еще горше нас разоряют и в подданство берут»¹⁸¹.

Хотя, в результате восстания афганцев, лезгин и прочих своих подданных, персидские власти потерпели большой урон, все же они были еще достаточно сильны, чтобы выступить против населения, отклоняющего их налоговые претензии.

Неуплата налогов была воспринята ханами как прямой акт неповиновения и послужила основанием для отправки в Карабах и Кафан специальных карательных войск.

Враждебную реакцию у ориентирующейся на Сефевидов части феодалов Закавказья вызвало также поведение Вахтанга, рассчитанное на восстановление независимости Грузии и Армении с помощью России. В 1722—1723 годах эту проперсидскую и по существу враждебную в отношении освободительного движения реакцию возглавлял Кахетинский царь Константин, известный также под своим мусульманским именем — Махмет Кули-хан.

Узнав об «измене» Вахтанга и его сына, Бакара, в 1722 году шах Тахмасп назначил Константина правителем («вали») Картли и одновременно передал ему командование персидскими войсками, иначе говоря, объявил его бекларбеком Гянджи, Карабаха и Еревана¹⁸². Верный велению шаха, Константин взялся покарать Вахтанга, и, добиваясь

178) См. указанный А. Г. Абрамяном источник, стр. 131.

179) См. «История Давид-бека», стр. 56.

180) La Mamye-Clairac, Histoire de Perse depuis le commencement de ce siècle, Paris, 1750, t. II, 149.

181) В армянском тексте взамен подчеркнутых нами слов читаем «ալիբիտի, խորհրդի հարկս և առանձինն. ամենն թախտ ու թախտ յափշտակիլն» Док. № 177.

182) См. Л. М. Меликсет-бек, Грузинские источники об Армении и армянах. Ереван, 1955, т. III, стр. 172 (на арм. яз.).

этой цели, одно время не брезговал даже прямым союзом с лезгинскими погромщиками и их турецкими покровителями. Опасность, угрожавшая со стороны Константина и поддерживавшей его части грузинских феодалов, была столь велика, что еще в 1721 году Вахтанг просил Петра ввести в Грузию 5—6-тысячное русское войско для охраны страны и для усмирения местных феодалов, не согласных с его, Вахтанга, политикой.

Враждебное отношение к восстановлению независимости «христианских» народов Закавказья проявляли и связанные с единоверной Персией феодалы Азербайджана. Особенно враждебно относились они к армянским сыгнахам в период выступления последних против персидского господства в Карабахе и Кафане. Возникшие на этой почве конфликты в ряде мест привели к кровавым схваткам.

В своем повествовании о политических и военных событиях 1722—1723 годов католикос Есаи, остановившись на враждебных действиях ханов Кахетии, Борчалу, Казаха, Гянджи и Еревана, писал: «Все они будучи враждебными к нему (Вахтангу) и особенно ренегат Махмат-Кули хан Кахетии... и Огурлу-хан Гянджи, кои искони являлись кровными врагами к роду Вахтанга, и ныне объединившись написали на него донос новому шаху — Тахмаспу... сообщив ему, что де помышляя отложиться от тебя, он оплачивает вокруг себя нацию армянскую и грузинскую и направляя своих посланцев к русскому царю, приглашает его прийти и завладеть твоею страной»¹⁸³.

Пять месяцев подряд персидские войска вели бои за Тбилиси. И под конец были отброшены войсками Вахтанга. Тогда в апреле 1723 года Константин обратился за помощью к лезгинам, и в начале мая, при поддержке 7-тысячного лезгинского войска Ал-Султана, все же овладел городом Тбилиси и отдал его своим хищным союзникам на разграбление. Однако спустя месяц, 10 июня, он был вынужден сдать Тбилиси туркам¹⁸⁴. Сделавшись хозяевами, турки изгнали из Тбилиси несколько сот неблагонадежных купцов, должно быть, главным образом, из армян, и передали управление городом принявшему ислам сыну Вахтанга — Бакару (Шахнавазу), при условии уплаты ежегодного взноса в размере 40 тысяч пиастров¹⁸⁵, а обманувшийся в своих надеждах Константин, уйдя в Кахетию и признав главенство Бакара в Картвелии, вступил на путь вооруженной борьбы с турками. Отныне он будет в меру сил своих руководить освободительным движением народов Закавказья в целом.

¹⁸³) Есаи, стр. 62 и след.

¹⁸⁴) См. Есаи, стр. 65 и след., «Мелкие хроники» (на арм. яз.), сост. В. А. Акопяном, Ереван, 1956, II, 432; Lockhart, стр. 254—256.

¹⁸⁵) Hammer, XIV, стр. 398.

Под давлением нараставшей в Закавказье турецкой агрессии, некогда враждовавший с Вахтангом кахетинский царь в конце концов разделил его политическую линию, т. е. убеждение в том, что спасение Грузии — в ориентации на российскую помощь.

Тяжкие времена наступили для Армении. В Карабахе и Кафанах начались вооруженные столкновения между сильно потрепанными войсками ирано-азербайджанских ханов и разрозненными отрядами армянских сыгнахов. Еще в декабре 1722 г. сыгнахцы во главе с Есаи-юзбаши из Барды (Гюлистана), Саркиса и Ширвана из Чараберта и Иосифа из Гянджи успешно обороняли подступы Карабаха и ведущие в Гянджу и Тбилиси пути, сдерживая натиск «тюркских последние местных насильников» («*հա միւսգաճի տեղերս բնիւմիւսի թուրքերն*»), требовавших «выплаты налогов», «тля и грабя» все уцелевшее после нашествия лезгин¹⁸⁶. Подобные столкновения с местными проперсидски настроенными «тюркскими» феодалами происходили в это время и в других магалах Карабаха и Кафана. «В Карабахе и Кафанах,— писал в декабре 1722 г. Минас-вардапет Первазян,— армяне объединившись нападая на местных «тюрков» нещадно их истребляют»¹⁸⁷. Как видно, здесь речь идет о выступлениях сыгнахцев против персидских властей, представителями которых зачастую являлись феодалы «тюркского» (т. е. азербайджанского) происхождения.

Было бы ошибочно полагать, что эта борьба разразилась на почве национальной вражды между армянами и местными «тюрками» или что она имела характер погромов. Не следует забывать, что в ряде мест повстанцы направляли оружие и против придерживавшихся персидской ориентации феодалов из армян. Была учинена кровавая расправа даже над ханскими пастухами Чавндур, в расчете нанести этим удар их персидскому хозяину¹⁸⁸. Известны, как увидим, случаи, когда феодалы из армян совершали набеги на владения своих армянских противников в союзе с феодалами из лезгин или азербайджанцев.

Движению сыгнахцев угрожали прежде всего отогнанные лезгинами в пределы Карабаха и Кафана персидские войска. В октябре 1723 г. в Дизаке, близ деревни Хадруд, произошло столкновение сыгнахцев с шахскими войсками; последние при этом потеряли 200 человек. «Исказывают,— пишет посланец сыгнахцев поп Антон,— что шахова войска было при деревне Хадруд с 40000 или больше, а при оном войске был

¹⁸⁶) См. док. № 177.

¹⁸⁷) См. док. № 169. В старом русском переводе соответствующее место гласит: «ныне армянские народы (sic) в Карабахе и в Кафанах присоветовали, что [б], ежели магометанов сколько где не найдут, рубить, и оны (т. е. армяне—А. И.) себя охраняют и сильны, только не имеют никакого главного командира». Док. № 170.

¹⁸⁸) См. «История Давид-бека», стр. 17.

главным командиром Залханов сын, а другой Муганской хан»¹⁸⁹. Из дальнейшего изложения попа Антона видно, что в данном случае речь идет о персидских войсках, собиравшихся после понесенного ими в Ширване поражения отступить через Худаферинский мост на Араксе в Персию.

Особую активность в борьбе против армян проявляла шахская конница, имевшая задание «усмирить изменников»¹⁹⁰. Согласно донесению Минаса-вардапета от 19 апреля 1723 г., шах двинул на армян войска «четырех ханов; сражение произошло недалеко от местечка Акулис и кончилось поражением ханских войск и бегством двух ханов. «При той баталии,— писал автор донесения,— были грузинцы, присланы от Вахтанга для вспоможения»¹⁹¹.

Речь идет об уже упомянутых нами 30 или 40 воинах-армянах, прибывших во главе с Давид-беком в конце 1722 или в начале 1723 года из Грузии в Кафан для развертывания дальнейших военных действий и набравших на месте около 400 бойцов. Впоследствии это военное ядро расширилось, временами доходя до 7—8 тысяч добровольцев, в течение ряда лет ведших в Кафана героическую борьбу с персидскими и турецкими захватчиками.

В отличие от сыгнахов Карабаха, практиковавших тактику позиционной обороны, Давид-бек проводил молниеносные партизанские налеты. В наших источниках мы почти не встречаем упоминаний о «сыгнахах» в Кафана. Это объясняется именно тем, что к тактике позиционной обороны повстанцы Кафана прибегали лишь в исключительных случаях. Под жестким водительством Давид-бека и его боевых соратников выступления кафанских отрядов порой получали характер строго организованных и политически целеустремленных действий. Карательные экспедиции предводителя кафанских воинов нещадно наказывали провинившихся в нарушении приказов военачальников; мерой наказания могла быть даже смертная казнь. В условиях распада власти Сефевидов, здесь, как и в Карабахе, борьба направлялась против феодалов, ориентированных на сохранение в Закавказье персидского господства. К числу последних, наряду с тюркскими (т. е. азербайджанскими), относились также и армянские сторонники Сефевидов. Преданные шаху мелик Давид из Татева и мелик Франгюл из Ерицваника приняли мусульманство и, присоединившись к местным ханам, во главе своих отрядов оказывали повстанцам Кафана упорное сопротивление¹⁹².

¹⁸⁹) Док. № 194 и 195.

¹⁹⁰) По другим сведениям военачальники из Грузии прибыли по назначению не Вахтанга, а его сына—Бакара (Шахнаваз-хана). См. док. № 205, 206 и 277.

¹⁹¹) Док. № 180.

¹⁹²) См. «История Давид-бека», стр. 8 и след., стр. 22—24.

Сообщая в своих, написанных на армянском языке, донесениях о боевых столкновениях повстанцев с местными мусульманами, Иван Карапет называл последних «курдами»¹⁹³.

В письме к графу Толстому от 9 апреля 1724 года Иван Карапет сообщал о том, что сыгнахские армяне направились в Кафан для оказания армянам помощи против напавших на них курдов, добавив при этом, что и он сам намерен направиться в Кафан¹⁹⁴. Несколько позднее он сообщал, что вслед за войсками Авана-юзбаши он направился в Кафан, когда армяне уже потерпели поражение и «войска курдов вернулись во-свояси»¹⁹⁵. Очевидно, что поездка Авана-юзбаши и Ивана Карапета в Кафан состоялась в ответ на просьбу кафанцев об оказании им помощи. О просьбе кафанцев мы узнаем уже из донесения попа Антона от 26 ноября 1723 г.; последний писал о намерении сыгнахцев «иттить в Копанской (Кафанский.— А. И.) уезд для того, что ис Копанского уезду приходили от армян же к юзбаше Авану, чтоб он с своим войском шел и соединился с ними...»¹⁹⁶.

Следует отметить, что, говоря о столкновениях армян с «курдами», Иван Карапет под последними имел в виду оставшиеся верными шаху ханские войска¹⁹⁷. Это еще раз подтверждается его дополнительным сообщением о том, что 15 апреля (1724 г.) он с армянскими войсками направился в Кафан, так как было получено письмо, в котором говорилось, что хан Нахичеванский и султан Баргушатский пришли в Кафан, погубили много армян, а женщин и детей угнали в полон.

Враждебные действия ханских войск против кафанцев Иван Карапет ставил в связь с прибытием в Кафан Давид-бека и организацией им в Кафане боевых сил армян численностью в 4—5 тысяч человек. Встревоженные решительными антифеодальными действиями Давид-бека, хан Нахичевана и султан Баргушата во главе своей конницы

193) См. док. № 239.

194) См. А. Абрамян, там же, стр. 82.

195) Док. № 277.

196) Док. № 194.

197) См. А. Абрамян, стр. 83 и 84.— В подтверждение того, что Иван Карапет, говоря о «курдах», имел в виду не курдов в собственном смысле слова (не имевших своих «войск»), а мусульман вообще, или же «персов» или «кизылбашцев», можно привести его строки о том, что русский царь очень любит нацию шаха и что, взяв Дербент и Гилян, он не поранил ни одного курда (*«Մարտիկ անէց, Գիլանի անէց, ինն քրքրի քրիք չէ բնուց»*). Или же его сообщение о том, что османцы заняли ереванскую крепость и побили всех курдов и армян, бывших в крепости (А. Абрамян, стр. 111). В одном из своих донесений Иван Карапет сообщает о том, что ереванский хан воздерживается «написать письмо по-курдски, боясь как бы оно не попало в чужие руки» (см. док. № 239). Поскольку курдской письменности не существовало, ясно, что выражение «по-курдски» здесь могло иметь лишь значение «по-персидски», или же—«по-тюркски». Кстати, в таком же смысле употреблял термин «курд» хронист XVII века Закария Акулеци.

вступили с ним в жестокий бой и побили его войска¹⁹⁸. Это была наиболее кровавая из битв, имевших место в эти годы в Кафанах и Карабахе.

Дополнительные сведения о борьбе армян с ханской реакцией в Кафанах мы находим в послании соратника Давид-бека — Мхитар-бека, видимо, сменившего руководителя боевых сил армян в Кафанах в 1726 году. В своем послании к русскому двору от 24 марта 1726 года, сообщая о нападении персидской конницы на кафанцев, он пишет: «И мы спаслись бегством от кизилбашцев в разные места и отовсюду собрав (вновь) силы пришли и укрепились в каменистых местах, надеясь на освобождение христиан с божьей помощью. И крепясь помощью Христа мы начали воевать с кизилбашцами, одержав победу над ними, хотя и наших были побиты многие». Победенные в открытом бою кизилбашцы в дальнейшем предпринимали лишь внезапные налеты, во время которых грабили армянское население, разрушали монастыри и пустыни, убивали или уводили армян в плен. Некоторым удавалось вырваться из плена и вернуться на свои позиции¹⁹⁹. В апреле 1724 года Ивану Карапету, посланцу России, прибывшему в Кафан вместе с Аваном-юзбаши и 2000 сыгнахских воинов²⁰⁰ для объявления армянскому населению царской грамоты, едва удалось спастись от враждебных действий местных ханов. Осведомившись об энтузиазме, вызванном царской грамотой, — сообщал русскому двору Иван-Карапет, — местные кизилбашцы во главе с Баргушетским ханом учинили передвижениям царского посланца (т. е. самого Ивана Карапета. — А. И.) всяческие препятствия, и тем осудили его на вынужденное бездействие. Иван Карапет и прибывшие из Карабаха отряды сыгнахцев вырвались из Кафана лишь после того, как у селения Хндзореск удалось разбить главарей кизилбашцев²⁰¹.

---

¹⁹⁸) См. док. № 277. Ср. также ссылку А. Абрамяна на свидетельство купца Абея и указанный им источник ГАФКЕ (т. е. ЦГАДА), фонд сношения России с Арменией, 1721, № 6, А. 12.

¹⁹⁹) См. док. № 335. Ср. № 336.

²⁰⁰) См. док. № 277. Здесь в тексте стоит цифра 200. Мы сочли возможным исправить эту цифру, так как накануне отъезда в Кафан Иван Карапет писал, что юзбаши Тархан «хотел меня с двумя тысячами человек проводить в Большую Армению» (док. № 227); в другом письме встречается его же намек о том, что Тархан взял с собою 2000 рублей (имеется в виду 2000 воинов) (док. № 252). Заметим, что в составленной в середине XVIII века «Истории Давид-бека» численность воинов, сопровождавших Ивана Карапета и Авана-юзбаши в Кафан, достигла фантастической цифры — 56000 человек. (См. «История Давид-бека», стр. 10—11).

²⁰¹) См. док. № 277.

МИССИЯ ПОСЛАНЦА ПЕТРА ВЕЛИКОГО, ИВАНА КАРАПЕТА, И ЕГО РОЛЬ В СПЛОЧЕНИИ И РУКОВОДСТВЕ БОЕВЫМИ СИЛАМИ СЫГНАХЦЕВ

В освободительном движении народов Закавказья середины 20-х годов XVIII века посланец («элчи») Петра Великого, Иван Карапет, сыграл выдающуюся роль. Прибыв в 1724 году в Карабах для объявления «высочайшей грамоты армянскому народу» от 3 июня 1723 года, Иван Карапет взял в свои руки дело политического сплочения и руководства освободительным движением в Карабахе. Вместе со своим братом Лукой Ширвановым, являвшимся не только переводчиком, но также и своего рода интерпретатором обращений армян к российскому двору и, наоборот, российского двора к армянам, он в бытность свою в России занимался торговыми делами²⁰². Не случайно, что именно через него была направлена армянским купцам царская грамота, обещавшая им ряд привилегий и приглашавшая их «возобновить и восстановить» свои торговые дела как внутри Российского государства, так и в городах Прикаспия, находящихся под протекцией России²⁰³. Вместе с этой грамотой Ивану Карапету была вручена особая «Мемория» или Инструкция — обнадежить «знатнейших армянских военачальников» царскою милостью, изустно сообщив об этом всему народу. Согласно этой «Мемории», Ивану Карапету поручалось объявить армянскому народу или, вернее, армянским католикосам и военачальникам Карабаха о том, что русский царь «по их прошению, оных в протекцию свою принять и из под ига тех неверных высвободить весьма склонны и готовы». При этом следовало разъяснить, что освобождение армянского народа связано с делом укрепления позиций России на берегах Каспийского моря (имелись в виду Гилян и Баку, уже занятые русскими войсками), и выразить пожелание, чтобы «армяне в показанной до сего времени ревности и добром своем намерении не ослабели и токмо бы искали на малое время через всякие возможные способы себе содержать», и в случае, если «знатнейшим и главнейшим армянам» будет невозможно «оставатца и содержатца» в своей стране, чтобы они переселились в города Прикаспия, занятые царскими войсками, повелев народу «себя содержать до времени в тишине, пока все потребныя предуготовления учинятца» и возможно будет с помощью России «избавление их с надлежащею силою предвосприять»²⁰⁴.

В начале января 1724 года прибыв инкогнито в Карабах и встретившись с представителями как Малого, так и Большого сыгнахов,

²⁰²) См. его письмо Толстому от 5 февраля 1724 г., док. № 207.

²⁰³) См. док. № 183 и 184.

²⁰⁴) Док. № 185.

Иван Карапет отправил в Россию ряд донесений, написанных им лично на простом джюльфинском наречии. Автор донесений рисует неприглядное положение Карабаха, терпящего невзгоды не только от грабительских набегов лезгин и феодалов прочих мусульманских народностей, но и от собственных, т. е. армянских же феодалов. В этом раздробленном на мелкие владения феодальном мире, повествует Иван Карапет, исповедующие христианство армянские мелики и старшины обращаются с крестьянством почти так же, как угнетатели и грабители «неверных». Он характеризует сыгнахских феодалов как людей с сильно развитым чувством местного патриотизма и, одновременно, неспособных объединить свои усилия в интересах народа или хотя бы его господствующего класса. Каждый из них, — пишет он, — захватил по одной или две деревни и, окружив себя 10, 20 подручными, объедает деревню. Ни один из них не подчиняется другому, так как нет среди них главенствующего²⁰⁵. Совершая набеги на владения соседних феодалов, мелкие армянские правители притесняли и грабили, главным образом, крестьянское население, не взирая на его национальную или религиозную принадлежность. В письмах Ивана Карапета имеется не поддающееся уточнению сведение о том, что, до его прибытия в Карабах, сыгнахцы убили своего правителя (точнее «своего главного»), производившего «раздел страны», и что лица, убившие правителя в знак протеста против произведенного им «раздела», не захотят признавать над собой чьего-либо главенства²⁰⁶. Между тем, — пишет Иван Карапет, — простой народ вместе со всеми старшинами денно и ночью молит бога о том, чтобы царь русский оказал им милость — послал к ним начальствующего с воинами, которые водворили бы в стране порядок и учинили бы суд над нарушителями справедливости. И еще молят они о том, чтобы государь послал в Шемаху свои войска для усмирения неверных, окружающих их со всех сторон. «Это, — говорили они, — внесет у нас успокоение, мы соберем свои войска и по велению царя придем к нему на службу»²⁰⁷.

Армяне Карабаха не дождались ни царских войск, ни начальствующего лица, который учинил бы у них суд над «нарушителями порядка». Однако посланцу царя, элчи Ивану Карапету, пришлось выступить в роли своего рода посредника между раздираемыми разногласиями военачальниками и меликами карабахских армян. Пустив в ход не только обещания и угрозы, но и реальные возможности части сыгнахцев, ориентировавшихся на помощь России, Иван Карапет пытался оплотить карабахских меликов и юзбашей вокруг российского знамени. Задача эта

²⁰⁵) См. док. №№ 204, 205, 206, 207, 208, 210 и другие.

²⁰⁶) См. док. № 219 и 278. О каком «разделе страны» шел спор? О размежевании земельных участков сельских общин, о разногласиях ли между частными землевладельцами или же о пограничных спорах меликств, — трудно выяснить.

²⁰⁷) Док. № 219.

была весьма сложной, ибо отсутствие материальной опоры, обещанной царем военной помощи, лишало его переговоры и распоряжения должного веса.

Описанный в донесениях посланца Петра феодальный партикуляризм полностью соответствовал общественному и экономическому укладу страны. В условиях преобладающего на Карабахском нагорье натурального хозяйства мобилизованные в отряды местных меликов не получали нормированного жалования. Имеются сведения о том, что единственным средством содержания воинов являлась военная добыча, которая, за вычетом доли мелика и старшины, распределялась между членами отрядов²⁰⁸. В своих письмах Иван Карапет описывает Карабахское нагорье как страну с крайне низким жизненным уровнем. «В этой стране большой недостаток в хлебе и пище, так как их посевы небольшие. С четырех сторон окружены врагами, кизилбашцами и суннитами. и потому армяне не имеют возможности заниматься земледелием»²⁰⁹.

Неумная алчность феодальных предводителей и нищенское существование их воинов были причиной постоянных столкновений и острых междоусобиц между отдельными магалами и правителями страны. Такие взаимоотношения существовали, по-видимому, не только в Карабахе, но и во всем Закавказье. Впрочем, грабеж населения являлся одним из средств содержания войск и в условиях персидской оккупации; особенно в период разложения государства Сефевидов. То было время, когда сам Вахтанг получал «десятину» от добычи своих войск²¹⁰.

Необходимо, однако, оговорить, что одолевавшие мелких армянских феодалов Карабаха разногласия не были лишь результатом общественно-экономического состояния страны. Развал персидского государства, систематические набеги лезгин, вступление в пределы Грузии турецкой армии и непосредственная угроза турецкой агрессии создавали в Закавказье крайне неустойчивое политическое положение. Народные массы армян и грузин, а также большая или, во всяком случае, значительная часть господствующей верхушки искали выхода из создавшегося положения в военном вмешательстве России и установлении в стране ее протектората. Однако так как российское правительство не опешило с присылкой войск, иные, лишенные собственных средств защиты юзбашши или мелики из армян, особенно те, владениям которых угрожала непосредственная опасность захвата, порою, приспособившая свое поведение к реальному соотношению сил, искали пути капитуляции перед турецкой армией.

По словам Ивана Карапета, по его прибытии в Карабах, из пяти военачальников армянских сыгнахов трое заняли в отношении России:

²⁰⁸) См. Е. Лалаянц. Гянджинский уезд, стр. 252—253 (на арм. яз.).

²⁰⁹) Док. № 207, ср. док. № 210.

²¹⁰) См. Есаи, стр. 52.

дружественную позицию, двое — враждебную, причем один из последних ориентировался на Турцию, другой на Персию. За капитуляцию перед турками, писал Иван Карапет, были также католикос Нерсес, избравший для своего местопребывания Чарабертский монастырь Трех Младенцев, брат католикоса Саркис-юзбаши и двое лиц по имени Есаи, оба военачальника — один в Партаве (Барде), другой — в Чараберте; Чарабертский военачальник даже грозился, что убьет Ивана Карапета, если тот не удалится из Карабаха. Свое несогласие с военачальниками русской ориентации — Аваном и Тарханом — вышеупомянутые лица, между прочим, выражали и тем, что при каждом удобном случае совершали набеги на их деревни²¹¹. Набеги на деревни сторонников «ширванцев» совершал также сторонник шаха мелик Багир из деревни Аветараноц. По словам Ивана Карапета, под благовидным предлогом пригласив к себе в гости несколько десятков человек из своих противников, он вероломно изрубил их и головы их послал шаху²¹². Эта версия другими свидетельствами не подтверждается. Из публикуемых документов видно, что вскоре мелик Багир включился в общий фронт антитурецкого движения и стал стойким участником освободительной борьбы сыгнахцев²¹³.

Только с известными оговорками следует принимать также сообщение Ивана Карапета о протурецкой ориентации католикоса Нерсеса и чарабертских юзбашей. Вплоть до возникновения угрозы захвата их владений османскими оккупантами никто из них добровольно не ратовал за признание турок.

Вообще среди армянских феодалов Карабаха в это время не было сколько-нибудь значительной или прочной ориентации на Персию или Турцию. Характерно, что в феврале 1724 года, когда в Кахетии хозяйничали лезгины, а в Картли турки, лишенный трона царь Константин, не порывая своих связей с Персией, примирился с Вахтангом, который связывал свои надежды на восстановление утерянной власти лишь с Россией. В письме к Петру Константин просил обнадежить сыгнахских армян своей поддержкой, «чтобы их (т. е. сыгнахские) войска пришли бы к нам, чтобы до вашего прибытия мы могли бы противустать врагам и охранять то, что еще осталось от Грузии. Гянджа и Карабах, которые в моих руках, — писал Константин, — кроме них и другие персидские провинции, желают вашего прибытия и хотят служить Вам»²¹⁴.

Еще до прибытия Ивана Карапета в Карабах католикос Нерсес, его брат юзбаши Саркис из Чараберта и Есаи из Партава совместно с прочими военачальниками Карабаха неоднократно обращались к царю

211) См. док. № 205 и 206.

212) См. док. № 205.

213) См. док. № 207, 239.

214) «Переписка на иностр. языках грузинских царей», стр. 168 и док. № 244.

Петру с просьбой о помощи²¹⁵. Упомянутая нами мемория, переданная Ивану Карапету перед отъездом его в Карабах, была ответом на просьбу патриарха Нерсеса и юзбашей Есаи и Саркиса из провинций Партава (Барда) и Чараберта о принятии их в «протекцию свою» в целях их освобождения из-под ига «неверных соседних народов». Выше мы видели, что армянские военачальники этих районов явились инициаторами укрепления своих сыгнахов и превращения их в опорные пункты защиты от лезгинских и персидских феодалов. Лишь задержка помощи из России и усиление нажима со стороны турок заставили военачальников Чараберта Саркиса и Абраама в 1723 году, во время осады Гянджи, вступить в переговоры с командующим турецкой армией Ибрагим-пашой, сулившим им всякие вольности. Армянские военачальники надеялись, что это поможет отвести угрозу турок — в случае продолжения сопротивления разорить их земли и заполонить их семьи²¹⁶.

Боясь решительным сопротивлением накликать беду на себя, эти руководители сыгнахов равнинного Карабаха временно отошли от освободительного движения.

По всей вероятности, к этому именно периоду относится недатированное письмо к мелик-Тамразу от обоих Есаи, ради предотвращения разгрома своих владений, зондировавших почву для мира с лезгинами и турками²¹⁷.

Заслуживает особого внимания фигура вышеупомянутого юзбаша Есаи из Партава²¹⁸, политического балансера, внимательно следившего за изменениями в соотношении сил и соответственно менявшего свою позицию. Есаи был одним из первых организаторов обороны армян прикуринского магала от набегов лезгин и действовавших вместе с ними некоторых азербайджанских феодалов, но позднее, когда угроза вторжения турок в Закавказье заметно усилилась, он круто изменил свое поведение. В новой обстановке он пытается обезопасить свои владения, связавшись с агентом турок Хаджи Даудом; опираясь на воинствующее азербайджанское племя караборков, совершает разбойничьи набеги на нагорные сыгнахи Карабаха, видимо, с целью склонить их на сторону турок²¹⁹.

В нашем сборнике публикуется письмо Есаи от 1 марта 1724 года, адресованное его единомышленникам. Автор письма прибыл в Тбилиси

²¹⁵) См. док. № 176.

²¹⁶) См. док. № 219.

²¹⁷) См. док. № 189 и А. Абрамян, стр. 218. Проф. А. Абрамян датирует это письмо 1724 годом. Мы считаем, что этот документ следует отнести к лету 1723 года. Судя по его содержанию, письмо мелик-Тамразу написано после вторжения турок в Тбилиси (июнь 1723 г.) и до поражения Ибрагима-паши под Гянджой.

²¹⁸) Есаи называет себя «Եսայէ որ եմ ի Երկրէն Պարտաւոյ ի գեոզէն որ և Կոնստանդնուպոլսոյն համախառնութիւնս Աղուանից».

(«Я Есаи из провинции Барды, села Гюлистана обширной страны Агванк»). Док. № 177.

²¹⁹) Ср. «Письмо двух Есаев лета 1723 г.» (док. № 189) и док. № 278.

для сбора сведений о положении дел в Закавказье. Здесь до него доходили слухи о предполагаемом разделе персидского наследия между Россией и Турцией. Этого было достаточно, чтобы он сделал для себя и для своих единомышленников ряд практических выводов. Есаи считал, что не следует поддаваться уговорам Кахетинского царя, в эту пору связывавшего свою судьбу с Россией. Есаи советовал своим друзьям проявлять сугубую «осмотрительность», дабы не поставить народ армянский под удар²²⁰.

Однако все это не помешало Есаи, как одному из видных «тавадов» Константина²²¹, в числе прочих грузинских «тавадов» принять участие в акте примирения царевича Бакара (Шахнаваза) с Константином и вместе с ними повести борьбу против турецкого плана захвата закавказских земель²²². Более того, по возвращении из Тифлиса, он вместе со своими единомышленниками установил связь с Иваном Карапетом и предложил ему свои услуги для участия в общей борьбе сыгнахцев против турецкого нашествия²²³. Принимая одно время активное участие в налаживании общего фронта борьбы с турками, юзбаша Есаи, в условиях усиливавшейся турецкой агрессии в равнинном Карабахе во второй половине 1724 года, т. е. после заключения Константинопольского трактата, вновь отошел от сыгнахцев²²⁴. С конца этого года в наших документах мы не встречаем больше характерной фигуры вояки и дипломата Есаи из Барды. Надо полагать, что, капитулировав перед турками, он в дальнейшем в обороне сыгнахцев не участвовал.

Группировка сыгнахцев во главе с католикосом Нерсесом и Чарабертскими и Гюлистанскими военачальниками выражала по преимуществу интересы наиболее уязвимых в военном отношении магалов равнинного Карабаха. Группировка же военачальников-ширванцев юзбаша Авана, Тархана и Мирзы во главе с католикосом Есаи, в основном, представляла интересы нагорной части Карабаха, сравнительно лучше защищенной от внешних врагов и потому более устойчивой в борьбе за освобождение страны. Это главное противоречие усложнялось столкновениями между интересами «пришлых и местных» руководителей освободительной борьбы и трениями между духовными властями борющихся сторон — католикосатами Гандзасара и Трех Младенцев. Характерно, например, что католикос Нерсес называл себя «духовным владыкой Карабаха и Ширвана», как бы претендуя на власть, по традиции принадлежавшую гандзасарскому католикосу.

Вследствие всех этих обстоятельств в Карабахе временами действовали два враждебных в отношении друг друга военно-политических центра освободительной борьбы. Не было единомыслия не только меж-

²²⁰) См. док. № 217.

²²¹) См. А. Абрамян, стр. 64.

²²²) Там же, стр. 66 и след.

²²³) См. док. № 219.

²²⁴) См. док. № 278.

ду этими центрами, но порою и внутри каждого из них. Например, не случайно, в ожидании царского указа о военной помощи армянам, четверо юзбашей Малого сыгнаха в своем письме к Петру просили царя «прислать к нам четверым указы порознь, с печатми, чтоб лутчее нам верили здешние народы»²²⁵. В одном из своих писем католикос Еган прямо заявляет, что не в состоянии примирить враждующие стороны, так как они не считаются с его указаниями²²⁶. Порою дело доходило до того, что даже вмешательство российского посланца — Ивана Карапета — оказывалось не столь внушительным, чтобы уладить разногласия руководящих группировок сыгнахцев, в связи с чем в одном из своих обращений в Петербург Иван Карапет настаивал на своем отозвании²²⁷.

И тем не менее следует отметить, что Ивану Карапету в основном удалось сплотить разрозненные боевые силы армянских старшин, военачальников и меликов Карабаха, политически ориентировать их на Россию и направить против угрожавшей им опасности турецкой оккупации. Прибыв в начале 1724 года в Карабах, он развернул огромную работу по приему от различных групп сыгнахцев письменных обращений в Россию с просьбой оказать им покровительство и военную помощь. В ряде обращений представители армянского духовенства, мелики, военачальники и старшины признавали себя «подданными царя» и просили, чтобы российские войска оккупировали их земли. Имеющиеся в наших материалах такого рода обращения свидетельствуют о больших успехах Ивана Карапета. Политическое сплочение светских руководителей сыгнахцев способствовало, в свою очередь, ослаблению трений между духовными руководителями армян Карабаха; видимо, угрожавшие Карабаху набеги лезгин и усиление опасности турецкой оккупации также значительно смягчили существовавшие между монастырями Гандзасара и Трех Младенцев враждебные отношения.

Не ограничивая свою деятельность рамками Карабаха, Иван Карапет взялся за установление связи с кафанцами, но, наткнувшись на противодействие Баргушатского хана, вероятно, не успел получить письменные заявления о признании кафанскими повстанцами российского протектората. В наш сборник включен лишь один документ подобного содержания, составленный несколько позднее без прямой связи с деятельностью Ивана Карапета. Мы имеем в виду послание Мхитарбека от 24 марта 1726 года.

Ивану Карапету не пришлось побывать в других районах страны, в частности, в центре современной Армении — в Ереване, куда было послано обращение к армянам, авторы которого обнадеживали их на счет прихода русских и предлагали, по примеру гянджинцев, просить

²²⁵) Док. № 178.

²²⁶) См. док. № 221.

²²⁷) См. док. № 278.

царя о покровительстве и помощи²²⁸. Признавая себя «подданными» царя и обращаясь в Россию с просьбой оккупировать их земли, армянские феодалы Карабаха добивались замены своей подневольной зависимости от Персии или зарившейся на их владения Турции добровольно признаваемой вассальной зависимостью от России.

Переплетение борьбы сыгнахцев против турецких захватчиков с движением за признание протектората России явилось одним из ярких проявлений многовековой борьбы армян за свое политическое освобождение. Заслуживает внимания сообщение Ивана Карапета о том, что армянские военачальники со всеми своими людьми желают быть вечно преданными царю «и дабы он имел над ними главную команду»²²⁹.

Вассальная клятва армянских феодалов в верности новому сюзеру напоминает аналогичное заявление Исраела Ори, представителя армянских меликов Кафана, добившегося в начале XVIII века от Петра Великого заверения в том, «что он, великий государь, по их (меликов) челобитью принять их под державу свою изволяет и всякими вольностями их обнадеживает, а паче не в применении веры их»²³⁰.

Обращаясь за помощью к царю, мелкие армянские феодалы преследовали не только свои узкоклассовые интересы, но и общие интересы своей страны и, в частности, своих подданных, видевших в покровительстве России единственное спасение от опасности быть уничтоженными или поработенными османской Турцией. Вот почему мелики зачастую выступали не только от своего имени, но и от имени всех подчиненных им лиц («табун талег») или подданных крестьян («рахат») ²³¹. Их обращения в Россию преследовали одну общую цель: с помощью России оградить себя и своих подданных от опасности турецкой оккупации, освободить народы Закавказья от турецкого порабощения.

С другой стороны, заявление карабахских меликов о признании ими или их подчиненными российского подданства, видимо, было связано с поставленной царизмом перед русской дипломатией задачей — добиться заключения мира с Турцией на основе «нейтрализации населенных армянами и грузинами территорий» Центрального Закавказья. Известно, что сама Турция, ссылаясь на адресованные к ней аналогичные обращения лезгинских руководителей, еще в 1722 году распространила свой протекторат на горцев Кавказа и при заключении Константинопольского трактата добилась признания нейтрализации значительной части опекаемой ею территории Ширвана и Дагестана.

При всех обстоятельствах следует иметь в виду, что перспектива безоговорочного присоединения владений армянских меликов к Рос-

228) См. док. № 239 и 241.

229) Док. № 242.

230) Док. № 91, пункт 4.

231) См. док. № 198 и 341.

сии не входила в план восточной политики России XVIII века. При слабом развитии своих производительных сил и путей сообщения с Закавказьем, Россия еще не располагала средствами не только экономического, но и военно-политического освоения Закавказского края. В то время она еще не была готова присоединить к своей территории этот край и взять на себя ответственность за его устойчивую оборону от Персии и Турции, за спиной которых стояли враждебно настроенные к России европейские державы. Вот почему на протяжении всего этого века царское правительство, не делая практических шагов к присоединению Закавказья, так или иначе учитывало и в значительной мере поддерживало политические стремления местных феодалов, добивавшихся с помощью России обеспечения своей независимости от Персии и Турции.

Общность интересов российского правительства и народностей Закавказья и ориентация последних на Россию были обусловлены не стремлением России аннексировать закавказские земли, а ее ближневосточной политикой и той помощью, политической и военной, которой она в этой связи обнадеживала народности Закавказья в их освободительном движении.

VII

ГЯНДЖИНСКИЙ ДОГОВОР 1724 ГОДА

В Гяндже и Карабахе наступательные действия турок встретили серьезное сопротивление. Боевые силы гянджинского населения, при поддержке армянского воинства Карабаха, в июне 1723 года в течение 18—20 дней отбили несколько попыток турок ворваться в Гянджу.

В письме священника Александра от 20 декабря 1723 года о боях под Гянджой говорится: турки пришли с 60-тысячной армией, снабженной пушками и бомбами, захватили половину города, ограбили армянское население и многих взяли в полон. Уцелевшие армяне искали защиты в армянском сыгнахе. Это сообщение священника Александра, видимо, основано на слухах о первоначальных неудачах гянджинцев. В конце своего письма, автор, ссылаясь на только что полученные сведения, пишет, что турки потерпели поражение и потеряли убитыми 2000 человек²²².

По сообщению видного армянского деятеля той эпохи Ильи Мушегяна, согласно полученному им в декабре 1723 года от некоего Мирзы Али Наги письму, между османцами и жителями Гянджи семь раз происходили бои и всякий раз османцы оказывались разбитыми. Здесь

²²²) См. док. № 195.

же автор письма сообщает, что под Гянджой турки потеряли 5000 человек²³³.

В марте 1724 г. в одном из своих обращений к царю Петру, упомянув об обороне города в 1723 г., гянджинцы писали: турки прислали «70 000 войска с пашами, с артиллериею и с пушками и с бомбами для взятия города Генджи, и мы имели с ними жестокой бой 18 дней и многих из них побили великих пашей... и... оное войско весьма разбили»²³⁴.

Решающую роль в поражении турок под Гянджой сыграл Кахетинский хан, он же бекларбек Гянджи, Махмет-Кули-хан.

В своих обращениях к Петру гянджинцы и карабахцы докладывали с том, что под руководством своего бекларбека — речь идет о Махмет-Кули-хане — гянджинцы «тысяч десять или 12 побили досмерти, а достальные из оного места ушли уходом, которые для отмщения хотят паки на нас собранием притти»²³⁵. В донесении князя Русепа, посланца Махмет-кули-хана, к Петру читаем: «На Генжу турецкой сераскер с войском приехал и хотел завоевать Генжу, где жители были с 40 000, х которым генжинцам хан Махмет Кулы ездил с войском на секурс и соединясь з генжинцами, бились с турками 7 суток денно и ночью на котором бою побили турок 7000 человек и победили, после которого бою сераскер турецкой принужден был побежать»²³⁶.

Нет сомнений в том, что наряду с азербайджанцами и грузинами, достойный вклад в победу над турками и в оборону города внесли и армянские бойцы. К армянам, составлявшим значительную часть населения Гянджи, во время обороны присоединилась боеспособная молодежь окрестных деревень. Недаром турки с особой жестокостью грабили, уничтожали и угоняли в плен армянское население окрестностей Гянджи. По всей вероятности в обороне Гянджи принимали участие также армянские военачальники и добровольцы из ближайших армянских сыгнахов.

Когда лезгинский отряд во главе с хаджи Дауд-беком хотел перейти Куру, чтобы напасть на Гянджу, писал в августе 1723 г. поп Антон, «армянское войско до Ганджи оного Дауд бека не допустило и ныне стоит (он) на Куре с войском своим з двумя тысячи человек». Вот почему, еще в 1723 году, обращаясь к бакинскому военачальнику с просьбой об оказании помощи в обороне Гянджи, гянджинцы писали «просим, чтоб его величество изволили, счисляя нас яко подданных своих, прислать к нам на оборону провинции Генджинской и нас, нижайших против оных неприятелей российских войск в скорости, которые бы

233) См. статьи П. Т. Арутюняна в «Ученых записках Института востоковедения», III, стр. 117.

234) Док. № 237.

235) Док. № 245. Ср. док. № 244.

236) Док. № 246, пункт 5.

соединясь с нашими сакнакскими войски могли против оных неприятелей действовать»²³⁷.

Потерпев поражение, турки вынуждены были вернуться в Тбилиси. Безуспешная попытка овладеть Гянджой лишила их возможности соединиться с лезгинами, совместно с которыми они рассчитывали двинуться в сторону Еревана.

Впоследствии высшее турецкое командование сместило с должности командовавшего под Гянджой сераскера, обвинив его в том, что он потерял много дорогого времени на бесполезные переговоры с армянскими и азербайджанскими командирами ²³⁸. Позднее, намекая на эти переговоры, посланцы карабахских меликов писали: «Армяня весьма не хотят более быть под игом бесурманским, хотя их как шах Тахмасиб, так и турецкой Ибрагим паша из Генжи, когда оный там был, чрез письма свои призывали каждой в свою сторону, обнадеживая всякою вольностью, но они на то не склонились, ведая их непостоянство, и желают быть для веры своей под протекциею христианского государя»²³⁹. О подобных происках неприятелей доносил и Минас-вардапет. «Осведомился я чрез письма,— писал он в 1724 году царю,— что в наших странах языческие неприятели разными страхом и подарком и мирообещанием хотят и мыслят обманом собранных наших армянов (т. е. сыгнахцев.— А. И.), которые обадеаясь на в.и.в.в. разделить обманом, как обманули милитинцов»²⁴⁰.

Победа под Гянджой, достигнутая благодаря отваге и стойкости боевых сил Закавказья, внесла коренной перелом в развитие освободительного движения армян Карабаха и Кафана.

До Гянджинской победы значительная часть усилий армян названных областей шла на борьбу с персидским господством и с проперсидски настроенными местными феодальными кругами. Теперь же, при наличии положительных результатов совместной обороны Гянджи и перед лицом опасности неизбежного повторения еще более мощной турецкой агрессии, возникла необходимость в объединении всех свободолюбивых сил края, в их числе и представителей шахской власти и феодалов, поддерживавших в Закавказье персидское господство, для борьбы с султанской Турцией.

Наиболее четко такого перелома в руководстве и организации политических и боевых сил края добивался посланец Петра Великого — Иван Карапет. Более или менее сплотив вокруг себя разрозненные отряды карабахских армян, он завел в это время деловую переписку для установления живой связи и военно-политического сотрудничества между феодальными руководителями армянского, азербай-

237) См. док. № 190.

238) См. Lockhart, стр. 258.

239) Док. № 291, пункт 4.

240) Док. № 283, пункт 1.

джанского и грузинского народов. Через всю его дошедшую до нас переписку красной нитью тянется тенденция проводившейся им в Закавказье петровской тактики: создать единый антитурецкий фронт местных народов в союзе со всеми персидскими и проперсидскими элементами.

Нами уже указано, что еще в начале XVIII века идеологи освободительной борьбы освобождение народов Закавказья связывали с перспективой политического и боевого содружества господствующих классов угнетенных народностей — армян, грузин и азербайджанцев. В 20-х годах XVIII века этой идеей руководствовался и посланец Петра Великого — Иван Карапет, налаживая военно-политическое сотрудничество феодальных руководителей местных народов. По поручению российского правительства, озабоченного опасностью турецкой оккупации, он создавал единый фронт борьбы местных феодалов, в том числе и всех персидских и проперсидских элементов. Всею своей деятельностью Иван Карапет добивался ослабления трений между руководящими группами сыгнахцев армян и объединения их для обороны страны. В дальнейшем он добивался также устранения столь же серьезных трений между сыгнахцами и их ближайшими соседями — феодальными кругами азербайджанцев Карабаха и, в первую очередь, его столичного города — Гянджи.

До нас дошло написанное на армянском языке обращение Ивана Карапета к «мусульманам» Гянджи и Карабаха с призывом прийти к мирному соглашению с «христианами» Карабаха. Царь Петр, сказано в этом обращении, благоволил к мусульманам и весьма благосклонен к «нации шаха» (т. е. к персам.— А. И.), и он, Иван Карапет, послан с рекомендациями от царя умиротворить враждующих между собою армян и гянджинцев. Из другого обращения Ивана Карапета мы узнаем, что в интересах обеспечения обороны Закавказья от наступавшей 60—70-тысячной турецкой армии сыгнахцы уполномочили его заявить об их готовности «быть под ведением гянджинским» и прекратить имевшиеся до того ссоры и разногласия²⁴¹.

В сборнике имеются материалы, свидетельствующие о контакте, установленном с помощью Ивана Карапета между гянджинским бекларбеком Махмед-Кули-ханом и подчиненными последнему гянджинскими феодалами, вассалами шаха, которые, также как и их бекларбек, ориентировались на Персию. Действуя в качестве инициатора переговоров между армянами и азербайджанцами, 6 апреля 1724 года Иван Карапет добился составления «мусульманами» (т. е. азербайджанскими

²⁴¹) Док. № 235. До заключения согласия с гянджинцами, сыгнахцы неоднократно жаловались на то, что гянджинцы стремились подчинить своему командованию боевые силы армян Карабаха («սոցորդին ուզում է մեր խրիտոն մեր ձեռնէն խլի»), док. № 220.

и персидскими феодалами) Гянджи обращения к русскому царю с просьбой о покровительстве и помощи. Одновременно, благодаря его старанию, между «мусульманскими» руководителями Гянджи и подчиненными им армянскими руководителями Карабаха был заключен договор, послуживший базой для их сотрудничества в борьбе против турок.

В этом документе, выявленном нами в свое время в московском архиве и впервые опубликованном в научной транскрипции и в армянском переводе в 1927 году покойным академиком Р. Ачаряном²⁴², выдающийся представитель христианства—эльчибек Иван Карапет—предстает перед нами как лицо, посланное царским правительством («высоким двором») к сыгнахцам для устранения распрей и вражды, существующими между населением и землевладельцами («арбабами») города Гянджи и населением сыгнахов. Стороны, подписавшие договор, устанавливают, что в будущем, если сыгнахцы станут на путь «восстания, смуты и своеволия» и прибегнут к враждебным действиям против земледельцев города Гянджи и прочих мусульман-шиитов, то будут признаны виновными, заслуживающими наказания, вплоть до присуждения их к смертной казни с конфискацией всего принадлежащего им имущества. Далее, стороны устанавливают, что в случае, если «бунтовщики лезгинь» или турки нападут на Гянджу и сыгнахцы не поспешат на помощь населению города, то высшей властью государства они также подвергнутся этой суровой каре.

Перечисленные в договоре начальствующие лица Гянджи, землевладельцы, вооруженная мусульманская молодежь («научикан») и прочие группы граждан в свою очередь дают обещание в том, что, если впредь кто-либо из каджаров и горожан окажется виновным в грабительском нападении и распре или если сыгнахцы и прочие группировки («тайфа») карабахских христиан подвергнутся нападению турок или лезгин и каджары (т. е. господствующее в Гяндже племя каджаров), а также горожане не придут им на помощь, то они, т. е. мусульмане, будут признаны виновными в предательстве, проступке, недостойном последователей ислама и подлежащем тяжкому наказанию²⁴³.

Гянджинский договор от 6 апреля 1724 года — характерный для занимающей нас эпохи документ. Права и обязанности народностей Закавказья в договоре представлены в соответствии с нормами феодального понимания взаимоотношений между вышестоящими и нижестоящими, господствующими и подчиненными народностями и классами страны.

В нем полностью отсутствует представление о политическом или социальном равенстве договаривающихся сторон, являющихся предста-

²⁴² См. «Документы об армяно-персидских отношениях», подготовленные к изданию проф. Р. Ачаряном. Ереван, 1927, стеклографическое издание Ерев. госунта (на арм. яз.).

²⁴³ См. док. № 240.

вителями двух национальностей. Охраняя права и привилегии господствующих прослоек мусульман, договор осуждает зависящих от них вассалов из армян, обвиняя их в грабежах и убийствах. Нет сомнения, что по существу гянджинский договор был заключен между населением и «арбабами» (землевладельцами) Гянджи, с одной стороны, и руководителями сыгнахов Карабаха, с другой, в целях подчинения сыгнахцев гянджинским землевладельцам и установления между ними «мира и согласия». При всем своем прогрессивном внешнеполитическом значении этот договор вместе с тем носил на себе отпечаток господствующих феодальных отношений эпохи; он представляет собой яркий образчик феодального понимания дружбы народов; в договоре речь шла о «дружбе» и «сотрудничестве» между феодалами и их подданными, между народом господствующим и народом подчиненным.

По мнению некоторых исследователей, добиваясь покровительства и помощи русского царя, гянджинские феодалы якобы тем самым заявляли о своем неповиновении Сефевидам, иначе говоря, проявляли стремление к свержению персидского ига²⁴⁴.

Однако обстоятельства, связанные с составлением гянджинского договора, как и все его содержание, решительно опровергают подобное умозаключение.

В своем обращении к Петру от 24 марта 1724 года гянджинские феодалы ясно указывают: «Написали и послали [мы это] прошение в присутствие приближенных порога престола поддишаха (речь идет о шахе Тахмаспе II.— А. И.), защитника христиан, совместно с Махди бекон Каджаром и людьми высокопоставленных, высокоотмеченных начальников вали Картли и Шахнаваз хана». Шахнаваз хан — грузинский царевич Бакар, сын Вахтанга, а «вали Картли» — кахетинский царь Константин, он же Махмед-Кули хан, занимавший одновременно должность бекларбека Гянджи и Карабаха. Участие в гянджинских переговорах представителей этих правителей Закавказья дает, таким образом, основание рассматривать гянджинский договор как соглашение, заключенное армянскими феодалами Карабаха с азербайджанскими феодалами Гянджи, при посредничестве главы грузинских феодалов Закавказья Махмет-Кули-хана. Заметим кстати, что весной 1724 года туркам было оказано сопротивление и под крепостью Лори, подчинявшейся тогда Махмет-Кули-хану. Турки трижды атаковали эту крепость, однако грузинский гарнизон и армянское население Лори отбили все их атаки²⁴⁵. Гянджинский договор закреплял политическое и боевое объединение народов Закавказья, направленное против их злейших врагов — турецких поработителей. Недаром же об этом договоре представитель Махмет-Кули-хана в России князь Русеп писал царю Петру:

²⁴⁴) Ср. А. Абрамян, стр. 190 и П. Т. Арутюнян, «Борьба армян и пр.» («Учен. зап. Института востоковедения», III, стр. 123).

²⁴⁵) См. док. № 246, пункт 11.

«Генжинские жители с армянами имели великие кровопроливательные ссоры, которых он же, хан (речь идет о Махмед-Кули-хане.— А. И.), помирил и договор между ими положил, чтоб они междуусобные брани укрátilи и будучи в союзе против неприятеля крепко стóяли»²⁴⁶.

При сложившихся в Закавказье в начале 20-х годов XVIII в. условиях успешная борьба против турецких агрессоров могла вестись лишь при наличии политической поддержки и помощи российского правительства. Вот почему бекларбек Гянджи Махмед-Кули-хан и знатные жители этого города обратились к Ивану Карапету с просьбой добиться присылки в Гянджу «росийских войск хотя тысячу или две, токмо б имя их было и сидели б в Генже, понеже опасны от турков и ежели б де россияне в Генже засели б, то б персияне с согласия с армянами и с милитинцами (т. е. грузинами.— А. И.) могли против турков крепко стоять и их побеждать»²⁴⁷.

Под персиянами здесь, прежде всего, подразумевалось азербайджанское население Гянджи. Однако не может быть сомнения в том, что ни бекларбек Гянджи, Махмед-Кули-хан, открыто придерживавшийся персидской ориентации, ни Иван Карапет, стремившийся положить конец враждебным действиям Закавказья против Персии, о каком-либо противопоставлении азербайджанцев персидскому шаху и не домышляли. Речь шла о переключении всех сил Закавказья, в том числе и элементов, ориентировавшихся на Персию, на общую борьбу с нависшей над страной угрозой турецкой агрессии.

Вряд ли, в самом деле, можно допустить, что гянджинские феодалы могли быть в заговоре против персидского господства в Закавказье с участием самого официального представителя шаха. Из всего содержания подписанных гянджинцами документов видно, что гянджинские феодалы являлись верными вассалами властителя Персии. В обращении к царю от 19 мая 1724 года они со всей отчетливостью заявляли: «Меж царем и шахом зело крепкая и постоянная дружба и приятство и союз находится и мы, нижайшие рабы, желаем дабы оная всегда непоколебимо пребывала». Армянские вассалы, согласно подписанному ими договору, должны были беспрекословно повиноваться не только гянджинским феодалам, но и сюзерену последних — персидскому шаху, против которого в 1722—1723 годах армянские магалы Карабаха подняли повстанческое движение. Текст договора не оставляет сомнения в том, что оставшиеся верными династии Сефевидов мусульманские феодалы Гянджи рассматривали освободительную борьбу армян против Персии как сопротивление крупным землевладельцам («арбабам») Гянджи и как «путь восстания, смуты и своеволия», ведущий к подрыву существующего правопорядка. Призывая армянских вассалов Карабаха и их под-

²⁴⁶) Там же, пункт 9.

²⁴⁷) Док. № 231, ср. с док. № 230.

чиненных к покорности, они, в полном соответствии с общеполитической линией Петра, добивались усмирения всех «бунтовщиков», вступивших в борьбу с верховной властью Сефевидов в Персии. Однако не ради поддержания верховной власти Сефевидов обращались они к царю за помощью, а лишь для укрепления своего классового господства в Закавказье, в частности для сохранения своих феодальных прав и привилегий в Карабахе.

Успеху проводившихся в Гяндже переговоров способствовало враждебное отношение турецких агрессоров к народностям Закавказья — грузинам, армянам и азербайджанцам. Достаточно указать на тот факт, что, объявив этим народностям священную войну, в 1723 г. турки издали формулу муфтия, в которой предписывалось уничтожать мужское население еретиков-шиитов, уводить в плен и порабощать женщин и детей как «еретиков» — шиитов, так и «неверующих» — христиан с присвоением их имущества. Там же далее говорилось, что сожительство с шиитками разрешается лишь при условии их обращения в суннитскую ортодоксию, а сожительство с женщинами-христианками — и без предварительного обращения их в ислам²⁴⁸.

В «священной войне», объявленной турками и лезгинами «шиитам» и «кизилбашам» Персии и Азербайджана, «мусульманских» феодалов Закавказья и Персии, кроме связей социальных и политических, объединяла также тесная общность интересов религиозных и бытовых. Поскольку, однако, объявленная турецко-лезгинскими суннитами «священная война» была направлена также и против христиан Закавказья, то гянджинский договор закладывал основы антитурецкого военно-политического союза между мусульманами-шиитами (азербайджанцами и персами) Гянджи и армянами-христианами Карабаха.

Помимо интересов политических и экономических, ориентированных народы Закавказья на Россию, разжигаемое Турцией религиозное изуверство суннизма также способствовало тому, что не только христианское население Закавказья, но и исповедовавшие шиизм азербайджанцы и персы, ища спасения, уповали лишь на помощь российского правительства.

Большой интерес представляет письмо к Петру, написанное 29 мая 1724 года от имени жителей, духовенства и юзбашей Гянджи. В нем извещается о бесчинствах турецких войск в Закавказье, в частности о «пресечении христианской веры и о разорении ими церкви св. Троицы (речь идет, очевидно, о «уч-килисинском», т. е. Эчмиадзинском монастыре.— А. И.) Ереванской провинции, о порабощении христиан в Грузии и о превращении их церквей в конюшни, о препятствиях, учиненных в отместку за совместное выступление против турок гянджинским мусульманам и христианам в их паломничестве в Мекку и Иеру-

²⁴⁸) См. Hammer, III, 397, Lockhart, стр. 252.

салим. В конце письма гянджинцы просят у царя, как у верного союзника шаха, военного вспомоществования для оказания сопротивления турецким насильникам²⁴⁹. В грамоте царя Константина (т. е. Махмет-Кули-хана) к представителю России в Грузии, написанной в том же 1724 году, читаем: «Ганжа и Карабаг, которые в моих руках, кроме них и персидские провинции (Закавказья.— А. И.) желают Вашего пребывания (т. е. прибытия в Гянджу.— А. И.) и хотят служить Вам»²⁵⁰.

После заключения договора обе стороны — мусульмане-гянджинцы и армяне-карабахцы отправили к шаху Тахмаспу II делегацию из 200 человек. В своем обращении к графу Толстому от 23 июня 1724 года Иван Карапет, докладывая об этом, писал, что «учиненном поиске над турками пристают к стороне персидской и послали к шаху двести голов и идут с персиянами на время помиритца пока дождутся помощи российской»²⁵¹. В ответ на присылку делегации шах отдал армянских военачальников халатами и установил с ними мир²⁵². Вслед за этим сыгнахцы примирились с неким Калбали-беком, пригласив его к себе. Речь идет об одном из персидских правителей Карабаха, названном в «Истории» католикоса Есаи «великим пароном Чараберта»²⁵³ и явившемся, по-видимому, среди азербайджанских феодалов Карабаха одним из наиболее активных сторонников персидской ориентации.

В свете событий, связанных с заключением гянджинского договора, становится очевидным, что Ивана Карапета и Авана-юзбаши летом 1724 г. занимала не только задача оказания военной помощи притесненным ханскими войсками кафанцам; помимо этого, они ставили себе целью установить в Кафане мир между армянами и азербайджанцами и поднять их на борьбу с турками. В дальнейшем и в Кафане все силы освободительного движения армян направлялись против турецких агрессоров. Это обстоятельство и побудило шаха послать вождю кафанских повстанцев Давид-беку подарки и назначить его правителем Кафана. В «Истории Давид-бека» это событие, происходившее при жизни Давид-бека, должно быть, в 1725 или не позднее чем в первой четверти 1726 года, ошибочно датировано 1727 годом²⁵⁴.

Несмотря на поворот, наметившийся в армяно-персидских взаимоотношениях в середине двадцатых годов, вопрос об освобождении армян от персидской зависимости не снимался и после гянджинского договора. Этот вопрос лишь потерял на время свою остроту, в связи с возникшей тогда необходимостью направить усилия всех угнетенных народ-

249) См. док. № 190 и 245.

250) «Переписка на иностр. языках груз. царей», стр. 168.

251) Док. № 253.

252) См. док. № 310 и 312.

253) Есаи, стр. 48.

254) См. «История Давид-бека», стр. 58—59. Ср. также П. Т. Арутюнян, Освободительное движение, стр. 269.

ностей Закавказья на борьбу с турецкой агрессией. Недаром Иван Карапет докладывал П. А. Толстому, что посланные к шаху делегаты «идут с персиянами на время помирится». Недаром также и в другом документе контакт с персами расценивается как временный мир, удалившемуся в Россию Вахтангу сыгнахцы пишут, что мир этот может быть нарушен, если обстоятельства потребуют этого²⁵⁵.

VIII

ВООРУЖЕННОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ АРМЯН И АЗЕРБАЙДЖАНЦЕВ ПРОТИВ ТУРЕЦКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

12 июня 1724 года царское правительство заключило в Константинополе договор с Турцией, в силу которого бывшее Каспийское побережье Персии — от Дербента до Мазандарана — было оставлено России с признанием прав Турции на персидские владения Закавказья, включая такие города, как Тбилиси, Ереван, Гянджа и Нахичеван, и такие провинции, как Карабах и Кафан, — а также персидские земли, расположенные севернее линии Ардебиль — Тавриз и западнее линии Тавриз — Керманшах. Ссылаясь на заключенный с Россией договор, турецкое командование обращалось к населению этих территорий с предложением сложить оружие и признать власть султана. Однако население этих территорий продолжало оказывать туркам упорное сопротивление. Борьба с новыми «законными» хозяевами страны приобрела характер вооруженного восстания. Лишь в августе 1724 года туркам удалось занять Нахичеван и Ордубад, вторгнуться в провинции Кохтан и Чорс и захватить город Хамадан. Предприняв безуспешную осаду Тавриза, они одновременно развернули военные действия за обладание Ереванской крепостью²⁵⁶.

Турецкие захватчики, стремившиеся сломить сопротивление народностей Закавказья, создавших препятствия на их путях к берегам Каспийского моря, отлично понимали значение Ереванской крепости.

Обращает на себя внимание разоблачающее намерения турок показание турецкого генерала Салех-паши, взятого армянами весной 1725 года в плен. «Султан приказал уничтожить в этих странах (речь шла о Закавказье.— А. И.) армян и персиан (читай шиитов Закавказья.— А. И.); так как войска русского царя заняли этот берег (Каспийского) моря, нам следует наступить на них. Следует изъять армян, врезывающих клином между нами; нам следует убрать встречающиеся на нашем пути препятствия и тем открыть нам дорогу. Не будь вас

²⁵⁵) См. док. № 312.

²⁵⁶) См. Ismail Hami Danismend, IV, 14.

(армян), мы давно бы наступили на издревле принадлежавшие нам Дербент и Баку»²⁵⁷.

Публикуемые в настоящем томе материалы свидетельствуют о тяжелом положении Армении в годы, последовавшие за заключением Константинопольского договора. Армения в представлении турок, с одной стороны, была мостом, облегчающим вторжение русских в Закавказье, с другой стороны — барьером, преграждающим путь туркам. «Жаль, что слава о нас по всем землям османским и кизилбашским, — писал Петрос ди Саркис Гилянec, — будто армяне объявили себя подданными русского царя, и за все это все сосут кровь нашу»²⁵⁸. Надежды армян на помощь русского правительства не оправдались еще во время похода Петра в Персию; после подписания трактата, санкционировавшего захват кавказских земель турками, рассчитывать на прямую помощь российской армии и вовсе не приходилось.

Единым фронтом выступили армяне и азербайджанцы летом 1724 года против огромных армий турок, стремившихся захватить Ереван и Тавриз. Свое боевое содружество они скрепили обильной кровью, пролитой на подступах к этим городам.

После свержения Сефевидов персидские власти Еревана не желали подчиниться афганцам — «разорителям короны». Турецкие источники сообщают, что местные власти Еревана вместе с Эчмиадзинским католикосом и «с прочими того присутствия для уезду обывателями, которых до сорока тысяч», якобы еще в 1723 году обратились через эрзерумского пашу к Порте с просьбой восстановить господство османцев²⁵⁹. Однако это сообщение не подтверждается. Известно, наоборот, что вступление российской армии в пределы Персии, подняв среди подавляющей части закавказцев волну освободительного движения, отразилось и на настроениях населения Еревана и всей Ереванской области. Недаром в своем донесении, полученном в России 23 февраля 1724 года, Неплюев извещал: «Порта не надеетца, чтоб ириванския и прочия тамошня жители самоволно могли ей поддатца»²⁶⁰. Еще в августе 1723 года, во многом хорошо осведомленный Петрос ди Саркис Гилянec писал, что Эчмиадзинский католикос Аствацатур «был за одно с армянскими силами (имеется в виду сыгнахское воинство) и постоянно, но тайно сносился с ними посредством писем»²⁶¹. В нашем сборнике помещено адресованное сыгнахским военачальникам — Авану, Тархану, и Мирзе письмо вардапета Овасапа, местоблюстителя Эчмиадзинского католикоса, в котором он просит сообщить прибывшему в Карабах посланцу русского царя — Ивану Карапету — о стремлении всего насе-

²⁵⁷) Док. № 315.

²⁵⁸) «Дневник осады Испагана», стр. 56; ср. там же, стр. 36—53 и след.

²⁵⁹) См. док. № 262.

²⁶⁰) Док. № 272.

²⁶¹) «Дневник осады Испагана», стр. 40.

ления Ереванской области вступить под покровительство России. Упомянув о неподдающихся описанию притеснениях, которые терпит Ереванская область, Овасап характеризует настроения армянского и азербайджанского населения этой области следующими словами: «Как наше, так и их общее упование лишь на северян; взоры всех направлены в их сторону в ожидании их прихода и не уподобляют их другим». «Помыслы местных» и прежде всего «мысли и пожелания крупнейших ага», — пишет далее автор письма, — обращены в сторону северян и они ждут их скорого прибытия, «пока мы еще не стали рабами и добычей в руках врагов». Из письма Овасапа мы узнаем также, что до ереванцев уже дошли слухи о прибытии в Карабах российского «эльчи» (Ивана Карапета. — А. И.). Овасап просит подтвердить эти слухи письменным обращением упомянутого «эльчи»; если он намерен прибыть в Ереван, — добавляет автор, — хотелось бы узнать об этом заблаговременно, чтобы успеть выслать мехмандара («гостеприемщика») и подготовиться к торжественному приему²⁶².

Армянский подлинник письма Овасапа составлен в несколько туманных выражениях: автор, очевидно, опасается, что оно может попасть в руки турок. Ясно, однако, что письмо передает настроения и пожелания местных жителей независимо от их классовой и национальной принадлежности.

Раскрывая содержание этого письма, брат Ивана Карапета — Лука Ширванов отметил, что здесь речь идет о присылке воинов российских для защиты армян от турок и что они, армяне, с «персианами» в согласии²⁶³. Нет сомнения, что, говоря о «персианах», Ширванов имел в виду мусульманское население области, то есть преимущественно азербайджанцев или их руководящую верхушку. По данным источников армяне составляли четвертую часть населения города Еревана, а азербайджанцы — большинство²⁶⁴.

В отличие от положения дел в Карабахе и Кафане, в городе Ереване и в подчиненном ему ханстве между армянами и персидскими ханами и связанными с последними азербайджанскими кругами разрыва не произошло. Здесь с самого начала наметилась общая линия борьбы с турецкой угрозой.

В описываемый период эта угроза стала весьма реальной. Во главе большой армии, располагавшей сотнями переброшенных из Карса пушек, Ариф-Ахмет-паша в июне 1724 г. пробился через Гюмри и Абаран в Араратскую долину и пытался захватить Ереванскую крепость.

По свидетельству турецкого хрониста Челеби-Заде, продвигаясь в направлении Еревана, турки, желая обезопасить свой тыл, выселили жителей свыше 300 «ненадежных» деревень районов Сурмалу, Шора-

²⁶²) См. док. № 228.

²⁶³) Там же.

²⁶⁴) См. La Mame-Clafrac, II, стр. 153 и след.

гела и Абарана в глубь Турции ²⁶⁵. Десятки тысяч крестьян были порабощены. Тем не менее местные жители, невзирая на учиненный над ними лютый террор, оказывали врагу упорное сопротивление. Армянский хронист Абраам передает характерные слова, с которыми турки, притворно недоумевая, обращались к жителям армянского селения Карби: «Вы же с давних времен еще были подвластны (нам), зачем вы сейчас поднимаетесь на борьбу против нас? Зачем вам биться ради страны, где власть не принадлежит вам, и зря обрекать ваше селение на меч и пленение?»²⁶⁶.

В турецкой армии, под командованием Ариф-Ахмет-паши осадившей Ереван, насчитывалось около 30—35-тысяч человек, ереванцев же мужественно оборонявших город, было не более 5000²⁶⁷.

Турки, — сообщает Неплюев, — ежедневно посылают в город своих представителей, предлагая «чтоб им здались, на что из города ответственуют, что могли б де они туркам здатца, но знают их неправду, что турки их не отпустят, но паче пленят, и варварски поступят, того ради до последнего человека лутче честно боем умереть желают, нежели пленным быть»²⁶⁸.

Осада города длилась три месяца. Под руководством испанского инженера Кордозо турки минировали стены осажденной крепости²⁶⁹. Пробив несколько брешей, они три раза атаковали крепость, но героические защитники города каждый раз отбрасывали их. «И тако» было кровопролитие, — писал армянский хронист, — что покраснели река Зангу и земля, что прилегала к реке, и запах от потоков крови и трупов перебитых людей вокруг города заполонил собою даже отдельные местности»²⁷⁰. Ариф-Ахмет-паша наконец вынужден был предложить перемирие, чтобы похоронить погибших²⁷¹.

---

²⁶⁵) См. «Турецкие источники об Армении, армянах и других народах Закавказья», сост. А. Х. Сафрастян. Ереван, 1961, т. I, стр. 155 и след.

²⁶⁶) Абраам Ереванци. История войн (1721—1736 гг.), Ереван, 1939, стр. 17 и след.

²⁶⁷) См. La Matye-Clairac, II, стр. 152 и след., Lockhart стр. 260; сведения Неплюева, см. док. № 303. Согласно армянским данным, в помощь осажденным поступили силы крестьянской округи, в количестве около 9 тысяч человек, «полностью снабженных мечами и ружьями». Ср. Абраам Ереванци, стр. 21 и след. Это сообщение заслуживает доверия. Известно, что во время нападения врагов хан гнал крестьянское население округи в Ереванскую крепость. См. Матенадаран, рукопись № 2911, стр. 150—152 и «The life and adventures of Joseph Emin», London, 1792, стр. 297.

²⁶⁸) Док. № 303.

²⁶⁹) См. Lockhart, там же, стр. 261.

²⁷⁰) Абраам Ереванци, стр. 25. Турецкие источники дают не менее тяжелую картину этой битвы: «Le 7 juillet, les ottomans franchirent la Sengui et attaquèrent les faubourgs de la ville. Les Persans arrosèrent ces lieux de leur sang. 1200 femmes et enfants tombèrent au pouvoir des asségeants, qui rasèrent toutes les maisons jusqu'au pied des fortifications», Hammer, III, стр. 406 и след.

²⁷¹) См. La Matye-Clairac, II, стр. 156.

Предложение турок о заключении перемирия станет понятным, если принять во внимание особенности Еревана XVIII века. Заболоченность почвы и обилие фруктов в Ереване в необычайно жаркие летние месяцы превращали этот город в очаг малярии. Недаром же хан и имущие граждане лето проводили в его предгорных районах²⁷². Во время осады Еревана высокая смертность и заболеваемость, особенно в турецкой армии, вызвали среди солдат недовольство и брожение. Можно себе представить, какое впечатление производило на турецких аскеров зрелище несметных людских трупов, распространявших на всех подступах к городу зловоние миазмов.

Дождавшись подкрепления и несколько воспрянув духом, турки в сентябре месяце сделали еще одну серьезную попытку ворваться в крепость. Но и эта попытка оказалась тщетной.

В дальнейшем обстоятельства сложились в пользу турок. Запасы продовольствия и военного снаряжения осажденных исчерпывались, к туркам же прибывали свежие подкрепления. Присоединились к ним и войска, в августе того же года захватившие Нахичеван и Ордубад. Учитывая эти обстоятельства, ереванский хан вступил с турками в переговоры; в результате 28 сентября 1724 года город был сдан²⁷³.

Население Еревана относилось к врагу по-разному. После победы, одержанной над турками у местечка Карби, остатки ханских войск вместе с армянскими богачами и представителями духовенства заперлись в городской крепости и в дальнейшем почти не принимали участия в защите города. Что же касается персидского гарнизона, то ему разрешили покинуть город и при этом он был удостоен воинских почестей²⁷⁴.

Всю тяжесть сопротивления врагу вынесло трудовое население — жившие вне крепостных стен мелкие торговцы и ремесленники, а также крестьяне окрестных сел. Этот же трудовой люд, невзирая на условия капитуляции, подвергся нещадному избиению. По сведениям турецких источников, «армянские бойцы были перебиты и многие из них потоплены в реке. Османцы увели в плен их жен и детей, и уведя заполнили

²⁷²) См. *Mouveaux Mémoires des Missions de la Compagnie de Jésus dans le Levant*, Paris, 1723—1724, III, стр. 36 и след.

²⁷³) См. *Ismail Hamî Danişmend*, стр. 14—15. См. также *La Mamye-Claïrac II*, стр. 157 и след., III, стр. 406 и след. См. также *Lockhart*, там же, стр. 147 и след., 163. Армянская хроника Абраама Ереванца, написанная, по-видимому, по рассказам современников лет 15 спустя после событий, наряду с ценными деталями содержит много неточностей. Так, например, в отличие от всех турецких и европейских датировок, начало осады Еревана Абраам Ереванец переносит на апрель, а падение города на 7 июня 1724 г. Точно так же всю операцию осады он связывает с именем Абдуллах-паша, между тем как последний принял участие лишь в конце осады. Очевидно, у нашего хрониста факты, связанные с концом осады, по какому-то недоразумению отнесены к ее началу.

²⁷⁴) См. *Hammer*, III, 407.

ыми лагерь свой и злыми деяниями осквернили их». Пострадало и азербайджанское население города²⁷⁵.

По сведениям самих турок, под Ереваном они потеряли не менее 20 000 солдат, без учета умерших от болезней. Большие потери понесли и ереванцы²⁷⁶. Вдобавок им пришлось сдать туркам все свое оружие, в том числе и 79 пушек²⁷⁷.

После падения Еревана, лицом к лицу с турками, продвигавшимися к Каспийскому морю, встало население Карабаха и Кафана.

Взамен ожидаемой из России военной помощи, вернувшиеся из Петербурга делегаты сыгнахцев вручили своим военачальникам царскую грамоту, извещавшую армянский народ об особой царской милости и протекции и об отведении армянам в оккупированных русскими войсками провинциях Прикаспия удобных для поселения мест.

В письме, переданном сыгнахскими делегатами Ивану Карапету, канцлер Ф. А. Головин предлагал склонить армян переселиться в прикаспийские провинции, «ибо его императорскому величеству для обороны и защищения их, армян, в те места, где они ныне живут, войска свои послать весьма не возможно, понеже имеет с Портою Оттоманскою трактат»²⁷⁸.

План заселения армянами Каспийского побережья назревал еще задолго до подписания Константинопольского трактата. Вернувшись из Дербента в Россию, Петр направил ген. Матюшкину датированную 4 октября 1722 года инструкцию: по возможности с будущего года заселить армянскими торговцами, ремесленниками и крестьянами районы Дербента и Баку с предоставлением им прав и удобств для их жилья и хозяйства²⁷⁹. Позднее, 23 мая 1724 г., Петр дал Матюшкину новую инструкцию: «Тщиться всяким образом — чтобы армян призывать и иных христиан ежели есть, в Гилянъ и Мазендаранъ и оживать, а бурсурман зело таким образом, чтобы не узнали, сколько возможно убавливать, а именно турецкого закона» (т. е. мусульман суннитского вероисповедания.— А. И.)²⁸⁰. И наконец, после подписания Константинопольского договора в рескрипте, написанном Румянцеву, сообщив о предоставлении армянам права переселиться в Прикаспий, царь писал: «Нам, ради христианства, армянам, как христианам, отказать в том было нельзя, как и визир сам часто объявлял, что по единоверию просящим покровительство отказать невозможно... Порте еще выгоднее бу-

²⁷⁵) Там же.

²⁷⁶) Там же.

²⁷⁷) См. Lockhart, стр. 406.

²⁷⁸) Док. № 300.

²⁷⁹) См. В. Комаров. Персидская война 1722—1725 гг. (См. «Русский вестник», 1867, т. 68, стр. 596 и след.).

²⁸⁰) Там же, стр. 606 и след.

дет. когда армяне выйдут, потому что она тогда без сопротивления землями их овладеет»²⁸¹.

Несмотря на тяжелую ситуацию, возникшую после заключения с Турцией договора о новом разграничении персидских владений, признавшие себя царскими «подданными» армянские мелики, юзбаши и старшины наотрез отказались от обещанной царской грамотой перспективы переселения в прикаспийские провинции²⁸². Признавая себя «подданными» царя, сыгнахские бойцы и старшины, военачальники и мелики добивались не одного лишь покоя и благосостояния. Переселение на берега Каспийского моря было бы равносильно отказу от родной страны, от ее прошлого и будущего, от идеи ее политического освобождения. Ориентируясь на покровительство и помощь России, сыгнахцы прежде всего имели в виду освобождение от персидско-турецкого ига и создание элементарных условий, которые гарантировали бы им более или менее независимое существование.

В 1726 году главнокомандующий российскими войсками и управляющий делами оккупированных Россией областей Прикаспия генерал В. В. Долгоруков в своем обращении к петербургскому правительству сообщал: «А что велено мне армян уговаривать, чтоб в завоеванных изших провинциях в Персии, где похотят, селились бы, и армяне о том слышать не хотят, и правда, великий резон есть: оставить места удобныя и идти в бесплодныя»²⁸³.

Заняв Ереванскую крепость, весной 1725 года турки начали развернутое наступление в направлении Тавриза и Ардебиля. В целях обеспечения своего тыла они одновременно решили сломить сопротивление, оказываемое им в Карабахе и Кафане.

Еще в августе 1724 года, турки, стремившиеся захватить провинцию южного Азербайджана, наткнулись на решительное сопротивление Тавриза. Осуществить захват этого города им удалось только в результате наступления 1725 года и то лишь после двухмесячных упорных боев (июль—август 1725 г.), проведенных под командованием Кеprüли-заде Абдаллах-паши²⁸⁴.

Начав наступление в направлении Гянджи и Карабаха, Хаджи Мустафа-паша занял крепость Лори, Казах, Шамшадин и Борчалу²⁸⁵. Затем турки решительной атакой захватили Гянджу (в октябре 1725 г.)²⁸⁶. Как повествует Ду Сегсеац, гянджинцы сопротивлялись два

281) Соловьев, стр. 702.

282) См. док. № 318 и 319.

283) Соловьев, стр. 953 и след. Ср. также док. № 347.

284) См. Ismail Hami Danismend, IV, стр. 14 и 15; Соловьев, т. XIX, стр. 950. Ср. также «Мелкие хроники», II, 433 (на арм. яз.).

285) См. док. № 310.

286) Датируем согласно данным турецкой хронологии, Danismend, IV, стр. 15. По данным армянской летописи Гянджа была занята 25 мая 1725 года. См. «Мелкие хроники», II, стр. 433.

дня²⁸⁷. Не желая сдаваться неприятелю, жители города (очевидно, речь идет об армянах-гянджинцах), согласно сообщению посланца сыгнахцев, Кевха Челеби, «с женами и с детьми и с пожитки, вышли вон и пришли в их армянское собрание», т. е. к сыгнахцам²⁸⁸.

Серьезные неудачи турки потерпели в нагорных районах Карабаха и Кафана.

Как правильно было уже замечено в советской историографии, героическая стойкость, проявленная в боях за Ереван, задержала наступление турок в направлении Карабаха и Кафана на несколько месяцев, вследствие чего эти две области получили возможность подготовиться к обороне²⁸⁹.

Еще в феврале 1725 года три турецких подразделения общей численностью в 6 000 человек проникли в Карабах и в районе Варанди заняли 33 армянских деревни. Однако в начале марта восставшие против турок крестьяне, стремясь предотвратить порабощение населения, внезапным ночным ударом перебили размещенные в захваченных деревнях отряды оккупантов. Двое пашей были убиты, а третий—Салех-паша— пленен. Бегством спаслись лишь немногие из турецких солдат. Количество перебитых турок в наших документах составляет 4—5 тысяч человек²⁹⁰. Внезапные нападения сыгнахцы практиковали, видимо, также и в отношении недругов из армян. Что же касается численности турок, уничтоженных в Варанде, то ввиду слабой вооруженности сыгнахов приведенные выше данные нам представляются преувеличенными. Следует, кстати, полагать, что варандинские сыгнахцы за счет боеприпасов разгромленных турок значительно подняли уровень своей вооруженности. Той же весной турки вторглись в Кафан, но были отогнаны войсками армянских повстанцев²⁹¹.

Однако успехи карабахцев и кафанцев дали армянам лишь временную передышку. В ответ на уничтожение разместившихся в армянских селениях турецких отрядов, турки устраивали армянские погромы: взрослых убивали, а малолетних уводили в плен.

Докладывая об этом графу Головкину, Иван Карпет сообщал: «Турки получа известие о побитии от здешняго народа их войска в провинциях Капан, Реван, Тифлис, где христиан ни найдут старых побивают, а молодых берут в полон, а жилища оных разоряют»²⁹². По сооб-

²⁸⁷) Ди Серсеау, *Histoire de la dernier revolution de Perse*, Paris, 1728, t. II, стр. 35^a.

²⁸⁸) Док. № 325.

²⁸⁹) См. «История армянского народа», Ереван, 1956, стр. 366 (на арм. яз.).

²⁹⁰) См. док. № 310, 312, 315, 318.

²⁹¹) См. док. № 312. Составленная значительно позднее армянская «История Давид-бека» описание этих событий относит не то к 1726, не то к 1727 году. См. «История Давид-бека», стр. 43 и след., ср. стр. 58.

²⁹²) Док. № 318 и 319.

щению католикоса Есаи, турки ловили армян и отправляли их в Турдию или Дагестан²⁹³. В районе Нухи они разрушили много церквей, сожгли немало ценных рукописей, убивали либо вынуждали к обращению в магометанство священнослужителей²⁹⁴.

В послании Мхитар-бека от 24 марта 1726 года перечислены бедствия, причиненные турками Кафану. Заняв местность «Джермук» и овладев в Кафане множеством поселков, монастырей, скитов и деревень, «белоголовые» нещадно резали христиан, вплоть до детей, брали в плен женщин, насиловали девиц. Справившись с беззащитным населением, они обрушили всю свою ярость на вооруженные отряды кафанцев, которые, надеясь на скорую помощь русских, бились как львы, нанося наглому врагу чувствительные удары и освобождая пленных. Освобожденные перебирались в армянскую крепость (речь по-видимому идет о крепости Алидзор.— А. И.). Однако ратная доблесть кафанцев не принесла им спасения. Турки то и дело обрушивались с новой силой на отчаянных защитников Кафана, запертых в теснинах своих скал «как птицы в клетке»²⁹⁵.

Данные послания Мхитар-бека указывают на резкое ухудшение положения героических кафанских борцов за свободу. Этими данными до некоторой степени подтверждаются сообщения армянского источника середины XVIII века о вторжении в Кафан больших сил турок и о блокировании ими армянских партизан, в результате чего «все население страны в смутении и ужасе покинуло Давид-бека и капитулировало перед турками». Лишь один Давид-бек,— читаем мы в этом источнике, посвященном истории восстания кафанцев,— со своими 17 сподвижниками защищал неприступную крепость Алидзор²⁹⁶.

В советской исторической литературе была сделана попытка связать резкое сокращение численности кафанских повстанцев с предположением об имевшей в это время место гибели Давид-бека²⁹⁷. Оставляя здесь в стороне спорный вопрос о дате смерти Давид-бека, мы считаем, что подобное преувеличение роли талантливого предводителя кафанского восстания вряд ли допустимо, поскольку изменение соотношения сил было обусловлено, в основном, общей ситуацией в Закавказье.

Изменением в пользу турок соотношения сил в Закавказье определилось и изменение в дальнейшем позиции ряда деятелей армянского освободительного движения этого периода.

Характерно, что при этом наименее устойчивой оказалась позиция представителей верхушки церковных феодалов. Правда, указы царского

²⁹³) См. док. № 317.

²⁹⁴) См. док. № 324.

²⁹⁵) Док. № 335.

²⁹⁶) См. док.—«История Давид-бека», стр. 43.

²⁹⁷) См. статью П. Т. Арутюняна, Послание Мхитар-бека русскому правительству в «Известиях Академии наук Арм. ССР», 1952, № 3, стр. 87 и след. (на арм. яз).

правительства и вербальные посулы Ивана Карапета об оказании армянам военной помощи не могли не привлечь симпатий высшего армянского духовенства на сторону России. Но для преодоления перешедшей в наступление турецкой армии нужны были не одни указы и посулы. Требовалась реальная помощь со стороны России, нужны были войска и пушки.

Вполне понятно, что оказываемое успешно наступавшим туркам сопротивление ущемляло интересы высшего армянского духовенства, и поэтому оно легко поддавалось капитулянтским настроениям. К капитулянству особенно склонялось высшее духовенство Эчмиадзина, превыше всего ставившее заботы об удержании своей духовной власти над «всеми армянами».

В свое время еще ориентировавшийся на шаха Махмет-Кули-хан, т. е. грузинский царь Константин, за измену армян интересам Персии привлек католикоса Аствацатура к ответственности. Ссылки католикоса на то, что восставшие против персов армяне и войска сыгнахов не подчинены Эчмиадзину, не оказали воздействия на Махмет-Кули-хана. Престарелый католикос был подвергнут пыткам и освобожден из-под ареста лишь по выплате хану 700 туманов²⁹⁸. Однако к концу осады Еревана он уже предлагал туркам свои услуги для ведения переговоров с защитниками Еревана о сдаче крепости²⁹⁹. В письме к Есаи от 4 сентября 1724 года, Эчмиадзинский католикос уговаривал сыгнахцев прекратить сопротивление и послать к турецкому паше представителей с выражением готовности к капитуляции. «Ежели к ним кто придет и поклонится, смерти не будет, понеже, ежели кто придет с покорностью, то не токмо от них какой боязни иметь, но и жалованья от них будет, и дадут таким чин, что лутче и прежнева их чину»³⁰⁰. Слова католикоса не лишены основания. Еще в 1724 году, когда началось наступление турок на Армению, эчмиадзинский легат («нвирак») в Константинополе, Симеон Ереванци, выхлопотал у султана на имя сераскера приказ о том, чтобы оккупационные войска «не подходили к св. Престолу (т. е. Эчмиадзинскому монастырю) и не нанесли ему какого-либо вреда»³⁰¹. Этот приказ во многом помог Эчмиадзину.

По свидетельству преемника Аствацатура — католикоса Карапета правительство султана в 1726 году «с избытком восстановило» права Эчмиадзина на все старые его владения в пределах земель, перешедших теперь к Турции³⁰².

²⁹⁸) См. док. № 168.

²⁹⁹) См. Абраам Ереванци, стр. 26 и след.

³⁰⁰) Док. № 285.

³⁰¹) Симеон Ереванци, Джамбар. М., 1958, стр. 97. Ср. там же, стр. 177 и след., 205 и след., 213 и след., 316 и след., 324 и след.

³⁰²) См. Каталог армянск. рукописей монастыря Кармир-ванк в Ангоре, Антлас, 1956, стр. 102—103 (на арм. яз).

Нетвердую позицию занял и католикос Нерсес из монастыря Трех Младенцев. Указывая на начавшееся в направлении Гянджи наступление турок, он советовал католикосу Есаи воздерживаться от решительных проявлений симпатий к России. Образно намекая на турецкую угрозу, — «ехидна седмиглавая уже пришла и все четыре стороны земли обсыпала и до нас хвостом достает» — и потеряв надежду на помощь со стороны России, он писал: «Вы лутче меня знаете, а от оных, которые к нам приехали, радости нет и доброва от них ждат ничево, и я ныне, смотря на оное, зело боюсь, не будет ли хуже...». Далее, осенью 1724 года в письме к тому же Есаи, католикос Нерсес сообщал, что подчиненные ему военачальники Гюлистана и Чараберта не проявляют былого единодушия: одни «желают к христианской стороне (т. е. ориентируются на помощь и покровительство России.—А. И.), а иные желают к бусурманской (т. е. турецкой.—А. И.) стороне». Есаи из Гюлистана придерживался «ориентации на сильного» и изъявлял готовность капитулировать перед турками, как только они займут Гянджу, «того ради, что некуда детьца». В конце своего послания Нерсес добавил, что им получено письмо, где писано — «генжинские жители татары хотят встретить турецкое войско и поклониться»³⁰³.

К концу лета 1725 года турки оккупировали почти всю Грузию и Армению, а также южный и северный Азербайджан.

Свободными от турецкой оккупации были лишь узкая полоса Каспийского побережья, перешедшая к России, и нагорье Закавказья, оставшееся в руках царя Константина и армянских повстанцев Карабаха и Кафана³⁰⁴.

Вся эта описанная нами ситуация, разумеется, не могла не обескуражить народы Закавказья. В послании, адресованном царю Петру 28 октября 1725 года, армянские крестьяне из района Кабалу (Нухинской области) рисовали свое положение в самых мрачных красках: «Докладываем тебе... что османская армия прибыла и заняла Гянджу. Положение сыгнахцев тяжелое. Не сегодня — завтра турки займут и их земли, после чего они наступят на Шемаху. Пока не заняли земли сыгнахцев, наступить на Шемаху боятся, опасаясь очутиться в тисках (со стороны сыгнахцев и русских). Все наши деревни, а также и Шеки насильно исламизированы. Наши рукописи, книги и церкви сожжены, священники вырезаны. Много людей погибло под ударами мечей из-за веры. Положение сейчас такое, что днем исповедуем магометанство, ночью — христианство. Другого выхода не осталось у нас»³⁰⁵.

Весною 1726 года в письме к Минасу-вардапету католикос Есаи извещал: захватив Тбилиси, Ереван, Гянджу и Тавриз, турецкие войска

303) Док. № 286.

304) См. Lockhart, стр. 266.

305) Док. № 324. Ср. док. № 308.

упрочили свои позиции вплоть до Шемахи и тем самым крайне затруднили положение сыгнахцев; так что для наступления в сторону Баку и Дербента туркам остается занять лишь Карабах. Многие из сыгнахцев, перестав надеяться на скорую помощь из России, переходят к туркам. В этих условиях продолжать сопротивление туркам «окажется вредным»³⁰⁶.

В ожидании наступательных операций турецкой армии католикос Есаи обратился также и к российскому командованию с предупреждением о том, что, если до пасхи русские не войдут в Шемаху, то турки возьмут верх, и судьба Карабаха будет решена³⁰⁷.

В мрачных красках представлялось в это время положение дел в Карабахе даже таким руководителям сыгнахцев, как Аван-юзбаша и Иван Карапет.

Еще в конце 1725 года они задумывались над вопросом переброски подчиненного им 10-тысячного войска в Гилян. Из докладной записки генерала Матюшкина от 19 декабря 1725 года мы узнаем, что мысль эта не была осуществлена лишь потому, что карабахцы не желали перед лицом турецкого наступления оставить страну без военной защиты. Аван-юзбаша принял решение продолжать сопротивление туркам и для этой цели построить в Карабахе «новую крепость»³⁰⁸. Приступить к этому делу было тем более необходимо, что через посланного к русскому командованию гонца Ивана Карапета, некоего Хачатура, весной 1726 года сыгнахцы получили сведение о скором будто бы вступлении в Шемаху 60-тысячной русской армии. В связи с этим Ивану Карапету предлагалось готовиться к продвижению сыгнахских войск в сторону Шемахи³⁰⁹.

Известие, полученное от Хачатура, приободрило армян, вселило в них светлую надежду. В мае 1726 года Иван Карапет получил от патриарха Есаи, меликов и юзбашей сыгнахов и Гехаркуни (в юго-восточном районе озера Севан) новую серию заявлений об их верности российскому знамени и готовности с оружием в руках поддержать наступление русских. В орбиту освободительного движения карабахских армян в период нового его подъема были вовлечены также армянские мелики, юзбаша и старейшины Чараберта, Гюлистана и Варанды, порою занимавшие выжидательную либо враждебную позицию³¹⁰. Но, поскольку в условиях неуклонного расширения зоны турецкой оккупации переброска основных боевых сил сыгнахцев в сторону Шемахи могла быть воспринята армянским населением Карабаха как прекращение сопротивления

³⁰⁶) Док. № 339.

³⁰⁷) См. док. № 337 и 338. Ср. док. № 344.

³⁰⁸) См. А. Абрамян, стр. 121.

³⁰⁹) См. док. № 340.

³¹⁰) См. А. Абрамян, стр. 247—253.

туркам, руководители сыгнахов обещали выслать навстречу русским лишь отдельные отряды³¹¹.

Вскоре, однако, выяснилось, что, в точности выполняя взятые по Константинопольскому трактату обязательства, согласно которым Шемаха и прилегающие к ней районы должны были остаться под протекторатом Турции и в непосредственном подчинении вассала турок — Хаджи Давуд-хана, русское командование никакой армии в Шемаху не перебросит. И это несмотря на то, что, грубо нарушив установки этого трактата, турки заняли Ардебиль и Казвин, — города, отнесенные по трактату к территории Персии.

Занятие западных районов Восточного Закавказья турки считали необходимым условием вторжения в Шемаху и Дербент или даже в Гилян³¹².

В адресованном прибывшему в Закавказье Вахтанг-хану письме от 15 июня 1726 года сообщив о налете турок на армянские деревни Чараберта и об отбитом сыгнахами турецком наскоке в районе Хачена, католикос Есаи категорически предупреждал о том, что взятие Шемахи уже не терпит отлагательства. Если будет упущен и этот срок, — писал Есаи, — никто больше сыгнахам не поможет. «Если вовсе не полагаете помочь нам, пришлите об этом хотя бы ясный ответ с тем, чтобы мы поискали бы себе выход из положения, так как дело уже дошло до крайности»³¹³. Четырьмя днями позже, не дождавшись ответа от Вахтанга, Есаи написал письмо Ивану Карапету, в котором дал понять, что он принял решение резко изменить направление своей деятельности и будет вынужден отказаться от сопротивления турецким захватчикам. Это письмо также не удостоилось ответа.

Перемена в позиции католикоса Есаи произошла, очевидно, лишь после того, как ему стало известно, что турки совместно с представителем России приступают к проведению в Закавказье предусмотренной Константинопольским трактатом демаркационной линии между владениями обоих государств. В упомянутом письме к Ивану Карапету католикос сообщает о прибытии в Шемаху турецкого сераскера — Хаджи-Мустафа-паши и русского «посла» — майора Александра Румянцева — полномочного представителя России для проведения пограничной линии «между двумя царями» (т. е. между Россией и Турцией) и признает дальнейшее сопротивление осуществлению подписанного двумя державами трактата бесцельным. Католикос Есаи считал, что при сложившихся обстоятельствах необходимы уступки силе и что делаются они не по доброй воле, а по злой необходимости, ради сохранения физического существования своей паствы. «Тебе надлежит, — читаем мы в армянском подлиннике упомянутого письма, — увещевать наших ребят угомониться

³¹¹) Там же, стр. 251.

³¹²) См. док. № 333 и Lockhart, стр. 351 и след.

³¹³) Док. № 344.

и не связываться с настроением деревенских масс: если все же начнут драку [с турками]—пусть сами и отвечают за последствия»³¹⁴. Эти строки весьма сведущего в сыгнахских делах патриарха крайне ценны. Они проливают свет на характер всего движения сыгнахов, свидетельствуя о том, что подлинной движущей силой в освободительной борьбе армян Карабаха (и Кафана) являлись «деревенские массы». Феодальные верхушки лишь возглавляли движение, «связываясь» с этими массами или учитывая их «настроения» в интересах движения в целом или же своих собственных.

Есаи не счел возможным ограничиться лишь ролью стороннего наблюдателя «драки» сыгнахцев с турками. Он вмешался в «драку» с целью приостановить ее. Об этом мы узнаем из письма юзбашей Авача и Ована к военачальнику русской армии от 14 ноября 1726 года.

В этом письме упоминается о встрече ряда карабахских меликов и старейшин («кедхуда») во главе с католикосом Есаи с прибывшим из Шемахи в Барду турецким сараскером, главнокомандующим турецкой армией Сары-Мустафа-пашой. Встреча предвещала капитуляцию сыгнахских властей перед вооруженными силами турок.

Глубоко трагичным был конец патриарха, одного из замечательных деятелей повстанческого движения сыгнахцев: он встал на путь капитуляции перед лютыми врагами свободы Армении и народов всего Закавказья. Одни, не желавшие сдаваться врагу, инкриминировали ему предательство, другие, благодаря движению сопротивления разорившиеся вконец, обвиняли его в том, что обещанием помощи из России он обманул народ. Согласно реляции Минаса-вардапета, сыгнахские армяне «межд[о]усобную брань учинили и на его, патриарха, в знегодовали. причем оной патриарх от возимеющих[ся] ему великих оскорблений и печелей бедственне живот свой окончал»³¹⁵.

В 1727 году захват Карабаха был уже совершившимся фактом. В армянской памятной записи этого года, сделанной в Чараберте, читаем: «страна наша подвластна османцам»³¹⁶.

Капитуляция гражданских властей еще не означала прекращения борьбы вооруженных сыгнахцев. Несмотря на невероятные трудности и явное неравенство сил, в Карабахе и Кафане сыгнахцы продолжали сопротивляться туркам: в сентябре 1726 года они восстали против захватчиков, считавших себя полноправными хозяевами Карабаха не только в силу заключенного с Россией трактата, но и в результате капитуляции Гянджинского ханства, в состав которого входил и Кара-

314) Док. № 345.

315) Док. № 380, § 13.

316) А. Топчиян. Каталог рукописей Хачика-вардапета Дадяна, 1898 г., Вагаршапат, ч. I, стр. 70 (на арм. яз.).

бах³¹⁷. Турецкий хронист Челеби-заде, со слов главаря лезгин Хаджи-Давуда, повествует о «разбое» сыгнахской конницы Авана, после захвата турками Гянджи в составе тысячи наездников осмелившейся прибыть в Карабах и, укрепившись в Сыгнахе, выказывать неповиновение туркам и своими пушками и снарядами якобы разорять страну сыгнахцев и ввергать жителей в тяжелую нужду.

Осенью 1726 года прибывшие из Шемахи войска Сары-Мустафы-лаши, при поддержке капитулировавшей перед ними части сыгнахских руководителей, вооруженные пушками и снарядами, заняли деревню Шуши (Шош, ныне Шушикент.— А. И.), ворвались в центр военного лагеря Авана-юзбаши, укрепившегося в сыгнахе (т. е. в крепости Кар.— А. И.), и принудили его к бегству. После восьмидневных боевых действий турки расстреляли 400 повстанцев-армян, многих полонили и прибрали к рукам табуны лошадей и большое количество скота. Однако они не смогли овладеть всем районом восстания³¹⁸. Аван-юзбаши и его сподвижники сосредоточили остатки своих сил в подчиненном Тархану-юзбаши укреплении Туг в магале Дизак, но с ними турки в бой не ввязались. По данным наших документов войска Сары-Мустафы-лаши потеряли на поле брани двух генералов, 800 аскеров и продержались в крепости Кар недолго. Перед наступлением зимы они покинули крепость, оттянув свои войска в Гянджу³¹⁹.

Освободительное движение армян против турецких захватчиков перекликалось с настроениями прочих народностей Закавказья также и во второй половине двадцатых годов. К восставшим против турок сыгнахцам примкнуло живущее на стыке Карабаха и Кафана горное курдское племя карачорлу, а также и «шахсеваны» Муганской степи во главе с ориентировавшейся на Персию частью азербайджанских феодалов³²⁰.

В адресованном Остерману зашифрованном письме от 1 августа 1726 года генерал В. Левашов сообщал: «Турки с великими тугами неоднократно на армян ходили, но четверократ баталии проиграли и до ныне армяне туркам сопротивляются. И на муганцов неоднократно ж турки ходили, а овладеть ими не могли»³²¹.

Сообщение Левашова подтверждается также и турецким повествованием об упорных боях турок против действовавших в союзе с армянами курдских и азербайджанских повстанцев. Согласно сообщению Челеби-заде, в августе 1727 года тавризский сераскер двинул в магалы Дизак и Баргушат против курдских племен карачорлу, Хаджи-Али и

317) См. «Турецкие источники об Армении и армянах и других народах Закавказья», стр. 158 и след.

318) Там же, а также док. № 346.

319) Там же.

320) См. «Турецкие источники об Армении и армянах и других народах Закавказья», стр. 159.

321) А. Абрамян, стр. 132.

Мамуды и против «шахсеванов» Муганской степи 15-тысячную легкую кавалерию. Однако мобилизованные для этой кампании новобранцы, а также широкие слои турецкого народа высказывались против борьбы с мусульманами и, не поднимая оружия против единоверцев, заставили Порту заключить с ними мир. Прекратив борьбу с племенем карачорлу, обязавшимся подчиняться их аширетам и в дальнейшем не поддерживать связей с армянами, турки заключили с курдскими повстанцами мирное соглашение, в силу которого, по проведении переписи населения аширета карачорлу, им были переданы обособленные имперские земли (хасы и хасы мир-лева), с тем, чтобы одна половина доходов от этих земель поступала в распоряжение племени карачорлу, а другая — в гянджинскую казну³²².

IX

РУССКО-АРМЯНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 20-х ГОДОВ XVIII ВЕКА

Дав согласие на подписание Константинопольского договора, Петр не перестал интересоваться освободительным движением народов Закавказья.

Если, в частности, армянский народ тешил себя надеждой освободиться от гнета Персии или Турции с помощью Петра, то и Петр не терял из виду перспективу проникновения в области, населенные армянами, даже после того, как им была санкционирована оккупация этих областей турками.

Содержание Константинопольского договора определялось реальным соотношением сил, сложившихся в Закавказье и во всей Передней Азии к моменту его подписания. Однако намеченные в договоре пограничные линии между Россией, Турцией и Персией вовсе не означали, что турки отказываются от стремления расширить пределы своего господства, а русские — от политики распространения своего влияния на области Закавказья, обитаемые азербайджанцами, грузинами и армянами.

В августе 1724 года, отправляя бригадира Румянцева в Закавказье для установления новых пограничных линий, царь дал ему наказ «смотреть крепко местоположения от Баку до Грузии; какая дорога для прохода войск; можно ли провианту сыскать; Армяне далеко ли от Гру-

---

³²²) Пользуемся армянским переводом выписки из хроники Челеби-заде (VI том «Тарих Рашид»), не вошедшим в составленный А. Х. Сафрастяном сборник «Турецкие источники об Армении и пр.» (См. Архив Института истории Академии наук Арм. ССР), также Напслег, III, стр. 412.

зии и с тою пути; можно ли Курою идти до Грузии судами, хотя малы-ми; состояние и силы Грузинцев и Армян, також пути»³²³.

Этот наказ свидетельствует о том, что, взяв курс на мирное урегулирование конфликта с Турцией, Петр надеялся, что, по мере укрепления военной базы России на Каспийском побережье и при благоприятном стечении обстоятельств, российское правительство сможет перейти к политике противодействия турецким агрессорам даже после подписания договора 1724-го года³²⁴.

Однако после последовавшей в начале 1725 года кончины Петра. ближайшие преемники царя не проявляли склонности к активному выступлению против турок. И это несмотря даже на то, что, по мнению турок, после заключения Россией в 1727 году мирного договора с Эшреф-ханом, захватившим персидскую корону, русско-турецкий трактат 1724 года был лишен юридической силы³²⁵.

Осальный при Петре генерал В. В. Долгоруков, назначенный после смерти царя главнокомандующим войсками и управляющим делами оккупированных Россией областей Прикаспия, в своих обращениях в Петербург неоднократно указывал на ослабление турок после нанесения им Эшрефом поражения и на необходимость активизации российской армии в интересах защиты армянских повстанцев, просящих помощи. В своем обращении к императрице 30 ноября 1726 года Долгоруков писал: «Турецкие действия в Персии зело в слабость приходят: армяне неоднократно турок побили и требуют с нашими войсками соединиться; слезно просят с нашими войсками соединиться; просят хотя-б некоторую часть к ним прислать: а мне за указом в. и. в. того учинить нельзя для озлобления турок, и, сколько могу армян обнадеживаю, чтоб с терпеливостью ожидали несколько времени; однакож видят они, что от нас им никакой пользы и надежды нет, и сколько могут, с великою отвагою против турок мужественно поступают; и ежели в нынешнее благополучное время соединиться было можно нашим войскам с армянами, видя слабость турецкую, можно б надеяться, что действия наши сильны могли быть... Паша (речь идет о Сари-Мустафе-паше.— А. И.), который был определен для разграничивания с г. Румянцевым, пошел из Шемахи на армян, и ежели турки пользу какую над армянами получают и приведут их в подданство к себе,— зело сожалеть нам их, армян, что мы их оставили, и впредь нам, трудно к себе присовокупить будет»³²⁶.

Далее, в конце февраля 1727 года Долгоруков докладывал правительству о том, что к нему в Дербент прибыли представители армянских сыгнахов и что они просят присылки российского войска, содержание

323) П. Г. Бутков, I, стр. 62.

324) См. Lockhart, стр. 353, прим. 3.

325) См. Ismail Hami Danismend, стр. 16.

326) Соловьев, стр. 953 и след. Ср. также док. № 348.

которого готовы взять на себя. По мнению Долгорукова отказывать в этом армянам значило бы «вовсе их от себя отогнать»³²⁷. Он не считал возможным игнорировать значение самостоятельных действий сыгнахских войск и, согласно полученному им из Петербурга приказу, призвать армян на службу в русской армии. Для службы в регулярной русской армии, — писал Долгоруков, — сыгнахские партизаны мало пригодны: «кроме великой и несносной суммы денег помянутым за заплату, не стоят оные одного полку нашего пехотного или драгунского»; притом, — напоминал он, — призыв армян в российскую армию противоречил бы духу заключенного трактата и вызвал бы недовольство турок. Не следует призывать сыгнахских армян еще и потому, что они ведут непрекращающиеся бои с сосредоточенной в Гяндже мощной армией Саримустафы-паши. Русское правительство не должно также лишать их надежды на военную помощь, если даже эта помощь вряд ли возможна. Следует, — писал генерал, — показать армянам «слабость состояния турецкого» и в связи с этим не лишать их перспективы нашего продвижения к линии реки Аракс, что могло бы дать им возможность переселиться в ваши владения³²⁸.

Хотя Долгоруков и сам мало верил в эффективность и полезность подобной политики, тем не менее, не находя иного средства «армяк удержать от подданства» (туркам. — А. И.), он счел нужным направить прибывших к нему представителей сыгнахцев в Петербург. Эту меру, полагал он, армяне воспримут как проявление интереса к их домогательствам и, кроме того, она поможет выиграть время, ибо «воспоследует конъюктурам какая в пользе нашей п[е]ремена, по которым тогда можем принять другия меры»³²⁹.

В августе 1727 года в ответ на донесение Долгорукова последовал указ, и в нем было сказано: «Вам надлежит, по силе прежних наших указов, собрав тамо войска нашего сколько возможно, весть далее в Персию, дабы тем показать вид к действиям и армян ободрить к вящей надежде на нас». И далее: «при настоящем времени армян вам всякими способами укреплять, чтоб они против турок твердо стояли и оным не поддавались, чиня им представления и обнадеживания, таким образом, как вы о том в доношении своем от 11 мая мнение свое написали, и показывая слабость турецкую, и что, чаятельно, вскоре может притти случай им с нашей стороны сильно вспомогать и обще с ними действовать»³³⁰.

Политика обнадеживания не дала положительных результатов. Продолжая укреплять свои позиции в захваченных ими областях Закавказья, турки ушорно продолжали внедряться в контролируемые армя-

327) Док. № 352.

328) См. док. № 355.

329) Там же.

330) Док. № 357.

ними районы Кафана и Карабаха. Некоторые из сыгнахских военачальников, в том числе и Аван-юзбаши, и его брат Тархан-юзбаши, перебрались в Россию. Хотя российское правительство и ставило вопрос о целесообразности привлечения на русскую службу «знатных» армянских военачальников, единодушия в разрешении этого вопроса не было. «Ежели все знатные в российскую сторону перейдут,— писал бригадир Румянцев,— то никакого плода от них не надлежит ждать, понеже будут требовать себе великого жалованья; также, которые имеютца в порции российской армянския деревни, то ими их (т. е. «знатных» армян.— А. И.) удовлетворить будет не возможно; еще станут просить и бурманских деревень, которых по ево (Румянцева—А. И.) мнению, отдавать им не возможно»³³¹. «Ежели юзбаша Тархан будет требовать,— продолжал Румянцев,— что армянския деревни, которые в порции российской имеютца, отдать в их команду, или некоторых деревень будут требовать во владение свое, то весьма армяня под командою их быть не желают, ибо от них ему, Румянцеву, пропозиция о том была, и ежели отданы будут, то все разойдутся. А понеже в Мушкурах и около Теньги и Шеврани армянских деревень имеется многое число с которых в казну податей собирается больше, нежели им (т. е. армянским военачальникам) жалованье учинить»³³².

Опасения Румянцева не были лишены известного основания. Переселившись на Северный Кавказ, Аван-юзбаши стал хлопотать о том, чтобы российское правительство передало ему в собственность девять деревень армян-переселенцев и чтобы ему был присвоен чин генерал-майора. Затем, получив и чин и деревни, он просил правительство запретить освобожденным российскими войсками пленникам-армянам возвращаться на родину³³³, дабы не испытывать нужды в рабочей силе.

Эти сообщения о домогательствах военачальников и сведения об оказываемом им сопротивлении со стороны крестьянства весьма ценны. Они вскрывают острые противоречия, существовавшие во взаимоотношениях между армянскими военачальниками и подчиненными им крестьянскими общинами Карабаха, которые переносились или могли быть перенесены в районы прикаспийских поселений. В качестве персидских тиульдаров армянские мелики и юзбаши Карабаха распоряжались налоговыми сборами, что давало им возможность управлять деревнями, набирать и содержать войска и прочее. Усилив свою власть над крестьянами, в дальнейшем они расширили свои права на их земли. На этой почве между армянскими феодалами и подчиненными им крестьянами, очевидно, шла упорная борьба.

Нельзя, тем не менее, обойти молчанием некоторую неприязнен-

³³¹) Док. № 372.

³³²) Док. № 374.

³³³) См. Лео, История армянского народа, III, стр. 664 (на арм. яз.).

ность, проскальзывающую в донесениях бригадира Румянцева об армянских деятелях и их домогательствах. Озабоченный задачей быстрого и успешного проведения новой пограничной линии, Румянцев не имел ни возможности, ни желания заниматься рассмотрением вопросов, волновавших представителей армянских сыгнахов. Последние не понимали, конечно, что Константинопольский трактат, реализация которого входила в обязанность бригадира, не совмещался более с освободительной борьбой армянского народа и, вопреки рекомендациям Румянцева, продолжали оказывать туркам вооруженное сопротивление. Отсюда жалобы Румянцева на то, что армяне его «безпрестанно докучают» разными просьбами, что он от них «покою не имеет», что Аван юзбаши, прославленный организатор и руководитель сопротивления сыгнахцев — человек «весьма слабого ума»³³⁴, а также, что армянским юзбашам следует выдавать некоторое денежное вознаграждение, и «только для единого христианства», но что «от них пользы надеяться» он. Румянцев, «впредь надежды не имеет» и прочее.

* * *

Несмотря на случаи прорыва фронта сыгнахцев и понесенные ими большие людские и материальные жертвы, туркам не удавалось сломить их сопротивление. Отстаивая свою независимость, армянское население сыгнахов отказывалось платить туркам подати: лишь некоторые отдаленные от укрепленных мест деревни вынуждены были выполнять податные претензии турок³³⁵.

В прошении сыгнахских юзбашей на имя императора Петра, написанном в феврале 1729 года, встречаем заверение в том, что вот уже несколько лет в Нагорном Карабахе существует «армянское собрание», ведущее «с турецкими войсками... баталии» и что в армянских сыгнахах «имеются многия тысячи душ, которых... все сохранны и в плен турецкому войску ни одной души не утрачено»³³⁶.

По, возможно, несколько преувеличенным сообщениям юзбашей Авана и Тархана, сделанным в коллегии иностранных дел, в том же году, несмотря на значительный отсев сыгнахцев, армянское воинство все еще состояло из четырех подразделений, общей численностью до 30 тысяч человек. Оборонялось оно по-прежнему «в крепких местах, в горах, — писали Аван и Тархан-юзбаши, — и как они надеются... никто их, по крепости местоположения и по силе их, взять не может». Во главе этих войск стояли юзбаши Аван (в Шоше), Тархан (в Дизаке), Абраам (в Гюлистане), Оан (в Хачене) и Багы (в Варанде)³³⁷.

³³⁴) Док. № 372.

³³⁵) См. док. № 375, пункт 5, и 376.

³³⁶) Док. № 376.

³³⁷) См. Эзов, стр. 444 и след.

После 1729-го года, когда старые вожди сыгнахцев, такие, как Аван и Тархан, покинув Карабах, переселились в Россию, руководство движением перешло к другим военачальникам. Не изменяя политической линии, основы которой были заложены Гянджинским договором, новые военачальники продолжали борьбу с турецкими захватчиками в едином фронте с поддерживаемым Россией диктатором Персии — Надиром³³⁸. Среди боевых руководителей сыгнахов начали выделяться имена юзбаши Баги из Варанды и особенно юзбаши Абрама из Гюлистана.

Ряд турецких фирманов на имя Али-султана Шекинского говорят о сопротивлении, оказанном сыгнахами туркам в 1729—1731 годах.

Еще в 1722 году фирманом турецкого султана Али-султан был назначен бекларбеком Шекинского владения, с поручением «действовать совокупно» с Ширванским бекларбеком Хаджи-Давудом³³⁹.

Спустя семь лет, в 1729 году, Али-султан, ставший теперь Али-пашой, назначается в отряд гянджинского визиря Ибрагима-паши и получает указание: «двинуться для наказания и усмирения сыгнахских возмутителей», коим объявляется священная война³⁴⁰.

Из другого фирмана того же года мы узнаем об этих «возмутителях» ряд подробностей: «Некий негодяй из Сыгнахских жителей по имени Абрам, явившись туда (т. е. в страну Сыгнах.— А. И.) предъявил подложный фирман от Иофаганского шаха и разослал копии с него в разные стороны. Хотя большинство шиитов не дало этому фирману веры, но часть молодежи, полагая его действительным, собралась к упомянутому негодяю Абраму, о чем донесен нашему двору Генджинским правителем, нашим визирем Ибрагим-пашею. Вследствие чего, по высочайшей нашей воле, названный наш визир назначен на истребление тою Абрама и его скопища».

Мы затрудняемся отождествить названного здесь Абрама-юзбаши с неоднократно упомянутым нами юзбаши Абрамом из Гюлистана, братом юзбашей Есаи и Саркиса, некогда «ориентировавшимся» на турок. Возможно, что упоминаемый в фирмане «гяур» — новая фигура. Не исключена возможность, что это тот «Абрам юзбаши, сын Геворка из деревни Гюлистан», имя которого встречается в одном из издаваемых нами документов³⁴¹. Бесспорно, однако, что это — личность, оставившая в памяти своих односельчан яркий след. В селе Гюлистан сохранилась построенная им крепость с высеченным на ней именем «Абрам спаралет»³⁴². Как известно, современники присвоили титул «спаралет» и со-

338) О борьбе Надира с Турцией см. Акты Кавказской археогр. комиссии. II, стр. 1095 и след.

339) См. Акты Кавказской археографической комиссии, II, стр. 1091.

340) Там же, стр. 1091 и след.

341) См. док. № 341.

342) См. М. Бархударянц. Арцах, Баку, 1895, стр. 241 (на арм. яз.).

ратнику Давид-бека — Мхитар-беку. По армянским преданиям, юзбаши нагнал на турок страх и получил от них прозвище «Ибрагим-гяур»³⁴³.

Особенно важно отметить, что под руководством Абрама-юзбаши сыгнахцы выступали совместно с азербайджанской молодежью. Турецкая версия о якобы «ложном» фирмане шаха создана, по-видимому, для того, чтобы изолировать армянских повстанцев от их азербайджанских соседей. На деле указание на то, что юзбаши Абрам прикрывался «ложным» шахским фирманом, свидетельствует лишь о том, что установленный Иваном Карапетом контакт с персами оставался в силе и в эту пору, в период возвышения Надира.

Последний из упомянутых фирманов относится к 1731 году.

«Жительствующие в соседстве Гянджинской области проклятые сыгнахские гяуры, — читаем мы здесь, — уже несколько лет перестали платить законную дань и начали упорствовать в непокорности и возмущениях, а потому, согласно постановлениям шариата, оказалось необходимым истребить их в наказание за их действия». Для этой цели туркам пришлось мобилизовать силы управляющего Ереваном Ибрагима-паши, управляющего Баязетом Махмуд паши, эмиров Курдистана, войска Дагестана, Ширвана и Гянджи. В конце фирмана говорится, что если «гяуры» изъявят желание внести в казну причитающуюся с них дань, согласятся стать на словах и на деле покорными подданными султана и представят верных заложников, «то уважить их просьбу»; иначе — двинуться на них, разрушить их жилища и укрепления и произвести в их стране «должное опустошение»³⁴⁴.

Ценным в этом фирмане является прежде всего указание на длительный характер сопротивления («уже несколько лет») армян сыгнахов признанию турецкого господства и на решительность этого сопротивления. Чтобы преодолеть его, туркам пришлось мобилизовать войска нескольких пашалыков, эмирств и бекларбекств.

Следует, однако, учесть, что поддерживаемое армянами восстание в Карабахе не было единственным, — подобные восстания в районах турецкой оккупации вспыхивали всюду. Они имели место также в Карадаге, Ардебиле, Халхале, Ширване и Мараге. Количество повстанцев достигло нескольких десятков тысяч. Султан перебрасывал в районы оккупации целые армии и, как например в Ардебиле, жестоко подавлял народные волнения³⁴⁵.

Поднявшаяся повсюду новая волна повстанческого движения против турецких оккупантов, по всей вероятности, была вызвана упрочением власти Надира и активизацией его антитурецкой политики. С другой стороны, движение это явилось, по-видимому, ответом широких

³⁴³ См. Раффи. Меликства хамсе, Тифлис, 1882, стр. 10, прим. (на арм. яз.).

³⁴⁴ Акты Кавк. арх. комиссия, II, стр. 1093.

³⁴⁵ См. «История Азербайджана», Баку, 1958, т. I, стр. 312.

народных масс на усиление налогового пресса турок. Исходя из данных опубликованных недавно налоговых реестров деревни Вагаршапат за 1725 и 1728 годы, можно предположить, что в первые годы оккупации турки проводили в Закавказье сравнительно мягкую налоговую политику; однако впоследствии, после всеобщей переписи 1728 года, обложение населения осуществлялось согласно действовавшим в Турции налоговым нормам, что повлекло за собой введение новых видов обложений и резкий скачок общей суммы налоговых взносов³⁴⁶.

Ближайшие преемники Петра Великого сочли целесообразным отозвать из Гиляна свои войска (1732) и вскоре после этого покинуть также западное побережье Каспийского моря (1735), поскольку, как утверждали российские дипломаты, благодаря удаче Надир-шаха, Иран уже мог противодействовать турецкой экспансии и без российской помощи. Вслед за этим, в 1736 г. в Эрзеруме был подписан персидско-турецкий договор, в силу которого Персии были возвращены также владения, оккупированные турками в Закавказье.

Хотя, таким образом, с середины 30-х годов географическая карта Закавказья получила тот же вид, какой она имела накануне Персидского похода, все же в истории русско-армянских отношений первой трети XVIII века трудно переоценить политические результаты этого похода.

Развернувшиеся в это время события в Персии и Закавказье всколыхнули широкие массы армян, поставив их перед необходимостью организации обороны страны от вторжения поработителей. Продвижение России к ее естественным рубежам на Кавказе и оккупация российскими войсками принадлежавшего персам побережья Каспийского моря придали оборонительным выступлениям армян характер освободительной борьбы против персидских и турецких захватчиков. Народно-освободительное движение армян в дальнейшем стало одним из исторических рычагов для претворения в жизнь ближневосточной политики российского правительства.

Публикуемые в настоящем сборнике документы овидетельствуют не только о крайней напряженности этой борьбы, — они раскрывают и сущность идей, окрылявших армян в этой борьбе.

Вооруженные выступления повстанческих отрядов армян в Ереване, Кафане и Карабахе, сотрудничество боевых сил грузин, армян и азербайджанцев в деле защиты от лезгинских и персидских феодалов и вкравшихся в глубь Закавказья полчищ султанской Турции — стоили много крови. Однако эти усилия и жертвы опасли народы Закавказья от массового истребления и порабощения.

Надежда на военную помощь великой северной державы, в част-

---

³⁴⁶) См. А. Папазян. Турецкие налоговые реестры села Вагаршапат 1725—1728 гг. («Банбер Матенадарани», № 5, стр. 446). На арм. яз.

ности, пробудила политическое самосознание масс и руководителей армянского народа. Движение сопротивления армян в Карабахе и Кафане переросло в совместную борьбу армян и грузин за политическое освобождение от персидской зависимости. Под конец в эту общую борьбу включились азербайджанцы и персы для совместных выступлений уже против турецких захватчиков. Идея содружества народов Закавказья осуществлялась не без руководящих рекомендаций российского правительства.

Поддерживаемое Россией сотрудничество закавказских народов с Персией оправдало себя и позднее, в период выхода Надир-шаха на арену истории. Надир отвоевал захваченные турками территории Персии, в том числе населенные армянами области Нагорного Карабаха и Кафана. Учтя поддержку, оказанную ему армянскими сигналами, он расширил права армянских меликств в Карабахе и признал их независимость от гянджинских ханов, верных вассалов Сефевидов, не признававших власти персидского узурпатора³⁴⁷.

Боевое содружество грузин, армян и азербайджанцев явилось одним из ранних проявлений поднявшихся в 20-х годах XVIII века в Персии и Закавказье народных движений против чужеземных поработителей. Наступательные действия против Надира, оказавшегося на гребне волны народно-освободительного движения, были парализованы массовыми брожениями внутри армии завоевателей—турок. В итоге это и заставило последних отказаться от захваченных в Персии и Закавказье территорий.

После смерти Надира (1747) мелики Карабаха пользовались своим независимым положением еще лет 15. Позднее, многие из них оказались в зависимости от мусульманских ханов Карабаха. Проецируя свои политические идеалы в прошлое, идеологи армянской буржуазии проявляли склонность считать меликов Карабаха предшественниками армянского национально-освободительного движения XIX века. Однако феодально-ограниченному классовому сознанию меликов были чужды национальные устремления армянской буржуазии XIX века. Задачи, вытекавшие из устремлений буржуазных наследников, им были не по плечу.

Впрочем, общенациональные устремления были чужды и противникам карабахских меликов—азербайджанским ханам Карабаха. «Независимые ханы, овладевшие разными областями, вели междоусобные и внешние войны, не имея ни времени, ни способов восстановить благоденствие народа»,—писал историк-просветитель азербайджанского народа Абас Кули Бакиханов³⁴⁸.

---

³⁴⁷) Матенадаран, рук. № 4463. (Армянский перевод азербайджанской хроники Мирза Адюгезаль-бека).

³⁴⁸) А. К. Бакиханов. Гюлистан—Ирам, Бакв. 1926, стр. 164.

Продолжая претендовать на независимость от Карабахского ханства, в своих обращениях к России армянские мелики называли себя наследниками Аршакидских и Албанских царей³⁴⁹, обнаруживая этим намерение заменить после распада государства Надир-шаха господство ханов Карабаха независимыми феодальными меликствами в противовес стремлению ханов сохранить свои феодальные суверенные права на владения меликов. Однако в условиях экономической деградации и политического распада персидского государства, крайнего упадка производительных сил, непрерывных войн между отдельными центральными областями страны, никаких предпосылок для дальнейшего существования местных ханов или меликов не было. Стремление азербайджанских и армянских феодалов к независимости оказалось несбыточным, также как в свое время и стремление Давид-бека ограничить власть местных феодалов или упрочить союз феодальных «верхов» и «низов». Подобный, более или менее прочный или длительный союз во второй половине XVIII века не был возможным и между народами и областями Закавказья.

Даже Ираклий II, царь Картли, на которого передовые представители армянской общественной мысли XVIII века уповали как на вождя, призванного объединить освободительные усилия народов Закавказья, не только не встал во главе освободительного движения, но и был вынужден отступить перед варварской армией Ага Махмат-хана. Присоединившись к России, феодалы Грузии лишились собственного царства.

Народы Закавказья не были заинтересованы в увековечении власти местных меликов и тавадов, беков и агаларов, князей и ханов, бессильных ликвидировать господствовавший в стране режим феодальной междоусобицы и анархии и вывести ее из тенет экономической отсталости, варварства и одичания. Единственным выходом для них явилось присоединение страны к России, способной обезопасить ее от реставрации персидско-турецкого владычества и щупальцев англо-французских интриг и обеспечить ее народам мир и перспективы экономического и культурного преуспеяния.

Освободительное движение народов Закавказья вступило в новую полосу своего развития, — в полосу борьбы трудящихся за национальное и социальное освобождение от помещичье-капиталистического гнета эпохи царизма — лишь спустя сто лет после того, как его руководители сошли с исторической арены.

Ашот Иоаннисян

---

³⁴⁹ А. Р. Иоаннисян, Россия и армянское освободительное движение 80-х годов XVIII столетия, Ереван, 1947, стр. 33.